

ss.
D
E

ti
y
ti

P. O. Run 83 (5)

Handwritten text in a cursive script, likely Arabic or Persian, appearing as a faint stamp or signature in the upper left quadrant of the page.

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ

ВАСИЛІА НАРѢЖНАГО.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1835.

издана

А.В. Коробей

P. o. russ. 83 (5

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ,

СОЧИНЕНІЯ

Василія Нарпѣжнаго.

Днч

=

Дг

Во

H-28

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Изданіе второе.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

—

1856.

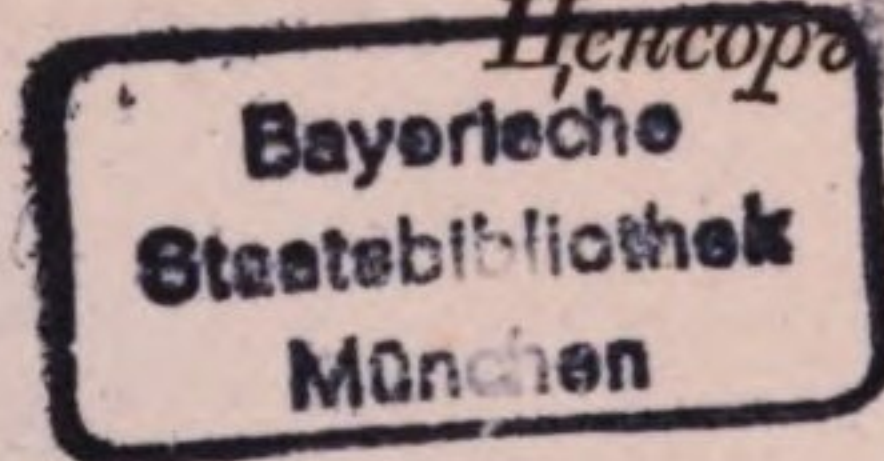
Fy/72/778

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чѣобы по напечатаніи предста-
влены были въ Ценсурный Комитетъ три
экземпляра. С. Петербургъ, 1 Августа 1834.

Ценсоръ П. Гаевскій.

Навѣяну

АРИСТІОНЪ,

ИЛИ

ПЕРЕВОСПИТАНІЕ.

АРИСТІОНЪ,

ИЛИ

ПЕРЕВОСПИТАНІЕ.

ГЛАВА I.

БРИГАДИРЪ.

Въ концѣ осмнадцатаго столѣтія, по возвращеніи воинства Русскаго изъ Испаніи въ свои предѣлы, появился опять въ столицѣ Сѣвера Аристіонъ, въ чинѣ Капитана. — Онъ былъ молодъ, спроченъ, крѣпокъ, богатъ, и шакъ не диво, что

Часть V.

лучшіе дома не были для него заперты. — Вездѣ говорили, что онъ храбръ до дерзости, вспыльчивъ до крайности, въпренъ до дурачества, щедръ до распочительности, самолюбивъ до надменности, но вмѣстѣ съ тѣмъ прямодушенъ, откровененъ, чувствителенъ къ красотѣ и чести, — и такъ могли ли товарищи по службѣ не считать его примѣрнымъ офицеромъ; а всѣ вообще кумиромъ обществъ, въ какія только вздумалось ему заглядывать.

Чтобы скорѣе познакомиться чинашеля съ этимъ молодымъ человекомъ, который составлялъ главное лице въ повѣсти, кажешся, нужно предварительно сказать нѣчто о его родителяхъ.

Опецъ Аристіона, Валеріанъ, отличныи по всей Украинѣ своимъ богатствомъ, чиномъ и знатностью рода, воспитанъ былъ на древній вкусъ, то есть: довольно ученъ, весьма честенъ, миролюбивъ въ домашнемъ быту и по сосѣдству, и всегда удаленъ отъ видовъ честолюбія. По возвращеніи изъ Кенигсбергскаго Университета, онъ посвятилъ себя военной службѣ, и полу-

чивъ раны на полѣ чести, принужденъ былъ взять отставку съ чиномъ Бригадира.

Разумѣется, что послѣ довольно трудной службы, Валеріану надобенъ былъ отдыхъ, и онъ, по особенной своей склонности, продолжалъ заниматься науками, хозяйствомъ, охотою, и тому подобнымъ препровожденіемъ времени.—Родители его, слѣдуя закону природы, одинъ за другимъ отошли въ обитель отцовъ своихъ; Валеріанъ оплакалъ ихъ по долгу сыновнему, строго соблюдалъ урочное время поминокъ и панихидъ; а когда все кончилось, то онъ женился, сдѣлался опцемъ Аристіона, и рѣшился воспитывать его по своему вкусу, какъ по махери доброхотный дѣдъ его, весьма важный и богатый человекъ, вспомнилъ о своемъ внукѣ, и расположилъ въ мысли своей воспитать его по новому способу. Въ слѣдствіе сего молодой Аристіонъ, на шестомъ году возраста, отправленъ въ Сѣверную столицу, гдѣ блистательнымъ дѣдомъ помѣщенъ въ славнѣйшемъ тогда пансіонѣ, содержимомъ знаменитымъ иностранцемъ.

ГЛАВА II.

ВОСПИТАНІЕ ВЪ ПАНСІОНѢ.

Ходъ ученія Аристіонова былъ обыкновенный. Довольно сказать, что по десятилѣтнемъ пребываніи въ семъ храмѣ мудрости, на двухъ употребительнѣйшихъ иностранныхъ языкахъ говорилъ онъ какъ на природномъ; изъ Географіи зналъ, что Вѣна стоитъ на рѣкѣ Дунаѣ, а Парижъ на Сенѣ; изъ Исторіи, что были: Александръ Македонскій, Цезарь Римскій и Пётръ Россійскій. Математика такъ же не чужда была для его разума, и онъ весьма рѣзко могъ доказать различіе между линіею и поверхностью, между четвероугольникомъ и кругомъ. — Можетъ быть панковья познанія инымъ, пасмурнаго нрава людямъ, покажутся недоспапочными для богатаго, свѣтскаго человека, такъ мы къ чести его скажемъ, что онъ не худо

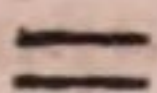
рисовалъ, хорошо игралъ на скрипкѣ, превосходно танцевалъ, и того превосходнѣе бился на рапирахъ. Послѣднія два достопинства и однѣ достаточны сдѣлали его значительнымъ человекомъ въ большомъ свѣтѣ.

Срокъ ученію Аристіонову кончился, и надобно было избрать родъ службы, кою могъ бы онъ быть полезенъ отечеству. — Для дворянина можетъ ли иного рода служба быть приличнѣе, какъ придворная или военная? Герой нашъ по склонности избралъ послѣднюю; отецъ и мать письменно благословили его, и онъ съ бодрымъ духомъ и веселымъ лицомъ явился передъ строемъ, рѣшась дѣйствительною службой пріобрѣсти почести и знаки опличія.

Такая склонность молодого воина не осталась незамѣченною. — Онъ, видя это, усугубилъ стараніе и дѣятельность, — и наконецъ достигъ того, что, при открывшейся войнѣ, съ чистою совѣстью принималъ поздравленіе о пожалованіи въ офицеры. — Развѣялось знамя бранное, и Ари-

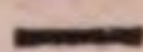

спіонъ, насвистывая любовную арію, бодро проспился съ Петрополемъ и со всѣми забавами. — Излишне будетъ увѣдомлять о храбрости и дѣятельности, оказанныхъ имъ на поляхъ непріятельскихъ. Довольно прибавить къ сказанному выше, что онъ возвратился Капишаномъ, и что на груди его блиспалъ крестъ, несомнѣнный знакъ его достоинства.

ГЛАВА III.

ЛЕКАРСТВА ОТЪ СКУКИ.

Находясь въ походѣ, Ариспіонъ ничего не имѣлъ въ виду, кромѣ трудовъ, усталости, опдыха, кровавыхъ сраженій и сопутницъ ихъ славы или смерти. Возвращаясь въ столицу, онъ скоро почувствовалъ въ сердцѣ пустоту, въ душѣ упо-

мленіе, и—разсѣянiе представилось ему необходимымъ. Доброхотные прiятели подспѣли съ помощію. Онъ введенъ во многіе блистательные дома, гдѣ вкусъ, изобиліе, игры и смѣхи изъ края въ край ронились. Хотя, правда, такіа веселосиби влекли за собой не маловажные расходы: но какъ любезный родишель за верхъ удовольствiя считалъ дождишь золотиномъ на милаго, достойнаго сына, о коемъ время отъ времени получалъ лестныя увѣдомленiя, то онъ и не думалъ въ чемъ либо себя ограничивать; а хотя старый Макарь, дядька его и управитель, при каждомъ необыкновенномъ случаѣ, увѣщевалъ жишь поскромнѣе, чѣобы долѣе жишь лучше, но Аристiонъ, по обыкновенію молодыхъ людей, не обращалъ на пустыя рѣчи никакого вниманiя.

Не смотря однако жъ на самую разсѣянную жизнь, Аристiонъ опять узналъ скуку, и какъ можно, чѣобы добрые друзья опказали ему въ пособіи—прогнашь эту язву душевную? — Ему предложены каршы и полные бокалы, и онъ чрезъ короткое

время самъ себѣ удивлялся, какъ могъ до сего времени не знать сего всеобщаго врачевства отъ скуки. Но какъ все имѣешь свое время, то Аристѣону и эти увеселенія опрощивѣли, и онъ съ меньшимъ уже удовольствіемъ проигрывалъ свое золото и опоражнивалъ бокалы. — Тупъ молодой Графъ Кронидъ, искренній другъ его и товарищъ во всѣхъ веселостяхъ, открылъ ему за тайну, что есть еще одно лекарство отъ скуки, самое вѣрное, самое пріятное! — Какое жъ? — «Я введу тебя,» говорилъ Графъ съ видомъ многоопытнаго Улисса, «въ такое общество, въ какихъ ты не бывалъ еще. Ты доселѣ блуждалъ по пыльныхымъ пескамъ Ливіи и кремнистымъ утесамъ Кавказа: такъ называю тѣ собранія, въ коихъ ты оплечался по сіе время. Теперь я хочу ввести тебя въ пещеру Калипсы, гдѣ найдешь все, что можешь родить улыбку и на устахъ угрюмаго Капона. Простю сказать: я познакомлю тебя съ прекрасною Фіоною, первою пѣвицею на здѣшнемъ театрѣ. — О! я хорошо знаю эту прелестную Нимфу

веселія, и ни для кого бы въ свѣтѣ не успупилъ ее, если бы мой отецъ былъ сполько жъ богатъ и щедръ, какъ пивой. Вотъ фениксъ, любезный другъ, вотъ сокровище, для обладанія коимъ не жаль пожертвовать золотомъ всего Свѣта.»

Такое пышное описаніе не могло не взволновать крови молодого, пылкаго человека, для котораго малѣйшее даже принужденіе было незнакомо, кромѣ того времени, когда былъ въ походѣ. — Разговоръ друзей дѣлался часъ опъ часу занимательнѣе, и кончился тѣмъ, что услужливый Графъ съ восторгомъ усадилъ Аристіона въ карету, и — они поскакали въ храмъ прелестной волшебницы.

ГЛАВА IV.

ФІОНА.

Ариспіонъ не могъ не подивившись, вошедъ въ это жилище.—Пріемная, гдѣ они остались въ ожиданіи прекрасной хозяйки, въ убранствѣ и пышности не уступала убранству и пышности Княжескихъ и Боярскихъ палащъ, въ какихъ только онъ бывалъ доселѣ. Вездѣ дорогая мебель, великолѣпныя зеркала, узорчатыя шпофы и высокой работы карпины. Нашъ герой съ недовѣріемъ взглянувъ на друга, сказалъ: «или ты подшучилъ надо мной, и я совсѣмъ не памъ, гдѣ бытъ думалъ, или обманулъ твоей Фіоны и подлинно есть пещера Нимфы Калипсы! Судя по предметамъ, меня окружающимъ, что долженъ я заключать!»

Ариспіонъ не кончилъ рѣчи, дверь тихо отворилась, и передъ ними предстала

прекрасная, величественная женщина, одѣтая просто, но съ величайшимъ вкусомъ. Она ласково улыбнулась, бросила быстрый, огненный взглядъ на изумленнаго Аристіона, и—обращаясь къ Графу, спросила голосомъ шопнымъ, сладостнымъ, проникающимъ до глубины сердца: — какому счастью обязана я вашимъ посѣщеніемъ? — Это конечно одинъ изъ лучшихъ друзей вашихъ, ибо вы, зная, сколько я люблю уединеніе, вѣрно не введете въ скромное жилище мое мало-извѣстнаго вамъ человека?

«Прелестная Фіона!» вскричалъ Графъ, взявъ Аристіона за руку и подведя къ ней: «одна дружба, вѣрная, пламенная дружба вводитъ къ тебѣ Аристіона. — Не смотря на его молодость, живость, здоровье и большое богатство, на сіи несомнѣнные источники удовольствій неиспощимыхъ, — дивись безпредѣльной его чувствительности, — имъ по временамъ обладаетъ глубокая, мрачная задумчивость, которой кромѣ необыкновенной красоты ничто разсѣять не можетъ. Чего не дѣ-

лалъ я для изцѣленія моего друга? Всѣ средства изпощены, и напрасно! Къ послѣднему прибѣгнулъ я, и привезъ его къ тебѣ, прелесной волшебницѣ. Если и при тебѣ, при твоихъ избранныхъ друзьяхъ, душа его не найдетъ оправды, а сердце удовольствія, тогда я самъ, своими руками изкопаю могилу, и скажу: любезный Ариспіонъ! для тебя нѣтъ уже счастья въ семъ мірѣ, иди искапъ его въ другомъ.»

На сію жалостную рѣчь, Фіона усмѣхнулась, указала друзьямъ мѣста, сама сѣла посреди ихъ, и начался разговоръ самой откровенной, самой пріятной. Съ неподражаемымъ вѣтвымъ Графъ рассуждалъ о райскомъ счастьи двухъ сердецъ, кои сопряжены цвѣточными узами любви, а особливо, если присовокупятся къ тому и земныя совершенства, какъ-то: таланты, вкусъ, молодость и богатство. Другія были съ нимъ согласны; Ариспіонъ съ своей стороны, — особенно оживленъ будучи нѣсколькими бокалами шампанскаго, которые время отъ времени

подносила имъ пригожая горничная, началъ оказывать опличную ловкость въ рѣчахъ и движеніяхъ. Огонь поспешенно разливался въ глазахъ его, кои пригвождены были къ видимымъ прелестямъ Фіоны, а при воображеніи о сокровенныхъ, грудь исполнялась сладостнаго трепета, и онъ начиналъ уже заводить рѣчь о какомъ-то спрассномъ желаніи, какъ разговоръ прерванъ былъ вошедшею горничною, которая донесла госпожѣ, что милая пріятельница ея Ерміона занемогла опасно, и проситъ навѣснить ее для принятія послѣдняго вздоха.

—Знаю, знаю, сказала со слезами на глазахъ Фіона, вспавая медленно съ дивана. А кто виноватъ? Сама! Правда, молодой Князь, на иждивеніи коего живетъ она, прелестенъ какъ Купидонъ, умѣнъ какъ Сократъ, и конечно былъ бы щедръ, какъ Алкивіадъ, но онъ состоитъ подъ властью сурогаго отца, насмѣющаго дракона Езопова.—Три дни тому назадъ одна изъ подругъ нашихъ, съ самыми обыкновенными, даже мелкими способностями, явилась на

неапірѣ въ новомъ богатомъ ожерельѣ, подаренномъ ей спарымъ Графомъ обожаемымъ. — Чѣмъ жѣ дѣлать, чѣмъ у насъ нѣтъ такихъ милыхъ доброхотовъ! — Моя Ерміона напала на своего Князя по всѣмъ правиламъ искусства, и сколько онъ бѣдный ни хлопоталъ, чѣмъ бы сколько нибудь удовлетворишь справедливому пребыванію красавицы, все напрасно, и она завтрашній день должна въ блестящей роли оплечаться безъ новаго украшенія. — Какъ опѣ этого не сойми съ ума, или по крайней мѣрѣ не заболѣшь горячкой? —

=

ГЛАВА V.

СКОЛЬЗКАЯ ДОРОГА.

—

Фіона разпрощалась съ друзьями, и Аристіонъ имѣлъ удовольствіе проводить ее до кареты. — Пріѣхавъ домой, принялись

за планы къ одержанію полной побѣды, и основаны на самомъ вѣрномъ — на кошелкѣ, кою которой бесспорно признали самымъ прочнымъ основаніемъ зданія, посвященнаго на удовольствія сего рода. — Въ силу совѣщанія, на другой же день поутру вѣрный другъ Кронидъ явился къ нему съ ювелиромъ; Ариспіонъ выбралъ прекрасныя брилліаншовыя серьги, такое жъ ожерелье, заплашилъ почти всѣ свои наличныя деньги, и запечатавъ, присправной запискѣ отправилъ къ своей возлюбленной. Не прошелъ часъ, какъ онъ получилъ въ отвѣтъ собственноручное письмо ея, въ коемъ слегка упрекала она его за излишнюю чивосъ, впрочемъ признавалась, что подарокъ чрезвычайно присталъ къ лицу, и что приписывала особенной его разборчивости. — Оба пріятели приглашены были на вечеръ, по прошествіи коего нельзя было не оспасться и на ужинъ.

Излишне будетъ распространяться въ описаніи подвиговъ Ариспіона на этой скользкой дорогѣ. Фіона была неиспощи-

ма въ изобрѣщеніи наслажденій, и перемѣнѣ однихъ другими. Она очень знала, не будучи большою философкой, что единообразность положенія, самаго прелеснаго, дѣлаешь его утомительнымъ, несноснымъ. Аристіонъ съ своей стороны не забывалъ ничего, чтобы могло наперсницу его сдѣлать единственною, неподражаемою, и въ семь головокруженій прошло около полугода, такъ, что герою нашему обладаніе прелесною любовницею показалось бы новымъ, если бы нѣкоторыя обстоятельства не напоминали ему о его продолжительности. Особенныя эти обстоятельства были: время отъ времени — обращеніе влюбленной, пламенной Фіоны дѣлалось пасмурнѣе, суровѣе, своенравнѣе. Она не высыладала его вонъ, но уже и въ будуаръ не приглашала, и каждая ласка ея была — такъ сказать — вынуждена, съ одной стороны силою привычки, съ другой остатокъ совѣсти.

ГЛАВА VI.

ОБОРОТЫ.

Ариспионъ крайне былъ бы не свѣдушъ въ правилахъ такой жизни, если бы скоро не догадался о причинѣ описанной спранныости. Увы! онъ уже давно пересталъ ложе любви дождить золотыми каплями, и прелестное чело красавицы озарялъ свѣтомъ дорогихъ камней и перловъ. — Эпо все онъ очень видѣлъ, и — бѣдной молодой человѣкъ! совершенно не зналъ, какъ помочь своему горю. Съ самаго счастливаго знакомства съ прелестною подругой, онъ одинъ только разъ получилъ отъ отца письмо и деньги. После сего, тщетно сочинялъ онъ нѣжныя, спранные къ нему посланія; тщетно именовалъ его милоспивѣйшимъ государемъ, дражайшимъ родителемъ; тщетно упадалъ мысленно къ стопамъ его, съ дѣтскою нѣжностью

омывалъ слезами любви и благодарности его руки, называя себя послушнѣйшимъ слугой, преданнѣйшимъ сыномъ, — все щещно: въ отвѣтъ не получено ни спрочки, слѣдовательно ни полушки денегъ, и Ариспіонъ въ первой разъ во всю жизнь свою долженъ былъ дать силу воображенію, изыскивая способы поправитъ на время горькія обстоятельство.

Самое легкое, а пошлое и самое обыкновенное въ подобныхъ случаяхъ прибіжище — есть займы. Ариспіону, основываясь на прежнемъ блестящемъ образѣ жизни, довольно долго и довольно много вѣрили; но эпошъ каналъ и для опытнаго пловца весьма опасенъ, и ладья его, того и гляди, поперпитъ крушеніе.

Мѣсяца два пришло весьма хорошо, но послѣ, едва златое солнце проникало сквозь окна жилища Ариспіонова, уже пріемная комната наполнялась людьми разныхъ націй, исповѣданій, сословій, половъ и возрастовъ, и едва появлялся онъ въ эпо почтенное собраніе, какъ всѣ гости уснарялись къ нему съ улыбками, суровыми

взглядами, поклонами, шарканьемъ, и величая его высокоблагороднымъ, превосходительнымъ, сіятельнымъ, впирали въ руки его лоскуты бумагъ, исписанныхъ на языкахъ Французскомъ, Нѣмецкомъ, Англійскомъ, Турецкомъ, Татарскомъ и проч.

Это новаго рода общесство, выборомъ мѣсна къ своему собранію пріемную Ариспіона, приводило его сначала въ великое замѣшательство; но къ чему разумный человѣкъ со временемъ не примѣнился? Въ послѣдствіи и Ариспіонъ нашелъ такъ же искусство новаго обращенія. При выходѣ изъ спальни, онъ принималъ веселое лицо; одну руку засовывалъ за пазуху, а другую пропьянувши, и пошатываясь съ одной стороны на другую, кричалъ во все горло: а! милые друзья! здорово, здорово! *Comment vous portes vous?—who do you do?—Guten morgen! Саламалыкъ!*—Послѣ сего онъ одному подавалъ руку, другаго гладилъ по бородѣ, третьяго шрепалъ по голой макушѣ, у одной удивлялся прелесному спану, у другой пламеннымъ глазамъ, у шрепшѣй нарядному убору. Послѣ сего онъ развали-

вался на софѣ, пребоваль шеколаду, пилъ, и жаловался всѣмъ на неисправность почты, опъ чего шакъ давно не получаетъ доходовъ съ деревень своихъ, въ которыхъ не задолго открышы золопые рудники, и мѣстами начинаюшъ показывапсья бриліаншы.

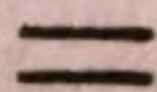
Эпо все очень хорошо, *votre exelence!* сказалъ однажды съ важнымъ полупоклономъ содержапель моднаго магазина, но не угодно ли разсмотрѣшь эту бумагу? — Аристіонъ принялъ съ ласковою улыбкою счепъ забраннымъ товарамъ, съ означеніемъ суммы, чего они спояшъ, посмопрѣлъ внимашельно, и послѣ воскликнулъ: удивишельно! какой превосходный почеркъ! эпошъ писецъ можетъ служить съ выгодою при какомъ нибудь миниспрѣ! А *propos, Monsieur!* Вчера мимо швоей лавки ѣхалъ я съ первою спашъ-дамою. На сполѣ подлѣ окна споялъ чайной приборъ, и ей очень понравился. Пришли его черезъ часъ ко мнѣ, и внеси сумму въ эпошъ счепъ. *Adieu.*

Послѣ шаковой аудіенціи, онъ вставалъ

съ дивана, раскланивался на всѣ стороны, уходилъ во внутренніе покои, и все общество медленно расходилось, кто попирая лобъ, кто чешась въ запылкѣ, кто хохоча, и кто пожимая плечами.

Разумѣясь, что Аристіону время опѣ времени направились чайные и столовые приборы, шали, мѣха, серьги, браслеты, сполы, диваны и проч. Однако жъ, хопя онъ приказывалъ полюбившіяся вещи приносить къ нему, прибавляя сумму къ счедамъ, но исполненія по сему дѣлано уже не было, и надобность попребовала прибѣгнуть къ другому средству.

ГЛАВА VII.

ХОЗЯИНЪ И ХОЗЯЙКА.

Въ одно утро, по опускѣ многочисленной толпы посѣщителей, Аристіонъ сидѣлъ въ креслахъ предавшись глубокой за-

думчивосши, а спарый, вѣрный Макаръ, споялъ поодаль въ примѣшномъ уныніи, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.—Послушай, сѣдой, возгласилъ онъ опровернувшись опъ дядьки: я недавно начишалъ, и пришомъ въ преразумной книгѣ, что молодому, здоровому человѣку ѣздить на чемъ бы то ни было, крайне вредно, и можетъ быть причиною преждевременной болѣзни, и даже смерти. А попому, чшобы избѣжашъ всякаго соблазна, сполько гибельнаго, прикажи позвапъ сюда ближняго содержашеля наемныхъ карешъ и лошадей.—Макаръ поклонился, и чрезъ чепверпъ часа вошелъ съ рыжимъ мужикомъ въ синемъ кафпанѣ. И продавецъ и покупатель были люди сговорчивые, и попому въ пять минупъ дѣло слажено; Ариспіону вручены при тысячи рублей, а съ кварпиры его уведены восемь лошадей, свезены кареша, двѣ коляски, дрожки и сани, чшо все спойло по крайней мѣрѣ десяпъ тысячъ. Изъ всего экипажа оспалась у него дорожная повозка, ибо городскому ямщику она ни къ чему негодилась.

Ариспионъ, оставшись опять на-единъ съ Макаромъ, насмурнымъ, печальнымъ, упирающимъ украдкою слезы, сказалъ: ну, слава Богу! Кажется, мы выгодно сбыли съ рукъ ненужныя намъ вещи. Съ сего времени, я хочу хозяйничать, да и пора. Главный расходъ былъ у насъ на кормъ лошадей, и на починку экипажей: теперь уже мы сей заботы избавились. Полагая самый опдаленный срокъ, чрезъ мѣсяцъ получу я изъ деревни письмо и деньги, и такъ на домашнія наши нужды весьма доспащно будетъ двухъ или трехъ сотъ рублей. На, Макаръ, возьми и распоряжай ими.

Одѣвшись какъ можно поспѣшнѣе, и уложивъ оставшіяся деньги въ красивой бумажникъ, не нужно и сказывать, куда герой нашъ направилъ свое путешествіе. — Дорогою завернулъ онъ въ Турецкій магазинъ, взялъ тысячную шаль, расплашился, и въ два мига — съ поржествующимъ видомъ, съ ослабленнымъ лицомъ — предсталъ предъ своею повелительницей. У ней было на ту пору довольно блестя-

щихъ госпѣй обоого пола, и пошому онъ—
сполько было въ немъ еще спыда и со-
вѣспи — не зналъ, какъ благоприспойнѣ
вручить свой подарокъ, не приводя краса-
вицу въ смущеніе; но она избавила его отъ
сей новой заботы, съ улыбкой пропѣну-
ла къ нему лплейную ручку, развернула шаль
и начала предъ зеркаломъ примѣривать. —
Похваливъ вкусъ своего любезнаго, и въ
знакъ благодарности обѣщавшись цѣлый
день не скидывать шали, пригласила его
къ обѣду и ужину, и надобно признайся
Ариспiонъ и не помнилъ, гдѣ бы онъ въ
другомъ мѣспѣ чрезъ цѣлый день могъ
сполько блаженствовать. — Госпѣй бы-
ло шакъ много, что иному бы хозяину
нѣкопюрые были въ пягоспѣ: но Фіона
была единспвенная въ своемъ родѣ угод-
ница, и до самой глубокой ночи всѣ были
обворожены ею. Всякаго рода любители:
буфетовъ, концершовъ, шанцовъ, пѣнiя,
карточной игры, болтанья и шому по-
добныхъ удовольспвiй, всѣ нашли себѣ
упражненіе, и чрезмѣрно довольны были
прелесшною хозяйкою; самый Ариспiонъ,

не смотря, что изъ остатковъ его казны цѣлая половина проспавлена была на карпы, не могъ невосхищающься достоинствами своей любезной, и съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидалъ удара въ колоколъ къ заупренямъ, предполагая, что въ это время гости, вмѣстѣ съ черпями, проваляющься, и онъ останется хозяиномъ. Какъ же удивился онъ, когда прелесная нимфа сказала съ улыбкою: ну, любезный Аристонъ! приходите ко мнѣ завтра поуспру къ шоколаду; мнѣ надобно кое-о-чемъ поговорить. — Съ сими словами она сдѣлала самой ловкой книксъ, вздохнула, и удалилась, а бѣднякъ, котораго пылкое воображеніе представляло самой блаженный отдыхъ послѣ столь коловратнаго дня, со стыдомъ, гнѣвомъ и раскаяніемъ, поплелся домой, и наказавъ Макару не допускать къ нему никого изъ всѣдневныхъ посѣщителей, заперся въ спальнѣ. Нѣчего сказывать, что онъ не скоро улегся въ постель, а и того медленнѣе благодѣтельный сонъ смежилъ глаза его.

ГЛАВА VIII.

ЗАДАЧА.

О сила привлеченія! какъ скоро герой нашъ по пробужденіи облачился, что было ровно въ полдень: то полетѣлъ къ Фіонѣ—узнать о причинѣ вчерашней ея суровости.—Онъ заспалъ ее одну за чайнымъ приборомъ, былъ приглашенъ къ участию въ завтракъ, и когда неперпѣніе объяснилась оппимало у него охоту къ шоколаду, Фіона, принявъ самой героическій видъ, произнесла: пора намъ, любезный другъ, объясниться. Между сердцами, исполненными пламенной спраспи, принужденіе всего несноснѣе. Выслушай мои обстоятельсшва, и суди безприсспраспно. Покойная мапъ моя, бывшая такъ же акприсой, при жизни шерпѣшь не могла покоя, а хопѣла бышь въ безпрестанномъ движеніи. Во время молодоспи, золошой

дождь лился на нее со всѣхъ сторонъ: но когда устарѣла, то, по обыкновенному ходу вещей, должна была плашиться другимъ за то, за что прежде другіе ей плашили. — Замѣшилъ ли ты, да и какъ не замѣшишь — и на здѣшнемъ спектаклѣ и въ моихъ собраніяхъ — малорослаго, косовапаго, говорливаго, неугомоннаго, сорокалѣшняго парня? Лѣтъ пять тому назадъ, мать моя плѣнилась имъ несказанно, а онъ на бѣду прельсился мною. Они, какъ честные люди, безъ дальнихъ обиняковъ открыли другъ другу свои мысли, и оба спали въ шупикъ. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ, соглашеній, уступокъ, словомъ — послѣ обыкновеннаго торгу, мать дала моему воздыхателю письменное обязательство въ 50 тысячъ рублей, означивъ въ духовной, чтобы я, — а я начинала уже становиться извѣстною въ обществѣ, — уплатила эту сумму съ указными процентами, или рѣшилась выдти за кредитора замужъ. Этого чудака былъ вѣренъ въ своемъ словѣ; онъ былъ преданъ моей матери до самой ея кончины, последовавшей

предъ симъ за годъ. Съ сего времени начались мои спораданія. Проклятой женихъ не даетъ мнѣ покою; онъ преслѣдуетъ меня подобно привидѣнію; ласкаетъ, бранился, ревнуетъ, даритъ и упрекаетъ, а наконецъ — безсовѣстный человѣкъ! — примѣняя связь мою съ тобою, требуетъ теперь настоятельно, чтобы я, или черезъ твои сунки уплашила помянутый долгъ, или вышла за него, прервавъ съ тобою всякое сношеніе.

=

ГЛАВА IX.

ЧУДНОЙ ДОЛГЪ.

—

Ариспiонъ измѣнился въ лицѣ; дерзость нахала приводила его въ бѣшенство. — Женихъ свой — бездѣльникъ, вскричалъ онъ, вскочивъ съ мѣста; онъ не предчувству-

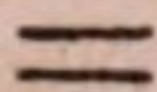

ещь, какъ мспитъ за оскорбленную честь дворянинъ влюбленный! Скажи, любезная, гдѣ могу я найши его, дабы шеперь же примѣрно наказашъ за безпримѣрную дерзость?—Не горячись, милый другъ, опвѣчала нѣжная любовница, силою ничего не сдѣлаешь. Законы за него вступятся, а съ правосудіемъ полиціи связываться весьма хлопотливо. Я съ своей стороны думала, что, продавъ малое имущество свое, могу уплатить долгъ моей матери; но, по самой выгодной оцѣнкѣ, его на это не доставаетъ, и я должна признаться пять тысячъ, чтобы спасти свою вольность, и безъ заботы слѣдовать влеченію своего сердца.

Ариспiонъ крѣпко задумался. Мысли клубились въ головѣ его подобно облакамъ, наполненнымъ громовою силою. Уныніе Фіоны было такъ обворожительно!—Надобно спасти тебя, милая дѣвушка, вскричалъ онъ съ восторгомъ, спаси, во что бы то ни стало!—Не понимаю, почему такъ долго нѣтъ ко мнѣ писемъ изъ дому. Но какъ бы то ни было, а ты будешь довольна мною!

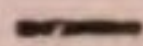

Они обнялись съ нѣжностью; Фіона запечатлѣла спраспный поцѣлуй на губахъ его, уронила двѣ или три перловыя слезки на бѣлую грудь свою, и Ариспіонъ, распроганный такимъ несомнѣннымъ знакомъ любви, подобно вихрю скрылся.

ГЛАВА X.

НОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Любопытно знать, какіе Ариспіонъ нашелъ еще источники къ собранію довольно значущей суммы, когда извѣстно, что довѣренность къ нему магазиновъ, лавокъ, погребовъ, совсѣмъ была потеряна! — Чтобы изпребнить всякое сомнѣніе, могущее породить мысль, что онъ хвастунъ, который болѣе обща-

ещъ, нежели сколько выполнитъ можешь, припомнимъ, что онъ дворянинъ и офицеръ, слѣдовательно человѣкъ выше всѣхъ препятствій, когда дѣло идетъ о любви и чести.—Мысль, откуда достать денегъ въ одну минуту, родилась, укоренилась и созрѣла; теперь оставалось только придумать, какимъ образомъ произвестъ ее въ дѣйство. Предпріятіе было такого рода, что безъ содѣйствія стараго Макара обойтись было нельзя; а онъ, не смотря на званіе слуги, до сихъ поръ честью, опытною и рѣдкою преданностью умѣлъ сохранить къ себѣ родъ нѣкотораго уваженія отъ господина, и неизмѣнное повиновеніе отъ семи прочихъ служителей, составлявшихъ штабъ нашего вишня.

Уединясь въ своей спальнѣ, Аристидъ скоро на-скоро опобѣдалъ; потомъ—оставя одного Макара, намѣревался дать какое-то приказаніе, но языкъ его не ворочался. Въ безмолвіи онъ нюхалъ табакъ, останавливался у окна, неподвижными глазами глядѣлъ на улицу, ничего не видя, выравнивался передъ слугой, говорилъ

сердито: послушай! и опяшь замолчавъ, мѣрными шагами ходилъ по комнашѣ. — Какъ такіе припадки, со времени счастливаго знакомства съ прелестною Фіоною, не рѣдко съ нимъ случались, то и теперь старый Макаръ смотрѣлъ на него съ Эпикшеповскимъ спокойствіемъ, слѣдуя глазами за каждымъ его движеніемъ. — Наскуча эпимъ положеніемъ, и дѣйствительно невеселымъ, Аристіонъ бросился на софу, и положила ногу на ногу, произнесъ: кспаша! знаешь ли, спарикъ, что поведеніе моихъ домашнихъ съ нѣкопорого времени мнѣ крайне непріятно, несносно! Камердинеръ Максимъ и оба лакея—Ванька и Петрушка—до такой степени глупы, неповоротливы, лѣнивы, что кромѣ спанья, не знаютъ за собой иного дѣла; кучеръ Артемъ и форрейторъ Егорка спановаясь большими пьяницами, а поваръ Козьма—нашоящій воръ: мнѣ даже смотрѣшь на нихъ прошивно; а по шеперешнему скромному жишью, для меня слишкомъ довольно себя и поваренка Мишки; онъ еще не совсемъ избаловался, и кушанье готовитъ

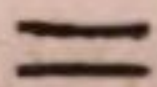

изрядно. Чпо скажешь?— Чпо вамъ угодно, опвѣчалъ Макаръ; если люди не надобны, шакъ опошлемъ ихъ въ деревню. — Въ деревню? чпобы дорогой надѣлали проказъ, копорыя мнѣ и опцу дорого будушъ спойшъ? — Такъ оппусшимъ ихъ здѣсь по оброку. — Здѣсь? въ столицѣ? эшо еще опаснѣе, глупѣе!— Какъ же иначе бышъ съ ними? Вѣдь не упоишъ же въ канавѣ!

Ты глупъ, возразилъ Ариспіонъ, опвернувшись въ спорону, и воображеніе швое не оспрѣе медвѣжьей лапы. — Ты знаешь росповщика Граблина. Онъ человѣкъ добросовѣспной, и многимъ молодымъ знашнымъ людямъ служишъ деньгами за умѣренныя проценшы по сороку на спо. Я надѣюсь, чпо и меня ссудишъ онъ пяшью тысячями рублей, необходимо мнѣ нужными, подъ залогъ людей моихъ. — Пуспъ онъ возьмешъ ихъ въ свое распоряженіе, и дѣлаешъ чпо знаетъ: пуспишъ ли по оброку, или даспъ какую работу. Теперь роюшъ новую канаву, и каждому поденьщику плашашъ по полшора рубля на день. —

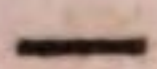

Старикъ закрылъ руками глаза, и слезы на глазахъ его показались. — Однако, милоспивый государь, промолвилъ Макаръ со спономъ, я знаю г-на Граблина, и думаю, что подъ залогъ шести человекъ онъ не дастъ необходимыхъ для васъ пяти тысячъ рублей! — Тогда, сказалъ съ гнѣвомъ Аристѣонъ, тогда я прибавлю тебя и поваренка Мишку — и все-таки получу пять тысячъ рублей. Завтра поутру приведи ко мнѣ Граблина. — Макаръ вышелъ, всхлипывая, — а молодой господинъ его, проведши весь день въ тоскѣ и скукѣ, имѣлъ ночь не менѣе безпокойную.

ГЛАВА XI.

ОБОРОТЪ НЕ УДАЛСЯ.

Поутру Аристѣонъ позвонилъ, и Макаръ явился съ блѣднымъ, пасмурнымъ лицомъ, съ заплаканными глазами. — Кто

въ залѣ изъ нашихъ гостей? — Нѣтъ никого, и сего-дня не будушъ. Я объявилъ всѣмъ, что вы еще вчера уѣхали на дачу, и воропитесь сего-дня не прежде, какъ ночью. — Хорошо. Дай мнѣ одѣваться, и будемъ ждашь гостя, о коемъ вчера говорено было. Откровенно сказать, спарикъ, мнѣ необходимо нужны деньги. Злая обстоятельство дня отъ дня спановящся для меня гибельнѣе, — къ тому жъ я дочисла проигрался. Денегъ, какія мы доспанемъ, спанемъ на уплату нѣкопорой части долговъ и на прожитокъ. Неужели-таки вѣчно не получу я изъ деревни никакого отвѣта? —

Всѣ ваши планы къ пріобрѣщенію денегъ, отвѣчалъ Макаръ, глядя въ окно, вышли воздушные замки. Вѣрно кто нибудь изъ людей вашихъ прослышалъ о предпріятіи—заложить ихъ Граблину, и попому теперь болѣе никого нѣтъ, не исключая и поваренка Мишки. По всѣмъ приметамъ надо думаешь, что они бѣжали, а куда, извѣстно имъ самимъ да ихъ Ангеламъ-хранишелямъ.

Ариспіонъ измѣнился въ лицѣ, и не скоро могъ опомниться. Надежды его исчезли подобно дыму. Онъ сидѣлъ, повѣся голову и не опивѣчая ни слова. Макаръ споялъ передъ нимъ почто въ такомъ же положеніи. — Вдругъ въ передней, а потомъ въ пріемной, раздался крикъ и спукъ, и наши меланхолики подняли головы. Двери спальни съ шумомъ распворились, и веселый Графъ Кронидъ, подобно зефиру, влѣпѣлъ въ комнату, и бросился на шею Ариспіона, повпорая: поздравляю, любезный другъ, поздравляю! — Съ чѣмъ? спросилъ удивленный Ариспіонъ, освобождаясь изъ его объятій. — «Какъ?» вскричалъ Графъ, «развѣ тебѣ не извѣстно, что вчерашняго числа получилъ ты свободу изъ двухъ плѣновъ?» — Я тебя не понимаю! — Бышь не можешь! — Объяснись получше. — «Изволь! въ это утро удалось мнѣ надѣлать тѣму чудесь. Боже мой! гдѣ я не былъ? Прежде всего прискакалъ на полковой дворъ, чтобы узнать, каково спалось Князю Леону, проигравшемуся вчера до нишки. Тупъ подаюиъ мнѣ печашный

приказъ, и я читаю, что Капитанъ Ариспіонъ, за небреженіе къ службѣ, исключается изъ оной.

Ариспіонъ поблѣднѣлъ, закрылъ руками глаза, и не отвѣчалъ ни слова.

Макаръ схватилъ себя за уши, застоналъ и вышелъ. — «По чести!» вскричалъ Кронидъ, остановясь предъ зеркаломъ и расчесывая золотымъ гребнемъ свои кудри: «справедливо ли только заслуженнаго офицера изгоняютъ изъ службы за то, что онъ какіе нибудь полгода по домашнимъ обстоятельствомъ не могъ быть у должности?» — Ариспіонъ продолжалъ унылое молчаніе. — «Аргорос!» вскричалъ Графъ, «знаешь ли новыя записки нашей дорогой Фіоны?» — Ариспіонъ поднялъ голову, и устремилъ на него неподвижные глаза. — «Сего - дня поутру,» продолжалъ Графъ, «завернулъ я къ этой прелестницѣ, и послѣ нѣкоторыхъ, самыхъ обыкновенныхъ шутокъ, она мнѣ рассказала — по-то безсовѣстная! — испорцію о своей мапери и данномъ ею векселѣ косому любовнику.»

«Изъ сего повѣствованія узналъ я, что

мать Фіоны умерла тогда, когда дочь ея была еще въ колыбели, что косою сдѣлался другомъ ея, когда она вступила въ возрастъ дѣвическій, и тогда же поклялись соединиться узами брака, какъ скоро удастся имъ на счетъ своихъ дарованій поработиться. — Ты былъ послѣднимъ ея обожателемъ, и она, видя, что новая уловка—выманить у тебя еще нѣсколько тысячъ рублей — исчезла, положила — въ первое Воскресенье принести у алтара клятву въ вѣрности своему косому. — Ба, ба! ты опять нахмурился? Инъ прощай же! если вздумаешь быть на свадьбѣ, куда и я буду, то мы скоро увидимся.» Съ этими словами онъ исчезъ.

ГЛАВА XII.

ЧИСТЪ СО ВСѢХЪ СТОРОНЪ.

Кпо опишетъ пораженіе Аристіоново? Онъ едва не лишился чувствъ; дрожа во всемъ шѣлѣ, опустился въ кресла, уснавая мушныя глаза на прибѣжавшаго Макара. — Тяжелая гора легла на сердцѣ его, кровь въ жилахъ то кипѣла, то леденѣла; онъ едва дышалъ, и холодный потъ спруился по лицу опчаяннаго. — Сколько Макаръ ни прилагалъ спаранія успокоить его, тщетно! ни одно слово не вырвалось изъ устъ его, ни одна капля воды не прохладила его горшани; онъ едва въ силахъ былъ указать пальцомъ на постель; рыдающій дядька уложилъ его, и видя, что господина бьетъ лихорадка, спросилъ со спономъ: «не позовашь ли Доктора?» — Не надобно, — отвѣчалъ потъ съ скрежетомъ зубовъ, и далъ знакъ—удалишься.

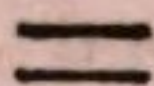
Макаръ весь день и всю ночь провелъ у дверей комнаты своего господина, поминутно прикладывая ухо къ замочной скважинѣ. Около шести часовъ утра слышалъ онъ походку, отворилъ дверь, и вошелъ. Аристѣонъ покраснѣлъ отъ стыда, что столько надѣлалъ безпорядковъ для удовольстворенія алчности распутной прелестницы.

— Тебѣ вѣрно все извѣстно, сказалъ Аристѣонъ,—продолжая ходить по комнатѣ,—какое спеченіе несчастій меня обременяешь. Что мы теперь дѣлать будемъ?

«Послушайте, сударь,» отвѣчалъ Макаръ таинственно: «если у васъ намѣреніе проспираться не далѣе, какъ ѣхать въ деревню и принести истинную покорность волѣ добраго родителя, то я найду столько денегъ, что довезу васъ туда во всякой сохранности и довольствѣ, только вы лишняго не прибавьте. — Увѣряю васъ, что хотя и самъ съ давняго времени привыкъ жить покойно, и ваши же слуги были моими, но въ перешедшихъ нашихъ обстоятельствахъ я замѣню вамъ

одинъ всѣхъ, и мои сѣдины не побоялся ни дождя, ни вѣтра, когда понадобится угодишь вамъ. Въ комнапъ моей — не оскорбишесь — для васъ приготоуленъ хорошій завтракъ, ничуть не хуже тѣхъ, какіе имѣли вы у Фіоны, съ тою только разницей, что за моимъ будете вы сидѣть покойнѣе. — Часа на два я оплущу, для того, чтобы доспаять лошадей и припаси вамъ гошовое плащье въ дорогу, ибо вы, на случай какой либо встрѣчи, не смѣете уже явиться въ своемъ блестящемъ мундирѣ.

ГЛАВА XIII.

ПЕОБХОДИМЫЙ ОБМАНЪ.

Макаръ въ почности сдержалъ свое слово. — Аристіонъ, пораженный вдругъ столькими переменами въ судьбѣ своей, еще не

успѣлъ порядочно опомнисься и сообразишь весь ходъ обспоятельствъ съ непремѣнными ихъ слѣдствіями, какъ Макаръ предсталъ къ нему съ ношей плашья, и увѣдомилъ, что лошади такъ же на дворѣ, и хозяйскій кучеръ помогаетъ ямщику въ упряжкѣ, а послѣ поможетъ и въ укладкѣ необходимыхъ пожитковъ.

«Однако, Макаръ, мы одно обспоятельство, и довольно важное, выпустили изъ виду, сказалъ Аристѣонъ, разглядывая принесенное убранство; что скажешь хозяинъ дома, видя наши приготовленія къ поѣздкѣ, по всей вѣроятности весьма не близкой? Я опасаюсь полиціи, и чтобы упреніе наши посѣщители не вздумали посѣпить насъ въ полдни, и вмѣсто деревни, не спровадили бѣ въ другое уютное мѣсто. — Что скажешь?

«Все, сударь, обдуманно, отвѣчалъ спарикъ, занимаясь уверпываньемъ, укладываньемъ и связываньемъ пожитковъ; я уже давно повѣспилъ хозяина, что по случаю завпращняго праздника въ Пешергофѣ, куда на супки или на двое спечется почти вся спо-

лица съ окрестностями, мы хопимъ хорошенько повеселимся, и отпрапляемся пуда на цѣлую недѣлю, а люди на упренней зарѣ уже опосланы. Чпо имъ сказаць послѣ этого?»

=

ГЛАВА XIV.

ПРИМѢРНАЯ СДАЧА КВАРТАРЫ.

Въ скоромъ времени все было гошово.— По совѣшу Макара, Ариспіонъ сошелъ на дворъ, сѣлъ въ повозку, и выѣхалъ съ ямщикомъ за вороша; а дядька оспался съ управишелемъ дома для сдачи покоевъ. «Ви-дишь ли, сказалъ онъ, все ваше въ совершенной цѣлоспи: вошъ диванъ, вошъ конпорка, вошъ другая, зеркала, спулья, все, все!» — Такъ, ошвѣчалъ управишель, и хопя вы ѣдете на одну недѣлю, однако, Богъ

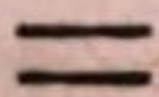
вѣспѣ, когда воропишесь; хозяинъ же нашъ человѣкъ честной, и не захочетъ покоевъ вашихъ сей-часъ отдавать другому, а пошому не худо бы обезпечить, если хошите, чѣмъ мѣсто ваше оспалось за вами.

Развѣ мало, вскричалъ Макаръ полусердишо, оспавляемъ мы своихъ собспивенныхъ вещей, коими можете быть обезпечены на цѣлые мѣсяцы. Посмотри: вотъ на столѣ пара старыхъ Адресъ-календарей, такая рѣдкость, чѣмъ иной охопникъ до древностей и Богъ знаетъ чего не пожалѣетъ; вотъ дюжинъ пять бушелокъ разныхъ величинъ и видовъ; хоша онѣ и пусы, однако же; — вотъ двѣ корзины помадныхъ банокъ послѣдняго фасона; онѣ такъ же пусы, однако жъ; — вотъ поношенные барскія пухли, и года за три изъ Торжка выписаны съ нарочнымъ; а вотъ наконецъ — Боже мой! цѣлой закрою, безчисленное множество подержанныхъ картъ, копорья если не полѣнишь-ся ты привестъ въ порядокъ, то хозяину швоему со всемъ его родомъ и племя-

немъ будешь во что забавляться до кончины послѣдняго. Прощай пока - мѣспъ, дружище; баринъ ждетъ меня на улицѣ; возьми тебѣ ключи и рубль денегъ за смотрѣніе, чтобы къ возвращенію все наше было цѣло.»

Макаръ опрометью бросился изъ дому, вскочилъ на козлы къ ямщику, и перекрестясь, ударилъ по лошадямъ. — Быстро помчалась повозка къ Московской заспавъ, и не прошло часа, Аристіонъ не видалъ уже роковой для него сполиты. Онъ вздохнулъ, надвинулъ на глаза карпузъ, и крѣпко задумался.

ГЛАВА XV.

ПОВѢГЪ.

До самаго глубокаго вечера сидѣлъ онъ печально, не промолвя ни слова. Душа его, мысли, воображеніе, заняты были воспо-

минаніемъ прошедшихъ радостей, или по крайней мѣрѣ удовольствій, ощущаемыхъ въ мѣстѣ, гдѣ пропекло его младенчество, опрочество, юность; и куда же ѣдешь онъ? Въ мѣста его родины, но мѣста совершенно незнакомыя; къ опцу и матери, коихъ черты лица, голосъ, взоръ, образъ жизни, привычекъ, все для него шакъ же извѣстно, какъ бы ѣхалъ онъ представляясь Султану Турецкому. И какъ онъ ѣдешь? Изгнанный, осрамленный, обнищавшій, обязанный слугѣ дневнымъ пропитаніемъ. Такое состояніе дѣлаетъ естественно повергло Аристіона въ мрачное уныніе, изъ коего вышелъ онъ не прежде, какъ въ маленькой деревушкѣ повозка завернула на крестьянскій дворъ, и Макаръ возгласилъ: ночлегъ!

Пока ямщикъ управлялся съ прѣмѣя своими иноходцами, Макаръ спорговалъ пару куръ, и разложилъ посреди двора огонекъ; выпащилъ изъ повозки бутылку, и подавая Аристіону, сказалъ: — баринъ! пока я пригошовлять буду дорожный ужинъ, подкрѣпите себя рюмкою стараго порш-

вейна. — Господинъ улыбкою поблагодарилъ добраго слугу за доброхотство, послѣдовалъ его совѣту, и началъ вдоль двора разхаживать взадъ и впередъ, сочиняя рѣчи, которыя будетъ говорить предъ родителами, родственниками и ближними ихъ знакомыми. Мѣсяцъ опвѣсно блисталъ на небѣ; часы Аристіоновы показывали полночь; Макаръ на деревянной скамьѣ, споявшей у ворошъ, послалъ салфетку, положилъ хлѣбъ, соль, поставилъ свѣчу, и принесъ свое снаряжанье. Господинъ поужиналъ съ хорошимъ аппетитомъ, попчивалъ шакъ же и вѣрнаго дядьку, хотя сей ни какъ не согласился за что либо приняться, пока не опкушаетъ баринъ. — Послѣ сего они расположились ко сну, Аристіонъ въ повозкѣ, а Макаръ подъ нею, положивъ въ головы комъ сѣна, и завернувшись въ шинель свою. — На другой день, когда Аристіонъ проснулся, то солнце высоко уже свѣшило на возвышенномъ небѣ, и Макаръ повѣдалъ, что они опѣхали отъ ночлега двадцать верстъ, а проѣхавъ еще столько, остановившись обѣдаютъ.

ГЛАВА XVI.

ПРИБЫТІЕ НА РОДИНУ.

Съ намѣреніемъ нѣсколько проспіранно описалъ я начало пупешеспвія Аристіонова, дабы сказавши, что онъ съ дядькой такъ провелъ двадцать дней, означивъ, что во всю эту дорогу съ пупешеспвенниками нашими не случилось ничего особеннаго, что могло бы имѣть вліяніе на судьбу ихъ, слѣдовательно споило бы описанія. — Къ исходу двадцать перваго дня Макаръ быспро поднялся на козлахъ, прищурилъ глаза, и послѣ съ радоспнымъ восшоргомъ вскричалъ: «баринъ! видите ль вдали нѣчто свѣшящееся, шамъ, по правую руку, подлѣ гуспаго бора? Радуйшесь, берегъ нашъ близокъ: эпо свѣпишся креспъ нашей деревенской церкви; не далеко опъ нее господской домъ, гдѣ расположены сяды, пруды и оранжереи, а на лѣвой рукѣ

большая деревня, со всякимъ запасомъ хлѣба, скотной дворъ и прочія хозяйственныя заведенія.»

Опъ первыхъ словъ Макаровыхъ, сердце запрепешало въ груди Аристіона, багровая краска разлилась по щекамъ его, и родъ какого-то недоумѣнія покрылъ его взоры. — Макаръ! сказалъ онъ наконецъ: не знаю опъ чего, свиданіе съ опцемъ приводитъ меня въ сильное замѣшательство, какого не чувствовалъ я, идучи прошивъ пуль и шпыковъ непріятельскихъ.

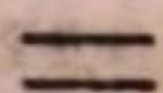
«Знаете ли вы что, сударь!» сказалъ Макаръ, останавливая лошадей: «я думаю, что вамъ не мѣшало бы на сушки гдѣ нибудь по-близости оспаться подъ чужимъ именемъ. Тамъ, по вывѣданіи спороною о нравѣ вашихъ родителей, могли бы смѣлѣе къ нимъ представиться; ибо хотя я, почитая за двадцать лѣтъ оставилъ ихъ обоихъ добрыми, крошкими, разумными: но кто поручился, что въ продолженіе столь долгаго времени, они все тѣ же; кто поручился самъ за себя, а не только за другаго, что онъ въ шестьдесятъ лѣтъ бу-

Часть V.

3

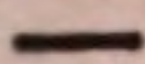

депъ шакъ же весель, сговорчивъ, благо-
склоненъ, каковъ былъ въ тридцать? О!
морщины и сѣдины, не меньше волшеб-
наго пруща, перемѣняющъ людей, и дѣла-
ющъ испинными оборотнями. Къ тому
же — почему знашь? можешъ бышь какой
скрыпной злой недругъ вашъ описалъ
сюда о вашихъ подвигахъ въ столицѣ —
въ коихъ и не думали мы таинься.»

ГЛАВА XVII.

ПОСЛѢДНІЙ ПОЧЛЕГЪ ВЪ ДОРОГѢ.

Опъ послѣднихъ словъ Макаровыхъ Ари-
стїонъ измѣнился въ лицѣ. — Эпо правда,
спарикъ, сказалъ онъ тихо, что приго-
товившись къ свиданію мнѣ очень нужно:
но гдѣ же? Я никого и ничего здѣсь не
знаю; да вѣроятно и ты —

«О!» возразилъ Макаръ, «мое дѣло совсѣмъ другое; я не ребенкомъ оставлялъ эпи мѣста, и очень помню, что въ двухъ верстахъ отъ господскаго дома, на большой дорогѣ, отецъ вашъ на землѣ своей поселилъ инвалида Никона, далъ ему все обзаведеніе, женилъ на своей же крестьянкѣ, и дозволилъ содержать поспоялый дворъ. Скоро и быспро честной Никонъ началъ разживаться, и когда я съ вами отправился въ Пиперь, то Никонъ былъ уже мужикъ зажиточный, и все также честенъ, набоженъ, трудолюбивъ, смиренъ и вѣренъ своему господину, какъ и прежде. Одно, за что только нѣкоторые дворовые люди наши и крестьяне окрестныхъ деревень и хуторовъ, не очень его жаловали, было то, что онъ ни за какую плату не давалъ имъ лишняго вина, говоря: будьте веселы, этому Богъ не пропившися, но не черезъ чуръ, ибо эпимъ угодите дьяволу. — Къ этому-шо Никону мы и отправимся. По прошествіи споль давняго времени, онъ навѣрно меня не узнаешъ, а объ васъ и говоришь нѣчего! —

А если его уже нѣтъ на семь свѣтъ?
— Такъ оспались дѣти, и судя по времени,
уже возрасшіе. Они доспапочно могутъ
объяснить о томъ, о чемъ намъ знать
надобно.»

Аристѳонъ съ радостью далъ согласіе
на сіе предложеніе; Макаръ взялся пра-
вить лошадьми, выбрался на большую поч-
товую дорогу, и съ послѣднимъ лучемъ
солнечнымъ повозка остановилась у воротъ
обширнаго двора, на коемъ находился так-
же немалой домъ со всѣми принадлежно-
стями. У воротъ подъ навѣсомъ, на чи-
стой скамьѣ, сидѣлъ спарикъ здоровой,
бѣдрой, съ сѣдою головой и красными ще-
ками. Онъ вспалъ, выспавилъ впередъ де-
ревянную ногу, и снялъ калпакъ при при-
ближеніи Макара.

«Хозяинъ!» сказалъ сей послѣдній: «я
везу къ роднымъ г. Капишана, и прибли-
жающаяся ночь заспавляетъ у тебя оспа-
новившись. Будемъ ли мы довольны шво-
имъ угощеніемъ?» — Надѣюсь, ошвѣчалъ
Никонъ ошважно. У меня не рѣдко оспа-
навливающіяся господа Маіоры и даже Пол-

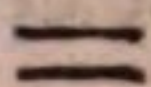

ковники, и всегда какъ они, такъ людей ихъ и лошади были сыпы и покойны. — Прошу г. Капишана ко мнѣ въ свѣшелку.

Разумѣется, что предложеніе принято съ охотою, и между тѣмъ, какъ ямщикъ управлялся съ лошадьми, а Макаръ съ хозяйкой дома и работницей занялись приготовленіемъ ужина, то Аристіонъ, разсѣвшись на скамьѣ у окна на улицу, имѣя на деревенскомъ столѣ погребецъ и самоваръ, пилъ полегоньку чай, и выглядывалъ время отъ времени въ окно, размышляя о первомъ свиданіи съ родителемъ. — Хотя онъ совсѣмъ непривыченъ былъ къ воздуху своей родины, совсѣмъ незнакомъ съ мѣстами, ее окружающими, но, при всемъ томъ, извѣстность, что онъ находится теперь на землѣ родной, по коей безъ сомнѣнія, въ первомъ опрочествѣ, няньки и мамки его нашивали, что въ самой сей комнатѣ, можетъ быть, отецъ его и родные, возвращаясь съ дальней поездки или съ охоты, отдыхали, — все это погрузило его въ сладкую задумчивость,

разлило по груди теплому жизненную ; слеза, имъ неожиданная, заблispала на его рѣсницѣ , и онъ сказалъ со вздохомъ: для чего я въ сполницѣ, въ печеніи довольнаго времени, ни одного раза не чувствовалъ того, что теперь чувствую? По крайней мѣрѣ, для чего, по возвращеніи изъ похода, не прилѣпѣлъ сюда? Ахъ! я избавился бѣ многихъ гореспныхъ часовъ въ каждомъ днѣ шамошной жизни моей.

ГЛАВА XVIII.

случилось, чего и не чаяли.

Ужинъ поспѣлъ. Сколько Аристіонъ ни упрашивалъ почпеннаго хозяина, чшобы онъ сѣлъ возлѣ него, и раздѣлилъ прія-

пельски трапезу, а пошъ никакъ не согласился. Инвалиду сѣсть рядомъ съ Капишаномъ, говорилъ онъ: избави Боже! я понимаю, что значишь субординація, и никогда не выйду изъ ея законовъ.

Никонъ поклонился и вышелъ; ужинъ конченъ, путешественникъ нашъ расположился ко сну, и все двигавшееся въ домѣ предалось покою.

На слѣдующее утро, скрипъ проѣзжавшихъ крестьянскихъ телѣгъ мимо гостиницы, ржаніе лошадей, мычаніе быковъ и блеяніе овецъ, разбудили Аристіона. Онъ открылъ глаза, взглянулъ на яркіе лучи солнечные, спруившіеся сквозь малыя стекла въ его комнату, и вскочилъ съ постели здоровъ пѣломъ, бодръ умомъ и веселъ сердцемъ.

Онъ сказалъ явившемуся Макару: «пора намъ, спарикъ, приняться за дѣло, согласно съ нашимъ условіемъ; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше — кончимъ это пягоспное положеніе моихъ обшояпельсшвъ; позови сюда хозяина.»

Никонъ пришелъ, и послѣ почтительна-

го съ одной, и дружескаго съ другой стороны привѣтствія, началась бесѣда:

«Судя по устройству своего хозяйства, а еще болѣе по веселому и здоровому своему виду,» сказалъ Аристіонъ, «ты долженъ быть доволенъ своимъ помѣщикомъ?»

— Конечно! отвѣчалъ инвалидъ: но я былъ бы еще довольнѣе, если бы нашъ господинъ былъ самъ повеселѣе, и поласковѣе. — «Я не зналъ вашего господина, и не могу судить о его характерѣ,» продолжалъ Аристіонъ: «но сколько спороной слышался, такъ онъ человекъ крошкѣй, и любитъ избытки свои раздѣлять съ другими.» — И это правда, — сказалъ Никонъ, — но въ полной ли мѣрѣ чувствуемъ удовольствіе, принимая милость, когда подающій ее отвращается отъ насъ, морщится, а если и не плачетъ, то кажется, что глаза его плакали, или собираются плакать. — «О! я тебѣ порукой,» отвѣчалъ гость, «что господинъ твой только что не много не домогается, но онъ скоро изцѣлился, и лицо его просіяетъ снова лучемъ радости, и осчастли-

вишъ всѣхъ, его окружающихъ. — Макарь! кажешся сего достапочно! чистосердечное признаніе, искреннее раскаяніе — спупай, и пригошовъ его къ вспрѣчѣ. — Но — Никонъ! чпо же ты ничего не скажешь о своей барынѣ? Такъ ли она еще набожна, милоспива и охоча дѣлать правоученія, какія къ нѣкоторымъ людямъ въ письмахъ дѣлала?» — Вы меня нѣсколько удивляете, сказалъ спарикъ. Судя по послѣднему вопросу, такъ вы лучше меня знаете нашего господина, да и всѣхъ домашнихъ, ибо я о супругѣ его никогда и не слыхивалъ, да и во всемъ домѣ нѣтъ ни души женской.

«Теперь ты меня удивляешь,» отвѣчалъ ѡпоропѣвшій Ариспіонъ, представляя изъ себя такого несвѣдущаго въ обспоятельстввахъ своего помѣщика, «когда мнѣ проѣзжему извѣспно, что ты получилъ ѡпъ него и ѡпопъ участокъ земли, на коемъ живешь такъ спокѡйно.»

— Нѣтъ, сударь, возразилъ Никонъ; не получилъ землю, а только чпо не согнанъ. Конечно, и ѡпо не мало, и я благодаренъ.

Впрочемъ не большая бѣда не знать, женашъ ли кто, или нѣтъ; самъ же господинъ Горгоній никогда съ нами не вступаешъ въ подобныя разговоры. —

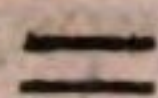
«Горгоній?» спросилъ заикаясь Капитанъ: «а что это за особа?» — Нашъ помѣщикъ, свѣчалъ Никонъ. — Аристіонъ измѣнился въ лицѣ; смертная блѣдность покрыла щеки его; неподвижными глазами смотрѣлъ онъ на Макара, бывшаго по видимому въ такомъ же положеніи. Наконецъ съ препетомъ спросилъ онъ: «но гдѣ же Валеріанъ, гдѣ его супруга?»

— Они тамъ—воскликнулъ Никонъ, указывая на небо, и устремивъ шуда глаза съ благоговѣніемъ: они оба опрешировались, и вѣрно счастливы на новыхъ квартирахъ; тамъ не пягопимъ ихъ воспоминаніе о семейныхъ горесняхъ, кои каждую минушу поражали сердца ихъ шпыками непріятельскими.

Аристіонъ произнесъ дикой вопль, и въ безчувствіи палъ на землю. — Макаръ и Никонъ бросились на помощь, подняли и положили его въ поспелю. Макаръ плакалъ,

смопря на своего господина, а Никонъ, ушѣшая его, сказалъ: — не печалься, дружище, эпо пройдетъ! вижу, чпо слова мои были для него ядрами пушечными, но они его не проспрѣлили, а только сдѣлали конпузію.

ГЛАВА XIX.

НАДЕЖДА НА ПРОВИДѢНІЕ.

Никонъ вышелъ, а вскорѣ вбѣжала доброхотная хозяйка со склянкой уксусу, и со всемъ усердіемъ начала опрыскивать лицо и грудь Аристіона, приговаривая нѣкошорыя невнятные слова.— Онъ и въ самомъ дѣлѣ открылъ глаза, казалось—припоминалъ случившееся, далъ знакъ Василісѣ выдти, и закрывъ лицо подушкою, зарыдалъ горько. Опытный Макаръ не

только не старался унимать его горестъ, но съ примѣшнымъ удовольствіемъ на лицѣ и надеждою во взорахъ, также вышелъ. Онъ зналъ, что въ грозные часы опчаянія, слезы суть надежной отводъ отъ ударовъ смерти.

Время отъ времени Макаръ и все семейство Никона по очереди заглядывали въ комнату Ариспіона, и возвращаясь объясняли, что ему становится лучше и лучше. И въ самомъ дѣлѣ въ полдень нашъ больной, оставя при себѣ Макара, приподнялся на постелѣ, и самымъ унылымъ голосомъ спросилъ: «вопъ теперь - то, что будемъ дѣлать?» — Что угодно Богу, отвѣчалъ сей: сдѣлайтесь только поспокойнѣе, и мы поразсудимъ о будущей своей участи. Терпѣніе и надежда на промыслъ Вышняго, часто находятъ помощь тамъ, гдѣ ее и непримѣнно было. — Конечно — легче и скорѣе можно промощать большое имѣніе, нежели пріобрѣсти малое; однако жъ я знаю людей, которые родясь ни съ чѣмъ, выросли почти безъ воспитанія, посредствомъ трудолюбія и честности

пріобрѣтали способы провождать жизнь довольную. По чему же и мы — рѣшась бытъ людьми честными и трудолюбивыми, не будемъ когда нибудь людьми съ достаткомъ?

«Но какимъ образомъ,» возразилъ Арістіонъ, послѣ нѣкотораго молчанія, «какимъ образомъ отецъ мой, котораго и по слуху и по письмамъ считалъ я человекомъ самымъ разсудительнымъ, бережливымъ, могъ дойти до того, что умеръ, оставя имѣніе свое въ рукахъ поспороннихъ?»

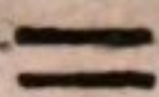
— Сколько я могъ вывѣдать отъ Никола, оповѣчалъ Макаръ, что это случилось самымъ обыкновеннымъ образомъ. Любя своего сына болѣе, нежели сколько любить должно было, онъ ни въ чемъ (согласитесь сами) вамъ не отказывая, непримѣннымъ образомъ дождался, что долги на немъ накопились весьма значительные. Это повергло его въ уныніе и бездѣйствіе, а отъ сего родилось само собою, что управители и дворецкіе начали обманывать и красть, сколько кому хо-

пѣлось. Весьма легко и скоро можно разспроить свое хозяйство; но поправишь его, равно какъ и разспроенное здоровье, очень, очень трудно, а особливо тому, кто поперяетъ бодрость въ духѣ и надежду въ сердцѣ. Такъ вышло и съ вашимъ родителемъ. Видя день ото дня большую запущанность въ дѣлахъ своихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ получая изъ столицы извѣстія о нашей жизни, все хуже и хуже, онъ предался тому горестному равнодушію, съ какимъ иные изъ осужденныхъ идутъ къ мѣсту своей казни, бывъ увѣрены, что участи своей переѣмнишь уже не могутъ; и пошому, призвавъ къ себѣ вѣрнаго друга, Горгонія, онъ сказалъ: такъ и бышь! у меня нѣтъ болѣе сына, не надобно мнѣ и имѣнія. Уплаши всѣ долги мои, и владѣй моими помѣстьями; дай мнѣ только умереть на землѣ, видѣвшей мое рожденіе, дай праху моему успокоиться подлѣ костей родительскихъ, и пошому отвези его въ извѣстной городъ, и положи въ родовую нашу могилу. — Горгоній съ охотой согласился; условія заключены судебнымъ

порядкомъ, долги исчезли, но и имѣнія не спало, а вскорѣ попомъ — вы меня понимаете — новый владѣлецъ поселился въ опустѣломъ домѣ Валеріановомъ.

ГЛАВА XX.

КЪ ЧЕМУ НЕ ПРИВЕДЕТЬ НУЖДА?

Долго пребылъ Аристіонъ въ глубокомъ уныніи; попомъ быспро вскочилъ съ постели, бодро подступилъ къ Макару, и твердымъ голосомъ сказалъ: дѣло рѣшено! Оспавайся здѣсь, любезный спарикъ, и ищи милоспіи у новаго господина; тебѣ покой уже надобенъ;—что жъ касается до меня, то, поперявъ доброе, прежде почтенное имя, лишась всего имущества, а что болѣе всего, сдѣлавшись убійцею

моихъ родителей, — правосудный Боже! къ чему прибѣгну я? — Не пугайся, Макаръ! Какъ ни горесипно мое положеніе, но я еще весьма далекъ отъ того, чшобы всѣ горести жизни, всѣ удары рока проглотить съ пулею. Нѣтъ! я послѣдую твоимъ же совѣтамъ, и посмопрю, что можетъ сдѣлать честность и трудолюбіе! Въ видѣ незнакомца отправаясь въ городъ, я омочу слезами раскаянія, горькаго, истиннаго раскаянія, гробы отца моего и матери, и пущусь по первой дорогѣ, буду брести до перваго полка, и запишусь въ солдаты. Развѣ не было примѣровъ, что простаго ратника храбрость, благоразуміе, любовь къ Богу, опечесству и добродѣтели, возводили на высокую степень полководца? Для чего жъ мнѣ опчаяваться? Прости, любезный старикъ, и не забывай иногда въ молитвахъ твоихъ воспоминашь о прежнемъ господинѣ, воспоминашь, какъ превратна участь человѣческая!

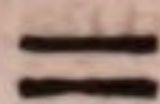
Арисціонъ протянулъ къ Макару объруки, и слезы умиленія заблещали въ гла-

захъ старца. — Любезный господинъ! сказалъ онъ: мнѣ очень нравишся ваша честность и трудолюбіе; но кажется, что добродѣтели эти должны бытъ общи всѣмъ добрымъ людямъ, кресъянину и помѣщику, солдапу и полководцу, вельможѣ и царю, и чѣмъ чья степень возвышеннѣе, тѣмъ кругъ ихъ дѣйствія обширнѣе. — За чѣмъ вамъ вдругъ изъ господина дѣлашся слугою, не испытавъ всѣхъ средствъ оспаться въ прежнемъ, возвышеннѣйшемъ состояніи? — Никонъ увѣрилъ меня, что Горгоній, не смотря на наружную суровость и строгія правила жизни, человекъ добродушной, справедливой, благодѣтельной и набожной. При томъ же никто не слыхалъ, чтобы онъ имѣлъ когда жену, дѣтей, или близкихъ родственниковъ, а это обстоятельство не маловажное. Я знаю, что если вы съ нимъ познакомишесь, если къ нему принаровишесь, если понравитесь, то что удивительнаго, если онъ, помня любовь друга своего, удѣлитъ сыну его изъ имѣнія хотя десятую часть, а и этой части, при благоразумномъ управле-

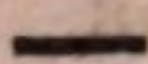

ніи, доспапочно будешъ для прожитія
умѣренному чловѣку, хопя и не сдѣлаеи-
ся онъ изъ Капишановъ солдапомъ, чшобы
послѣ бышъ Фельдмаршаломъ.

ГЛАВА XXI.

А В О С Ъ !

Такое предположеніе сначала показа-
лось Аристіону споль спраннымъ, споль
несбыточнымъ, что онъ не хотѣлъ при-
нимать труда и думать объ исполненіи
онаго; но Макаръ съ своей стороны на-
ходилъ это шакъ возможнымъ, споль при-
влекашельнымъ, что никакъ не опспавалъ
опъ своего мнѣнія; но когда господинъ
рѣшишельно объявилъ, что онъ одному се-
бѣ желаетъ бышъ одолженнымъ въ осно-

ваніи своего счастья, то Макаръ, вздохнувъ опъ глубины сердца, сказалъ: ну, и я въ свою очередь молвлю: дѣло рѣшено! я опъ васъ не опспану. Если вамъ не-премѣнно нравились маршировать съ ружьемъ, то старый Макаръ будетъ плеснись позади васъ съ лишнею аммуниціею, и если дряхлыя ноги его увязнутъ въ грязи, если хладѣющее сердце опъ спужи совсѣмъ оцѣпенѣетъ, если изнеможенный спарикъ распянетъ бездыханенъ посреди лѣса дремучаго, то вы съ геройскимъ мужествомъ можете сказать: «такъ захопѣлось мнѣ, и Макара нѣтъ болѣе въ числѣ живущихъ!»

Эти слова дядьки, его голосъ, его движенія, исполненныя прямого соучастія въ судьбѣ своего господина, поколебали въ основаніи рѣшимость Аристіона, но вмѣстѣ съ тѣмъ произвели легкую на лицѣ его усмѣшку о легковѣрности старца. Ты привыкъ по себѣ судить о людяхъ, сказалъ онъ съ философскимъ видомъ, и надеешься видѣть вездѣ истинное добро тамъ, гдѣ только ложная его личина. Но

шакъ и бытъ! я соглашаюсь на твое предложеніе, только съ условіемъ: общайся мнѣ исполнишь оное. — Охотно общаюсь. — Такъ спускай же къ великодушному твоему г-ну Горгонію, дѣлай ему предложенія въ пользу мою, какъ тебѣ разсудится; но если успѣхъ будетъ таковой, какой предсказываю, то оставайся въ домѣ его окончатъ послѣдніе дни свои въ мирѣ и довольствѣ, и не мѣшай мнѣ исполнишь по моей волѣ. — Торжественно обещаюсь, вскричалъ Макаръ, поднявъ въ верхъ два перста; и не дожидая дальнѣйшихъ полковъ, оставилъ своего господина, совѣтуя покойно ожидать его возвращенія; и пригласивъ въ соупники Никона, пошелъ къ двору Горгоніеву, обѣщая къ вечеру возвратиться, съ извѣстіемъ объ успѣхѣ, или неудачѣ своего посольства. — Долго Аристіонъ, лежа на окнѣ, провожалъ ихъ своими глазами.

ГЛАВА XXII.

МИРНЫЯ УСЛОВІЯ.

—

Солнце клонилось уже къ западу, но наши посланники еще не возвращались, и неперпѣливый опъ природы Ариспіонъ, узнавъ опъ Василисы дорогу къ жилищу Горгонія, побрелъ по ней тихими шагами. По обѣ стороны этой пропинки открывалось необозримое поле, испещренное безчисленнымъ множесвомъ сноговъ разнаго хлѣба; впереди его, примѣрно въ версѣ, синѣлась роща. Въ различномъ ошдаленіи видѣлъ онъ многіе пары дюжихъ воловъ, везущихъ тяжелые возы съ плодами благословенной жашвы. Множесвомъ своимъ подобились они рою пчелъ, разсѣянному на зеленомъ лугу. Ариспіонъ тяжело вздохнувъ, сказалъ про себя: все это было бы мое, а теперь навсегда поперяно. Блудный сынъ!

Уже началъ онъ приближаться къ лѣсу, какъ Макаръ съ Никономъ изъ онаго показались. Едва сблизились они шаговъ на двадцать, какъ Никонъ придалъ ходу своей деревяшкѣ, и скинувъ шляпу, радостно вскрикнулъ: ура, г. Капишанъ! кажется наши побѣдили, или по крайней мѣрѣ на первый случай поле брани осталось за нами. Правда, что непріятель такъ же съ своей стороны упрямъ и предложилъ намъ къ примиренію нѣкоторыя кондиціи, но онъ такъ крошки, что — я увѣренъ — для столь храбраго офицера, какъ вы, ничего не будетъ споймъ выполнить ихъ въ почтоси.

Въ чемъ состояли ваши предложенія, и его мирныя кондиціи? спросилъ Ариспіонъ. — Чшобы удовлетворить вашему вопросу, отвѣчалъ Макаръ, по надобно говорить нѣсколько пространно, и хотя вы очень неперпѣливы, но чтожъ дѣлать! На сей разъ вооружитесь терпѣніемъ Іова, и слушайте.

Г. Горгоній живетъ въ домѣ вашего родителя, слѣдовательно — домъ его огро-

мень — по здѣшнему, — дворъ пространенъ, службы всѣ вообще хорошо устроены, садъ великъ и обилень всякаго рода деревьями плодовыми, ибо онъ ничего безплоднаго не жалуешь. — Это все хорошо, но вопшъ чшо диковинно: услугу такого знашнаго и богапаго господина соспавляюшъ: камердинеръ, слуга, поваръ и садовникъ съ работникомъ. Онъ почши ни съ кѣмъ не ведешъ знакомства, и живешъ по монашески. Во всемъ домѣ нѣтъ и духу женскаго; а когда понадобится вымышь бѣлье, то отправляюшъ оное въ деревню, лежащую въ полуверстѣ отъ дому.

Все это дорогою узналъ я отъ Никона, къ которому и Горгоній сполько жъ милоспивъ, какъ былъ и вашъ родителъ. Когда вошли мы въ его палашы, и доложено было, чшо Никонъ просипшъ бышъ допущенъ вмѣстѣ съ Макаромъ, дядькою Капитана Аристіона, шо сей-часъ и введены были. — Въ г. Горгоніѣ увидѣлъ я человека высокаго росша, важнаго вида, дороднаго, но не толстаго, довольно пожилаго, но крѣпкаго; взоръ его изъяслялъ

спрогость, но вмѣстѣ снисходительность; словомъ, взглянувъ на него, нельзя не почувствовать благоговѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любви сердечной. — Ты, другъ, сказалъ онъ, обращай ко мнѣ, дядька Аристіона? Неужели живъ еще эпопъ несчастный, эпопъ развратный? —

Всепокорнѣйше прошу, милосердивый государь, прервалъ я рѣчь его съ глубокою покорностью, остановившись въ описаніи моего господина. Если онъ былъ когда развратенъ, то излишняя пошачка родителей была тому главною причиною. Теперь онъ совершенно перемѣнился, и сдѣлался шаконъ, какимъ созданъ опъ природы: честенъ, добръ, спремишленъ къ славѣ. Не зная посшигшей его участи, онъ со мною прѣхалъ сюда, и остановился въ домѣ Никона. Онъ хотѣлъ было, оставя породу, чинъ, имя, записаться въ рекруты и дослуживаться до Гешмансшва; но я ошговорилъ его, представя, что вы, милосердивый государь, богаты, бездѣшны, не имѣете, какъ слышно, близкихъ родствениковъ, а пошому если не успуши-

те ему всего родоваго имѣнія, то по крайней мѣрѣ такую часть, чтобы человекъ умѣренный могъ жить безъ дальней нужды.

Горгоній посмотрѣлъ на меня быспро и важно, попомъ съ кротоспью улыбнулся и сказалъ: швое, спарикъ, усердіе къ господину, доводишь шебя до дурачества, однако жъ сполько еще найдется въ тебѣ ума, что согласишься, что я самъ сдѣлалъ бы опличную глупость, если бы захотѣлъ изъ имѣнія моего хопя малѣйшею частью поступишься тому, кто промоталъ большее цѣлое. — Ваша правда, милоспивый государь, ошвѣчалъ я: но если Аристіонъ неоспоримымъ опыпомъ докажетъ, что онъ совсѣмъ въ поступкахъ своихъ перемѣнился! — Тогда — сказалъ онъ, довольно подумавъ, — тогда посмопрю: но мнѣ надобны не пусшыя увѣренія, а дѣйспивительныя доказательспива. Когда швой господинъ согласенъ, то онъ можетъ пріѣхать въ домъ мой, но съ шѣмъ, чтобы онъ велъ жизнь по моему, ш. е. по моимъ правиламъ; никогда не ходилъ ко мнѣ, пока

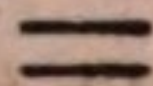
Часть V.

4

не позову, не требовалъ ничего болѣе, кромѣ чшо дадутъ ему, безъ моего вѣдома не ходилъ далѣе сада и огорода, и тогда — посмопрю. Если онъ дѣйствительно окажется достойнымъ владѣть какимъ нибудь имѣніемъ, шю единственно въ дань памяти отца его, моего друга, я не откажусь оказать ему возможную помощь.

Будучи на сей разъ уполномоченъ вами, я далъ клятвенное обѣщаніе исполнишь по всѣмъ спашьямъ эши условія. — А когда такъ, сказалъ онъ, шю завтра къ вечеру пріѣзжайте: я между шѣмъ прикажу соорудить для васъ приличное жилище.

ГЛАВА XXIII.

НАЧАЛО ИСПРАВЕНІЯ.

По словамъ вашимъ, примолвилъ Ариэпійонъ, Горгоній есть человекъ хотя особеннаго свойства, но честной и умной, а попо-

му думаю, что ужишься съ нимъ булешъ можно. Когда Небу угодно было поразить меня поперею родишелей, то я — не оскорбляя ихъ памяти — постараюсь въ почтенномъ другѣ ихъ найти себѣ опца и мать, шѣмъ охотнѣе, что онъ на увѣренности въ моемъ исправленіи желаетъ сдѣлать меня счастливымъ.

Макаръ былъ пронутъ до слезъ такою умною рѣшимостью своего господина, а Никонъ примолвилъ, что такая побѣда надъ своелюбіемъ, едва ли не славнѣе всѣхъ одержанныхъ имъ при спычкахъ съ Французскими мародерами.

Среди сихъ и подобныхъ разговоровъ, дошли они до жилища Никонова, и Аристіона ожидалъ легкій, но сытный ужинъ, послѣ коего, пожелавъ своимъ сопутникамъ также добраго аппетита и покойнаго сна, онъ и самъ предался сну покойному.

Да не осудитъ кто-либо, что Аристіонъ такъ скоро и охотно принялъ намѣреніе — неизвѣснаго ему человека почищать вмѣсто опца своего. Ахъ! къ несчастію,

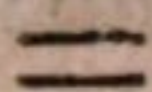

и отецъ его не болѣе былъ ему извѣстенъ. Онъ любилъ его за благодаренія, оныя не-го получаемыя; съ поперею его, онъ потерялъ все, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воспоминаніе о немъ приносило одно горестное чувство. Нынѣ другой незнакомецъ обѣщается быть его благодарителемъ, какъ же не прилѣпиться къ нему, сколько бы строгаго послушанія онъ ни требовалъ.

На другой день — онъ былъ праздничный — Аристѳонъ и Макарь почти ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о будущей жизни своей. — Посмотримъ, сказалъ первый — каково было жить праведнымъ опшельникамъ, ибо, судя по словамъ г. Горгонія, мы будемъ настоящіе схимники. — Почему жъ и не такъ, — возразилъ дядька, для меня въ тысячу разъ пріятнѣе вести скромную, уединенную, но покойную и довольную жизнь, нежели такую, какую вели мы въ столицѣ, которая во вѣки памятна будешь мнѣ, и сошнѣ Французовъ, Нѣмцевъ, Италіянцевъ, Турковъ, Бухарцевъ, Индѣйцевъ, которыхъ мы избавили тягостнаго труда вставать съ

поспелей съ восходомъ солнца, чшобы по-
дремать въ нашей пріемной, и услышатъ
опъ молодого Капишана слово: здравствуй!
произнесенное на природномъ языкѣ каж-
даго изъ нихъ. — И по правда, — сказалъ
Ариспіонъ со вздохомъ и горькою улыб-
кою.

ГЛАВА XXIV.

ОТШЕЛЬНИКИ.

Наконецъ насталь вечеръ. Ариспіонъ
закрылся въ самую глубь повозки, ибо
мысль, чшо онъ ѣдучи подъ кровъ своего
родительскаго дома, не нашелъ ни дома,
ни родителей, исполнила душу его горесп-
нымъ ощущеніемъ, и сердце его занывало;
Макаръ сѣлъ по прежнему съ ямщикомъ,

для показанія дороги; Никонъ кое-какъ помѣспился на запяпкахъ, и повозка двинулась со двора. — Гореспъ не покидала души Аристіоновой, и онъ нѣсколько разъ покушался закричать Макару: стой! Но справедливый спыдъ — обнаружилъ себя малодушнѣе слуги своего, не успоятъ въ своемъ словѣ, оспанавливалъ языкъ его. — Такимъ образомъ они капились далѣе и далѣе, проѣхали обширное поле, въѣхали въ лѣсъ, или дубраву, состоящую изъ деревьевъ дубовыхъ, тополевыхъ, вязовыхъ и липовыхъ, и взору Аристіона предспавилъся — на довольномъ возвышеніи большой каменный домъ, съ обширнымъ дворомъ, обнесеннымъ высокою оградой. — Повозка оспановилась у запершихъ воропъ. Макаръ соскочилъ съ козелъ, Никонъ сползъ съ запяшокъ: но Аристіонъ еще глубже зарылся въ подушки и зажмурилъ глаза.

Едва они приблизились, воропа оспворились, и передъ ними предспалъ старой человѣкъ, ростомъ двухъ аршинъ и прехъ вершковъ, съ преобширною головою, пригвожденною къ прешолстому чреву, на вис-

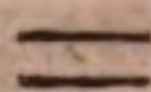

кахъ коей и запылкѣ прилегло нѣсколько сѣдыхъ волосковъ; прочее же пространство лоснилось, какъ бы покрытое самымъ лучшимъ Индѣйскимъ лакомъ; глаза его блиспали довольствомъ, и ланины рдѣлись, какъ оцвѣтающій піонъ; въ прочемъ сей незнакомецъ одѣтъ былъ во фракъ, хотя поношенной, но весьма тонкаго сукна; исподница была такъ же поношенная, но шелковая черной матеріи; чулки полосатые, такъ же шелковые; а на башмакахъ его прикрѣплены были пряжки такой величины, что изъ нихъ можно было бѣ сдѣлать по крайней мѣрѣ дюжину пряжекъ по послѣдней модѣ. Изъ этого заключишь должно, что человекъ этотъ или какой господинъ, или одѣтый въ господское платье. Послѣдняя мысль оказалась вскорѣ справедливою. Это былъ главный дворецкій въ домѣ Горгонія, котораго звалъ онъ Трофимомъ, а всѣ прочіе Трофимомъ Ивановичемъ.

Едва сей важной мужъ выступилъ за ворота, то и вскричалъ весело: такъ, я не ошибся! Зная, или лучше полагая, что

вы сего-дня къ вечеру посѣщайте нашу
обишель, я съ самаго обѣда не сходилъ съ
чердака, успряма глаза, вооруженные зри-
тельною трубкою, на дорогу къ жилищу
Никона. Когда повозка показалась изъ-за
лѣса, то я сползъ съ своей обсерваторіи
къ ворошамъ, и очень радъ, что не ошиб-
ся. Но что же не вижу Аристіона? Ахъ,
какъ мнѣ хочется увидѣть юношею то-
го, кого видѣлъ я въ колыбели.

ГЛАВА XXV.

ПРИБЛИСЬ КЪ БЕРЕГУ.

Аристіону хопя и крайне не хотѣлось
такъ рано появляться на позорище, но
что дѣлать? Онъ сдвинулъ съ головы по-
душки, открылъ глаза, и вышелъ изъ по-

возки. Едва увидѣлъ его Трофимъ Ивановичъ, какъ съ явною радостію и почтеніемъ подбѣжалъ къ нему, и прежде, нежели Аристіонъ могъ опомниться, онъ поцѣловалъ у него руку, и сказалъ съ чувствительностью: здравствуй на родинѣ, сынъ бывшаго моего господина! Хотя я принадлежу теперь и другому, но не меньше доброму человѣку, а по сему надѣюсь, что не опсупая ни на шагъ отъ его повелѣній, могу дѣлать и вамъ нѣкоторыя угожденія.—Обнявъ такъ же Макара, онъ примолвилъ: прошу со мною; я покажу ваше жилище.

Трофимъ пошелъ; Аристіонъ за нимъ слѣдовалъ: за Аристіономъ повозка, за нею Макаръ, а шествіе заключалъ Никонъ, маршируя на своей деревяшкѣ, и насвистывая казацкую пѣсню.

На лѣвой рукѣ преобширнаго двора стоялъ каменной господской домъ въ два жилья; позади его расположены были кладовыя и кухни; за ними — во все пространство двора вдоль онаго возвышался рѣшетчатый заборъ, отдѣляющій дворъ отъ

сада, и примыкался къ небольшому деревянному домику, и сюда-то Трофимъ привелъ Аристіона съ его свishою. Вошъ жилищѣ ваше, сказалъ онъ, опирая двери, и я надѣюсь, что вы имъ довольны будете. Войдемъ - те: изъ маленькой передней мы входимъ въ споловую. Она освѣщается съ двухъ сторонъ, со двора и изъ сада. На правой рукѣ ваша спальня. Получивъ приказаніе опъ господина, я убралъ ее для деревни порядочно, какъ кровать, такъ и туалетъ. На лѣвой сторонѣ — вашъ кабинетъ, который снабженъ книгами, ландкартами, математическими инструментами и прочимъ, что только нужно для письма и чтенія. Рядомъ съ вашей спальнею расположена маленькая горенка, въ которой помѣщены шкапы съ бѣльемъ собственнo для васъ, для постели и для спола; шупъ же назначается спальня и для вашего Макара, гдѣ онъ и для себя найдетъ все нужное. — Прощайте! г. Горгоній нѣсколько не домогается, и вы, думаю, не очень скоро его увидите. Что прикажете сказать ему?

Тысячекрапная благодарносць моя добродѣтельному челоуѣку! Скажи, что я и оиъ роднаго оица не смѣлъ ожидать лучшаго приѣма; скажи ему, что я ни чего сказать не могу! — И этого довольно, отвѣчалъ Трофимъ: онъ чувствителенъ, и конечно пойметъ васъ. — Я пришлю сюда спаршаго слугу, Сысою, которому прикажете вы, что, и въ какое время захотите покушать. Сысой челоуѣкъ угрюмой, но просшой и доброй, и сполько жъ молчаливъ, сколько я болшливъ; но и я не всегда такимъ бываю. Кспати! Я уже сказалъ вамъ, что господина моего не скоро увидите; и такъ не хотите ли познакомиться съ искреннимъ другомъ его? — Да, сказалъ Аристисъ: я слышался объ этомъ другъ, но не болѣе, какъ сполько, что его зовутъ Кассіаномъ. Скажите мнѣ, что это за челоуѣкъ? Конечно богашый, знапный, какъ и самъ Горгоній! — Не совсѣмъ отгадали, отвѣчалъ дворецкій. Правда, мы ничего объ немъ не знаемъ, но слыхали часто оиъ господина, что его другъ богашъ—какъ Діогенъ, и честенъ—какъ Ари-

спидъ, а изъ сего заключаемъ — Пони-
маю! подхвапиль Аристіонъ: што какой
нибудь другъ юности, копорый пособлялъ
ему нѣкогда своимъ дарованіемъ и учено-
спію, а въ воздаяніе за шо нынѣ наслаж-
дается миромъ и довольствомъ. Мнѣ очень
пріятно будетъ свести знакомство и прі-
обрѣсти довѣренность человека, копорый
пользуется довѣренностью г-на Горгонія.

Трофимъ поклонился и вышелъ. — О-
сшашокъ вечера прошелъ въ распоряжені-
яхъ жишковъ, привезенныхъ изъ спо-
лицы, въ ужинѣ, копорый учрежденъ былъ
Сысоемъ, служившимъ за столомъ вмѣстѣ
съ Макаромъ, и наконецъ въ разсуждені-
яхъ, какимъ должно почестъ хозяина, ко-
порый для сына своего друга такъ вели-
кодушенъ, такъ милосливъ. — Я вамъ го-
ворилъ правду, сказалъ Макаръ, раздѣвая
Аристіона, что лучше попытаться у г.
Горгонія, а послѣ уже, буде одолѣетъ охо-
та, идти въ солдаты. — Ты правъ, отвѣ-
чалъ Аристіонъ, опускаясь въ мягкую по-
спелю, — и Макаръ, зѣвая, побрелъ въ свою
спальню.

ГЛАВА XXVI.

ПЕРВОЕ УТРО ВЪ НОВОМЪ ЖИЛИЩЕ.

Взошло прекрасное лѣпное солнце — это было въ началѣ Августа мѣсяца — и весь садъ наполнился пѣніемъ разнаго рода пернатыхъ. Аристѣонъ покоился еще глубокимъ сномъ, какъ вошедшій Макаръ, шарканьемъ, кашляньемъ, спучаньемъ, разбудилъ его. — Аристѣонъ крайне удивился такой необыкновенной невѣжливости, и спросилъ полусердишо: что это значить? — Это значить, что г. Кассіанъ уже въ саду. Легко спанется, что онъ зайдетъ и сюда: такъ едва ли не совѣстно будетъ вамъ слышать первыя привѣспіія пожилаго человѣка, уважаемаго нашимъ благодушелемъ, лежа въ постелѣ! — Ты очень правъ, сказалъ Аристѣонъ, вскочивъ быстро; одѣлся, и готовъ былъ принять по-

сѣщеніе. Такъ рано не вставалъ онъ съ пѣхъ поръ, какъ возвратился изъ похода.

А какъ никто еще не являлся, то наши пустынники почли лучшимъ препровожденіемъ времени — осмопрѣть внимательно новое свое жилище, ибо на - канунъ они вскользь на все смотрѣли. Первый предметъ, обратившій вниманіе, былъ большой богатой шкапъ, стоявшій подлѣ шуалешаго столика. Какъ въ замкѣ его былъ ключъ, то Ариспіонъ и опперъ. — Онъ не мало подивился, нашедъ тамъ Библію, Евангеліе и множество церковныхъ книгъ въ дорогомъ переплетѣ. Перебирая то ту, то другую, онъ спросилъ съ улыбкой Макара: чѣмъ это значило? — Наверное не знаю, отвѣчалъ сей; но слыша, что г. Горговій, не будучи суевѣромъ, очень набоженъ, я полагаю, что ему желательно, чѣмъ и вы, прежде нежели опправитесь въ библіотеку, гдѣ вѣроятно заключена мудрость земная, прочитавъ нѣсколько страницъ въ копорой-либо изъ этихъ книгъ, расположили душу свою къ принятію заключающейся въ нихъ мудро-

сипи небесной. — Но ты лучше всѣхъ другихъ знаешь, возразилъ Арісціонъ, что я опъ роду такихъ книгъ не читывалъ, да и читать не умѣю! — Надобно выучиться, отвѣчалъ старикъ: да это и непрудно, когда уже и я умѣю. — Для чего жъ ты не говорилъ мнѣ о семъ прежде? — Для того, что вы меня не послушали бы. — Прежде были вы богаты, и думали, что всемогущи; теперь же знаете, что безъ помощи опъ другихъ обойтись не можете; помощь же людская, — такъ слышалъ я съ молодыхъ лѣтъ, — приобретаеся при помощи Божіей. — Ты говоришь, какъ философъ! — Какъ шесспидесятилѣтній, не совсѣмъ глухой старикъ, который въ теченіи этого времени видѣлъ много добраго и злаго.

Разговоръ ихъ конечно продоллся бы не малое время, какъ на спѣнныхъ часахъ въ столовой ударило семь; дверь медленно отворилась, и смиренномудрый Сысой явился съ большимъ подносомъ, на коемъ стояли чайникъ и кофейникъ съ надлежащимъ приборомъ. Успавъ все на сполъ, онъ опо-

шелъ въ спорону. Аристіонъ принялся завпракать.

Оканчивая это занятіе, онъ спросилъ: скажи, добрый Сысой, здоровъ ли г. Горгоній? — Не знаю! — А г. Кассіанъ? — Не вѣдаю! — А Трофимъ? — Здоровъ. — Почему ты пакъ заключаешь? — Я видѣлъ, какъ онъ завпракалъ одинъ за двухъ! — Можно ли мнѣ прогуляться въ этомъ саду? — Можно, съ тѣмъ, чѣмъ не лазишь по деревьямъ и черезъ заборъ въ смежный садъ. — Я не ребенокъ, не воръ и не любовникъ: однако жъ хотѣлъ бы знать, что значишь это условіе? — Это не условіе, а собственное мое замѣчаніе. Господинъ нашъ далъ намъ такой приказъ, а я за долгъ почелъ сообщить его вашей милости. Садъ сей во всю длину раздѣляется досчатымъ заборомъ на двѣ неровныя части. Три чепверши его открыты для всякаго, въ томъ числѣ для васъ и Макара, остальную чепвершь г. Горгоній предоспавилъ собственно себѣ. Тамъ онъ — съ другомъ своимъ — копаетъ гряды, сажаетъ цвѣты и овощи, очищаетъ спа-

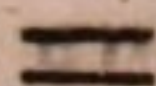
рыя и прививаетъ молодыя деревья; тамъ прогуливается, опдыхаетъ, иногда молился, и шуда-шо, безъ особеннаго повелѣнія, никто не смѣетъ ступить ни шагу, ни самъ Трофимъ Ивановичъ!

Завтракъ конченъ. Сысой снялъ приборъ, и сказавъ: у насъ обѣдаютъ въ часъ за полдень,—удалился, а обитатели хижины вошли въ комнату, въ которой хранилась библіотека со всѣми принадлежностями. Тамъ Аристіонъ нашелъ множество всякаго рода книгъ на языкахъ: Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ; на стѣнахъ развѣшены были ландкарты общія и частныя; на особыхъ подножіяхъ стояли глобусы—земной и небесной, словомъ: тамъ собрано было все, что могло пріятно занять мудреца въ уединеніи.

Насмотрѣвшись довольно, и налюбовавшись, Аристіонъ сказалъ: я удивляюсь, что при такомъ обширномъ собраніи книгъ, не вижу превосходныхъ сочиненій: Полночный Колоколъ, Монахъ, Пещера смерти, Замокъ Удольфа, Тереза философка,

Родспвенникъ Магомеповъ, Веселая повѣспъ о двухъ Туркахъ и проч.

ГЛАВА XXVII.

НОВОЙ ЗНАКОМЕЦЪ.

Однако жъ, шупъ еспъ полныя изданія Виланда, Фильдинга и—произнесъ позади ихъ голосъ; Ариспіонъ быспиро оборопился, и увидѣлъ передъ собой пожилаго человека средняго росша, одѣшаго просто, но со вкусовъ. — Если не ошибаюсь, сказалъ Ариспіонъ вѣжливо, то я имѣю честь видѣть передъ собой г. Кассіана, друга здѣшняго хозяина? — Хошя видѣть меня и не дѣлаешъ вамъ особенной чести, опвѣчалъ пришелецъ, но вы не ошиблись, и я дѣйспвишельно другъ г. Горгонія. Позвольте обнять себя, молодой человекъ, и поздравить съ пріѣздомъ. И я зналъ и ду-

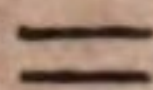

невно любилъ вашихъ родителей, и имѣлъ честь пользоваться опличною ихъ довѣренностью. Опъ васъ теперь будетъ завѣшъ, чшобы я и васъ любилъ такъ же.

Послѣ взаимныхъ учшивоспей, Кассіанъ повелъ госпя въ садъ, изобилующій плодами и цвѣтами, приличными времени года. Оранжереи были обширны и полны рѣдкихъ расшеній. Кассіанъ описывалъ свойство каждаго изъ нихъ, и пользу, какую оно приноситъ. Онъ обращалъ разговоръ свой на различные предметы опносительно Философїи, Нравспвенности, Полипики, Экономїи, Испорїи чуждыхъ народовъ и своего опечеспва, и когда такимъ образомъ провели они два часа, то Аристїонъ внуиренно признался, что соповарищемъ его еспъ человекъ премного-свѣдущій; а сей напрошивъ очевидно понялъ, что молодецъ еспъ изрядный невѣжа, хотя и съ хорошими дарованїями. При расшаваньѣ онъ дружески пожалъ руку Аристїона, и сказалъ: если вамъ нравишся моя бесѣда, то я за удовольспвіе поставлю каждое утро, когда буду только здо-

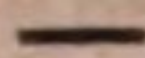

ровъ, навѣщаешь васъ, и дообѣденное время мы будемъ проводишь — въ хорошую погоду — въ саду, а въ ненастье — въ вашей библіотекѣ.

ГЛАВА XXVIII.

НАЧАЛО ПЕРЕВОСПИТАНІЯ.

Разумѣется, что это предложеніе принято охотно, и Кассіанъ каждое утро посѣщалъ молодаго своего пріятеля. Всякой разъ Аристіонъ спрашивалъ, когда удостоившись онъ лично поблагодарить г. Горгонія за его благодѣянія, и всякой разъ получалъ въ отвѣтъ, что онъ не совсѣмъ здоровъ, и никого не принимаетъ. — Въ теченіе двухъ или трехъ недѣль, такимъ образомъ проведенныхъ, Кассіанъ оспавалъ

ся иногда у Аристіона обѣдать, и молодой человѣкъ привязался къ нему всею душою и сердцемъ. Уединенная жизнь не мало къ тому способствовала. Они читали вмѣстѣ, и Аристіонъ дѣлался пасмуренъ, когда мудрый другъ его по какой нибудь причинѣ замедливалъ приходомъ. Макарь не могъ нарадоваться такою переменною своего господина. Каждую недѣлю одинъ разъ добродушной Никонъ, не смотря на деревяшку, посѣщалъ ихъ. Макарь угощалъ его дружески, и на дорогу снабжалъ разными госпинцами для внучекъ и внуковъ. Трофимъ также почти каждый день въ послѣобѣденное время навѣщалъ опшельниковъ—такъ называлъ онъ Аристіона и Макара,—и забавлялъ ихъ безъумолчными разсказами.

Наступилъ Октябрь, и небо обложилось сѣрыми облаками; полились дожди частые, холодные; листья древесные поблекли и посыпались; прогулки въ саду прекратились.

Въ одно такое утро Кассіанъ, сидя въ книжной комнашѣ съ Аристіономъ,

сказалъ: любезный другъ! Ты мнѣ перѣдко говоришь, что меня любишь, и я тебѣ вѣрю; позволь же и мнѣ тебя увѣришь, что и я люблю тебя не меньше. Доказательство этому — будешь моя опкровенность, каковую другъ имѣетъ къ другу, отецъ къ сыну. Родъ, къ которому ты принадлежишь, ведетъ дворянство свое съ давняго времени; а ты — я думаю — хорошо понимаешь, къ чему это почтенное званіе обязываетъ дворянина. Этого не доспапочно, что ты имѣешь чинъ и знакъ опличія и милости Царской; надобно украсить себя такъ, чтобы опброся всѣ шипла и украшенія, всякой сказалъ: онъ природный дворянинъ; онъ добръ, честенъ, уменъ, знающъ! — Ты многому учился, но уже давно, и позволь сказать, не шакъ, какъ надобно. Теперь настала погода суровая, а придетъ и того суровѣе. Можемъ ли мы лучше провести время, какъ занявшись образованіемъ ума и сердца? — Ты краснѣешь? Можешь быть думаешь, что въ швой лѣта учишься и спыдно и поздно? — Ты обманываешься! Учишься,

равно какъ и исправляться, никогда не стыдно и не поздно. Я учился многому, учусь безпреспанно, и буду учиться до гроба. Умеренъ мирно, какъ прилично человеку христіанину, есть величайшая, необходимѣйшая изъ наукъ. И такъ, любезный другъ, не согласишься ли ты на мое предложеніе, чіобы эту осень и будущую зиму посвящая каждый день по нѣскольку часовъ на изученіе нужнѣйшихъ частей Философіи, какъ то: Логикѣ, Метифизики, Физики, Нравственности и Политики. Въ губернскомъ городѣ есть у меня знакомые Ученые, копорые на выгодныхъ для нихъ условіяхъ охотно согласятся провести у насъ нѣсколько мѣсяцевъ, и ты не примѣпишь, какъ пролетитъ это пріятное время, само по себѣ самое скучное, а особливо для празднаго человека.

Для меня, ошвѣчалъ Аристіонъ пошупя взоры, весьма пріятно ваше предложеніе, и я чувствую, какъ исполненіе онаго было бы для меня полезно; но — почтенный другъ! вы забыли, что я не имѣю

ничего собственнаго; даже собственная воля моя зависить отъ воли моего благодѣтеля. — О! вскричалъ радостно Кассіанъ, вскочивъ съ кресель: если только ты этого дѣйствительно хочешь, то дѣло и слажено. Знай, что мысль, мною тебѣ объясненная, есть не моя, а Горгоніева. Онъ не пожалѣетъ никакихъ издержекъ, чтобы только моего любимца сущесвенно осчастливитъ. Пойду и обрадую моего друга; скажу ему, что Аристіонъ рѣшительно хочетъ не только называться, но и быть благороднымъ человекомъ.

Онъ обнялъ молодого друга, и удалился скорыми шагами. — Что мы скажемъ, спросилъ Аристіонъ у Макара, о Горгоніѣ и Кассіанѣ? — То, отвѣчалъ пронутый старикъ, что я и всегда сказывалъ; именно: что Горгоній есть великодушный нашъ благодѣтель, а Кассіанъ достойный другъ его.

ГЛАВА XXIX.

СМУЩЕНІЕ.

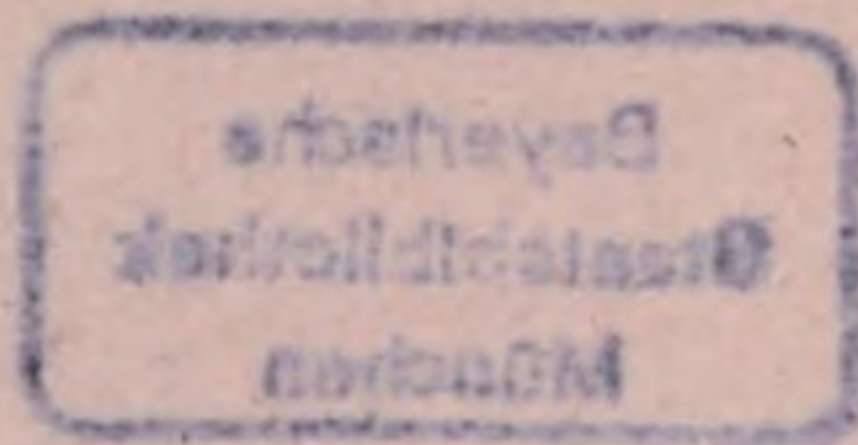
Къ вечеру наши пуспынники замѣтили, что дворъ наполнился людьми. Дорожная карета и двѣ брички вывезены изъ сарая и приготовлены къ пуши. Множество лошадей приведено изъ деревни. Тупъ явился велерѣчивый Трофимъ, и торжественно повѣдалъ, что поутру въ десять часовъ Кассіанъ за нужными покупками ѣдетъ въ губернской городъ, и что это самое время Горгоній назначилъ для перваго свиданія съ Аристіономъ. — Сердце у молодого человека забилося сильно, и смященіе, доселѣ ему незнакомое, разлилось по лицу его. — Каковъ онъ въ здоровьѣ? — Ему гораздо лучше! Онъ проводитъ друга за нѣсколько верстъ; послѣ ѣдетъ на хуторъ къ пріятельницѣ своей, Зинаидѣ. Это предостойная женщина. У нее немного кресъ-

Часть V.

5

янъ, но она умѣла сдѣлать ихъ трудолюбивыми, бережливыми, презвыми, а опъ того и она и они живутъ въ довольствѣ. Но что имѣетъ она у себя лучшаго, драгоценнѣйшаго, прекраснѣйшаго, такъ это дочь ея—Людмила.—Такъ и въ здѣшнихъ мѣстахъ есть красавицы? спросилъ любовнино Арипионъ.—Красавицъ, сударь, вездѣ много, а особливо въ здѣшнихъ мѣстахъ, гдѣ люди не только еще развращены, какъ въ большихъ городахъ, а особливо въ столицахъ: но Людмилу мы знаемъ одну, какъ по красотѣ, такъ и по ангельскому нраву. Словемъ: г. Горгоній, не большою охотникъ что либо излишне хвалить, не можетъ нахвалиться Людмилей, и прошлаго лѣта, когда завернулъ къ намъ живописецъ изъ столицы, онъ упросилъ Зинаиду дозволить снять съ себя и ея дочери портреты, которые у насъ теперь и находятся, только, не знаю для чего, баринъ приказалъ покрыть ихъ тафшяными занавѣсками. — А какихъ она лѣтъ? спросилъ Арипионъ неперпѣливо, и какого рода она красавица, блондина,

или брюнетта? — Ей исполнится, оповѣ-
чалъ всевѣдущій дворецкій, въ 1-й день
Мая въ будущемъ году осмнадцать лѣтъ.
Въ прочемъ, если бъ я грѣшный былъ
красноглаголивѣе самаго Пророка Авваку-
ма, то и тогда не въ состояніи былъ бы
описать всей ея любезности.

Трофимъ ушелъ, оставя Аристіона въ
глубокихъ мысляхъ. Да было о чемъ и по-
думать! Хотя онъ по роду воспитанія и
образу жизни, менѣе всего былъ застѣн-
чивъ: но времена весьма перемѣнились, и
теперь надо имѣть первое свиданіе съ
незнакомымъ человѣкомъ, отъ сужденія ко-
его должна зависѣть участь дальнѣйшей
его жизни, а это заставило задуматься и
самаго неробкаго; сверхъ же того, описа-
ніе Трофимово о прелестяхъ и любезно-
сти дочери какой-то Зинаиды, возбужда-
ло въ немъ живѣйшее любопытство. Ахъ,
сказалъ онъ самъ въ себѣ, что будетъ,
если я полюблю эту красавицу! Хотя
она и не богата, по словамъ Трофимо-
вымъ, однако жъ и небѣдна, а я—я ниче-
го, кромѣ шпаги, не имѣю.

*

Рано поушру, въ 8 часовъ — Аристіонъ оспавиль постелю, одѣлся щашельно, и съ неперпѣніемъ ожидалъ урочнаго времени. Черезъ часъ явился Трофимъ съ повѣсткой, и они опправились на аудіенцію.

=

ГЛАВА XXX.

ВАЖНОЕ СВИДАНІЕ.

—

Проходя длинной рядъ комнашь, Аристіонъ нашель, что убранство оныхъ опвѣчало богатству и вкусу помѣщика. Вошедъ въ обширной кабинетъ, онъ увидѣлъ Горгонія и Кассіана, обоихъ одѣшыхъ по дорожному. Они, какъ примѣпно, вели веселый разговоръ. Макаръ не обмануль своего господина описаніемъ наружности Горгоніевой. Онъ дѣйствительно былъ мужъ

величественный по росту, осанкѣ и взо-
рамъ. — Когда Аристіонъ косноязычно
сдѣлалъ ему привѣтствіе, изъясляя свою
чувствительную благодарность, онъ съ
видомъ благопріятнымъ, но вмѣстѣ и ва-
жнымъ, осматривалъ его съ головы до ногъ,
и послѣ въ отвѣтъ сказалъ: мнѣ пріят-
но, молодой человѣкъ, что ты чувству-
ешь признательность. Если я доселѣ да-
валъ тебѣ убѣжище, то дѣлалъ это един-
ственно въ память отца твоего, какъ ска-
залъ уже и прежде слугѣ твоему; теперь
же отъ тебя самого зависишь будешь,
чтобы я собственно для тебя сдѣлалъ
что нибудь доброе. Для меня не меньше
пріятно слышать отъ друга моего, Кас-
сіана, что ты имѣешь довольно дарованій,
довольно скромности, а приномъ и охоты
сдѣлаться человѣкомъ просвѣщеннымъ. Это
последнее желаніе твое, признаюсь, радуешь
меня всего болѣе. Нынѣ для меня ничего
прошвѣе, какъ видѣть въ дворянинѣ
— глубокаго невѣжду. Кассіанъ педѣли на
двѣ ѣдетъ въ городъ, а я время опсуш-
ствія его хочу употребить на посѣщеніе

друзей и нѣкоторыхъ сосѣдей, ты же останешься одинъ. Я очень знаю, что безпрестанное занятіе самыми лучшими книгами, и скучно и вредно, а особливо въ твои лѣта; а по сему, если захочешь разсѣяться, и позволишь погода, я соглашаюсь на прогулки твои съ ружьемъ, но съ тѣмъ только, чтобы всякой разъ брать ты съ собою или Трофима или своего Макара; особенно же пребую, чтобы ты не только не входилъ въ ближнюю мою деревню, но и не заводилъ бы разговора ни съ однимъ крестьяниномъ, какой можешь вспрѣшиться съ тобою въ полѣ. Этого пребудешь твое собственное спокойствіе. Они очень помнятъ еще отца твоего, — ты меня понимаешь! Проси.

Горгоній ласково, но съ важностію, объялъ Аристіона; за то объятія Кассіана были шакъ нѣжны, шакъ пламенны, какъ объятія отца или друга. — Они сошли въ низъ, сѣли въ карету, и пустились со двора, а за ними двѣ пустыя брички. Люди, совсѣмъ незнакомые, занимали мѣста кучеровъ, служителей.

Ариспіонъ споялъ у крыльца, смоля въ слѣдъ опѣзжающимъ, пока экипажи видны были; когда же все скрылось, то онъ ощутилъ пустоту въ сердцѣ своемъ, и нѣкоторая пуска спѣснила грудь его. Къ Горговію не могъ онъ ощущать еще ничего, кромѣ благодарности; въ прочемъ, для него все было равно, въ городѣ ли онъ, или у себя дома, ибо онъ и здѣсь былъ для него невидимъ: но опсупствіе Кассіана, съ коимъ онъ вседневно видѣлся, удивлялся уму его и добротѣ сердца, прогало его чувствительно. — Трофимъ, всегда внимательный къ чувствованіямъ молодого человека, желая разсѣять его задумчивость, копорой не любилъ онъ не менѣе, какъ и пустояденія, припомнилъ о порипрѣхъ Людмилы. Ариспіонъ вдругъ встрепенулся, и съ непрерывіемъ пошелъ вверхъ по лѣспницѣ за своимъ пугеводителемъ.

ГЛАВА XXXI.

ПОРТРЕТЪ.

—

Въ богатоубранной диванной Ариспіонъ между многими фамильными портретами увидѣлъ два завѣшенныя. Чѣмъ бы вы, сказалъ Трофимъ, могли почувствовать всю силу прелестей дѣвическихъ, то прежде взгляните на изображеніе матери, которая въ свое время никому не уступала въ красотѣ и любезности. Тупъ отдернулъ онъ занавѣсъ, и Ариспіонъ невольно воскликнулъ: величественная женщина! Какой взоръ, какая улыбка, и въ такія уже лѣта!—Она сморщилъ на дочь свою, сказалъ Трофимъ, быstro откинувъ покровъ съ другаго портрета.—Ариспіонъ сморщилъ долго на это изображеніе. Грудь его высоко поднималась, глаза пламенѣли. Небесное созданіе! сказалъ онъ наконецъ въ полголоса; сколько видно ума изъ сего

возвышеннаго чела; сколько чувствва въ большихъ, черныхъ, огненныхъ глазахъ, копорые куда ни обрапаясь, все побѣждають, но спыдаясь своей побѣды, склоняются долу. На полныхъ, румяныхъ щекахъ покояпся довольство, здоровье и невинность! Ахъ, Трофимъ, для чего ты показалъ мнѣ это изображеніе! — Чпо, сударь, примолвилъ дворецкій съ веселою улыбкою, не справедливо ли я описывалъ вамъ красоту Людмилы? Но чпо сказали бы вы, если бъ увидѣли подлинникъ, если бъ были свидѣтелемъ той крошоспи, той любезности, копорыя дають ей преимущество предъ всѣми ея сверсипницами въ нашей округѣ. — Жаль только, — ахъ! какъ жаль! — Чего, вскричалъ Ариспіонъ, обрапаясь къ нему, и успрема провицательный взоръ. — Жаль, хладнокровно опвѣчалъ панегириспъ, что эта достойная дѣвица не такъ-по богата, иначе.... — Тѣмъ лучше, вскричалъ съ жаромъ Ариспіонъ: божусь тебѣ, тѣмъ лучше; иначе, въ этихъ пламенныхъ глазахъ, вмѣсто небесной крошоспи и невинности, блиспали бы пуск-

лымъ огнемъ гордость и безстыдство! На
эпихъ щекахъ, вмѣстѣ поразцвѣтающихъ розъ,
роскошь и вѣга рассыпали бы блѣдножел-
тую пѣнь, признакъ усталости опъ пре-
свщенія забавами. — Ахъ, Трофимъ! и въ
оранжереяхъ вашихъ есть цвѣты и пло-
ды прекрасные: но таковы ли они тамъ,
гдѣ мудрая природа выбрала для нихъ опе-
чественную землю, какъ то: въ Азіи, Аф-
рикѣ и Америкѣ? — Клянусь, что Люд-
мила и помѣщикъ счастливецъ, котораго избе-
реть она любимцемъ прекрасной души сво-
ей, должны благословлять Провидѣніе,
что она родилась не богатою, и воспита-
на не въ столицѣ!

Долго взоры Аристѣоновы покоились на
ангельскомъ изображеніи; на послѣдокъ за-
мысловаый Трофимъ, задернувъ его занавѣ-
сью, сказалъ: вы довольно наглядѣлись,
полно; а то пожалуй, она привидится
вамъ во снѣ, и помѣшаетъ спать, чего
Боже избави. Я терпѣть не могу, если
кто помѣшаетъ мнѣ ѣсть или спать:
такъ по себѣ сужу и о другихъ. Пойдемъ
въ нашу оружейную, и выберемъ по добро-

му ружью для васъ, для Макара и для меня. — О! въ сипарину былъ я опличной спрѣлокъ, и ни одна куропапка, въ какую только ни намѣчу, опъ меня не увернешся; а теперь — но такъ и бышь! Все-му еспъ очередь въ свѣшѣ, говоряшъ опыш-ные люди.

=

ГЛАВА XXXII.

УЧЕНЫЕ.

—

Съ эшого самого дня начались прогулки Ариспіона, если только погода шо позволяла; въ случаѣ же ненастья, онъ занимался чшеніемъ, или бесѣдою съ словоохотнымъ Трофимомъ и глубокомысленнымъ Макаромъ; но, не смотря ни на какую погоду, онъ каждое утро посѣщалъ

большой домъ, дабы полчаса посвятить на разсмаприванье милаго ему изображенія, находить въ немъ новыя прелести, и имъ удивляться.—Такъ прошелъ весь Октябрь мѣсяцъ; земля покрылась глубокимъ снѣгомъ, и солнце изрѣдка уже улыбалось сквозь шуманныя облака на землю унылую.

Въ одно утро, — когда Аристіонъ у порпчета Людмилы сидѣлъ съ Новою Элизой въ рукахъ, и углубленъ былъ въ разбирательство всѣхъ достоинствъ Руссовой любимицы, слышался у дверей комнаты большой шумъ, и вскорѣ вошли Горгоній, Кассіанъ и двое незнакомыхъ мужчинъ, весьма спешеннаго вида. Быстро Аристіонъ вскочилъ съ мѣста, бросилъ книгу на диванъ, и успремился встрѣтить своего благодѣтеля. Горгоній обнялъ его дружелюбно, Кассіанъ съ нѣжностью, а оба незнакомца, поклонясь почтительно, проговорили свои привѣтствія. — Эми господа, сказалъ Горгоній, согласились на нашу просьбу, и до перваго лѣшняго пущи будутъ нашими собесѣдниками.

Они оба большіе ученые, первые въ городѣ. Всякое утро, послѣ завтрака, они займущся по нѣскольку часовъ разсужденіями о предметахъ, познаніе коихъ болѣе необходимо для человѣка, а особливо для дворянина.

Онъ ушелъ съ Кассіаномъ въ свой кабинетъ, и Аріспіонъ оспался съ Педагогами. Однимъ взглядомъ онъ осматрѣлъ ихъ съ ногъ до головы, и они по наружности совсѣмъ не походили на тѣхъ наставниковъ, какіе нѣкогда преподавали ему уроки въ сполічномъ пансіонѣ. — Одинъ изъ нихъ, по имени Евфросинъ, былъ росту не много меньше малаго, полсѣдъ, коренастъ, и въ парикѣ такомъ почто, въ какомъ предспавляющъ изображенія Лейбница, Вольфа и другихъ ученыхъ тѣхъ временъ. Другой ученый, Полихроній, превысокій, шощій, долгоносой, лѣтъ пятидесяти человѣкъ, съ предлинною косою, до самой поясицы висящею.

Аріспіонъ привѣтствовалъ ученыхъ самымъ обязательнымъ образомъ, и они въ полчаса шакъ ознакомились, какъ будто

бы нѣсколько лѣтъ провели вмѣстѣ. — Ученые вообще скромность не считающъ въ числѣ гражданскихъ добродѣтелей, и по сему Аристѳонъ при первомъ еще свиданіи съ будущими своими собесѣдниками узналъ, что Евфросинъ есть большой Физикъ, Метафизикъ, Юрисконсультъ и проч., а Полихроній не менѣе его Историрикъ, Полишикъ, Риторъ и проч. и проч. — Первый неоспоримыми аргументами могъ доказать степень разности между душою человека и душами барана, осепра, змѣи, лягушки, бабочки и проч. Вмѣсто споль извѣснаго силлогизма Декартова *cogito, ergo sum* (мышлю, слѣдственно есмь), ему больше правился: *Edo, ergo sum*, (ѣмъ, слѣдственно есмь), да онъ и на опытѣ ежедневно и неоспоримо доказывалъ, что съ излишкомъ сущесвуешь: такую-то работу задавалъ онъ своему желудку! Другой ученый былъ такъ же герой въ своемъ родѣ. Онъ зналъ, и другихъ увѣрялъ, что Савская Царица, ѣздившая въ Палестину набираться мудрости Соломоновой, была не такъ черна, и болѣе опрятна, нежели

нынѣшніе владыки Эѳіопіи. Онъ такъ же выводилъ изъ самыхъ вѣрныхъ испочниковъ, что спальной чепецъ Семирамиды совсѣмъ былъ другаго покроя, нежели у супруги Карла Великаго; и что у Александра Македонскаго, въ день битвы при Арбеллахъ, надѣшны были сапоги желтые сафьянные съ зелеными каблуками.

ГЛАВА XXXIII.

ПРИСТУПЪ КЪ УЧЕНІЮ.

Въ шакихъ, и пому подобныхъ полезныхъ и пріятныхъ разговорахъ, прошло время до обѣда. Аристіонъ въ первой разъ удостоясь занимать мѣсто за споломъ Горгонія, не могъ надивиться остроуму его помяну, довольно обширнымъ знаніямъ,

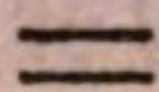

пріямному изображенію мыслей, и вообще той любезности, копорая ни мало не ослабляла истиннаго почтенія, которое одинъ взоръ его, одно движеніе внушали каждому. Кассіанъ,—какъ и всегда въ бесѣдахъ съ молодымъ другомъ своимъ въ уединенной хижинѣ, былъ веселъ, добродушенъ, снисходителенъ, забавенъ—не унижая себя, шушливъ—не обижая другихъ.—Ученые, опъ опощенія ли въ дорогѣ, или опъ скромности, похожей на застѣчивость, вовсе ничего не говорили, и упражняли челюсти свои гораздо вещеспивеннѣйшими предметами; они почти безпрестанно глядѣли то въ свои шарелки, то въ рюмки и спаканы, и не прежде начали осматриваться направо и налево, какъ уже примѣтили, что блюда и бутылки со стола скрылись.—Но когда всѣ собрались въ богашую и покойную диванную, то поднялись у нихъ тонкости, шуш-ки, разнаго рода задачи, и всевозможныя риторическія иносказанія, которыя не мало позабавили хозяевъ.

По-вечеру Горгоній объявилъ собранію,

что какъ онъ, такъ и другъ его, никогда не ужинаютъ, а по сему и предоспавилъ удовлетворять сей потребности, буде она кому либо необходимою покажется, каждому по его произволу. — Въ слѣдствіе общаго условія, разположено было, чтобы Аристіонъ и двое ученыхъ ужинали или всѣ вмѣстѣ въ нижнемъ жильѣ дома, или всѣ порознь, какъ кому разсудится. — Въ слѣдующее утро назначено быть первому уроку, и — всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

ГЛАВА XXXIV.

УРОКИ.

Въ теченіе всего полугодичнаго времени ничего особеннаго не случилось. По самый 15 день Апрѣля, въ которой тогда празд-

нуемо было вшесствіе во Іерусалимъ, каждый часъ проходилъ по предназначенному порядку. Въ 9 часовъ управствѣ собирались въ кабинетъ Горгонія, и первый Евфросинъ начиналъ бесѣду. Хозяинъ испросилъ у него дозволеніе Аристіону во всякое время останавливать вицію для поясненія, если что въ словахъ его имѣло излишней глубокомысленности казалось бы непонятнымъ, и наставникъ съ непримворнымъ удовольствіемъ разливался въ краснорѣчивыхъ толкованіяхъ, сравненіяхъ, догадкахъ. Онъ всегда, когда садился на большія проповѣдничьи кресла, казался одушевленъ нѣкимъ восторгомъ, подобно Дельфійской жрицѣ, возсидящей на золотомъ треножникѣ. Голова его опрокидывалась назадъ, глаза закапывались подъ лобъ, и нерѣдко брызги, сыпавшіеся изъ устъ его, орошали лежащихъ предъ нимъ Вольфа, Лейбница, Декарта, Локка и Ньютона. Разбирая свойства душъ и духовъ, онъ, казалось, ихъ видѣлъ, опличалъ каждый суставъ ихъ, ощупывалъ, измѣрялъ, вѣсилъ, и ни одна возможная изъ ихъ спо-

собноспей не оспавалась незамѣченною, неизслѣдованною. Взоры слушателей усшремлены были на него неподвижно, и когда онъ приходилъ въ такое самозабытіе, то уже никто не осмѣливался неумѣстными вопросами низводить его съ сей превыспренности на землю брєнную.

Когда на часахъ било десять, и г. ученый казался, да и дѣйствительно былъ уже обезсиленъ въ шѣлѣ и въ духѣ, то обыкновенно Горгоній первый вспавалъ съ мѣспа, а шамъ и прочіе. Евфросинъ испускалъ глубокій вздохъ, упиралъ со лба обильный потъ, опкрывалъ большую серебряную табакерку, насыпалъ полонъ носъ табаку, и сидѣлъ въ безчувствіи, зажмура глаза нѣсколько минушъ; потомъ вспавалъ, и съ веселою улыбкой подходилъ къ своимъ слушателямъ. Горгоній съ удовольствіемъ подавалъ ему руку, и уходилъ со всѣми въ столовую, гдѣ споялъ приготовленный завпракъ. Въ семь междудѣльѣ проходилъ обыкновенно часъ, въ продолженіе коего Евфросинъ дѣлалъ

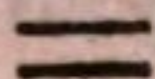
всякому, кто хотѣлъ его слушать, самые ясные доводы на все, имъ сказанное.

Ровно въ 11 часовъ, всѣ вступали опять въ храмину учености.—Сколько Евфросинъ былъ храбръ и веселъ, садясь на свои орапорскія кресла, столько Полихроній былъ унылъ и робокъ. Губы его блѣднѣли, пальцы невольнымъ образомъ дрожали, голосъ его былъ дребезжащъ, прерывистъ; онъ казался осужденнымъ грѣшникомъ, сидящимъ на эшафотѣ, коему безчеловѣчные судьи, дабы болѣе его помучить, приказали во услышаніе всѣмъ читать собственныя приговоры къ смерти.

Сначала Горгонію это не показалось; но онъ думалъ, что ласковымъ обращеніемъ можно ободрить сего ученаго, и сдѣлать его способнѣе сообщать другимъ свѣдѣнія, коими онъ дѣйствительно преисполненъ. Уроки начаты были съ Испоріи, и натурально, съ самой древнѣйшей: но когда Горгоній увидѣлъ, что прошли при урока, а ученый не кончилъ еще описанія разныхъ мнѣній о хаосѣ, въ коемъ погружены были зародыши солнцевъ, лунъ, звѣздъ

и планетъ разнаго рода, то за обѣдомъ спросилъ у Полихронія, какъ скоро думаетъ онъ пройди статью о сошвореніи міра? — Милоспивый государь! опвѣчалъ ученый, выспавя впередъ грудь, и приложивъ къ ней правую руку: если и Господь Богъ труды свои на созданіе сего чудеснаго міра раздѣлилъ на шесть дней, то я, взвѣшивая мое усердіе съ моею брэнностію, думаю, что повѣспвованіе о семъ великомъ предметѣ продлится не менѣе шеспидесяти дней.

ГЛАВА XXXV.

ПОЛЬЗА ИСТОРИИ.

Пойдемъ-те ко мнѣ, сказалъ Горгоній, вспавъ изъ-за спола; и уведя его съ собою въ кабинетъ, продолжалъ: я долженъ

винишь себя, что не предупредилъ васъ, чего именно надѣюсь ошъ вашихъ уроковъ. — Не знаю, согласитесь ли вы со мною, но я думаю, что знаніе Исторіи тогда только можетъ быть полезно, когда мы будемъ знать болѣе, нежели дни рожденія и смерти державныхъ особъ, полководцевъ и законодательей, и припомъ нѣкоторыя подвиги каждаго. Я ни мало не сдѣлаюсь ни умнѣе, ни добрѣе, а пошому ни счастливѣе, если бы и дѣйствительно былъ увѣренъ, что слово Москва происходитъ ошъ Мосоха, внука Ноева; что Славянскій языкъ получилъ начало при смѣшеніи языковъ у сполба Вавилонскаго, и что Рюрикъ былъ близкій родспвенникъ Кесарю Августу. Нѣтъ, я эшимъ недоволенъ. Мнѣ надобно знать, почему за одно и то же дѣйствіе, произведенное въ одномъ и томъ же народѣ, но въ разныя времена, имя одного возносятъ благословеніями до небесъ, а другаго проклятіями низвергають до ада? Вы скажете, что такія переменны умовъ человѣческихъ зависятъ ошъ степени народнаго просвѣ-

щенія; опъ чего же эпо самое просвѣщеніе, сдѣлавшись всеобщимъ, ушончаешъ въ людяхъ разврашъ, увеличиваетъ бѣдспвія, и заспавляетъ добродѣшель самой себя спыдись, и даже бояшся? — Такое познаніе Испоріи о дѣйспвіяхъ народовъ, конечно будетъ полезно: но какъ эпо пребываніе выходишъ изъ черпы нашихъ условій, то я охотно исполненіе онаго беру на себя съ помощію моего друга; васъ же, почпеннѣйшій Полихроній, прошу заняшся съ Аристіономъ Россійскою Эпимологіею и Краснорѣчіемъ. Хошя онъ все эпо уже училъ, но училъ на Французскомъ языкѣ, да и то по времени изъ головы выпарилось. Въ заключеніе нужнымъ счишаю примолвишъ, что ученику вашему 25-ишъ, а не 15-ишъ лѣшъ.

Съ эшого-шо времени все пошло уже наилучшимъ порядкомъ. — Евѣросинъ съ краснорѣчіемъ древняго Платона разсуждалъ о возможномъ и невозможномъ, о добрѣ и злѣ, о предначерпанной гармоніи міра, о правѣ общемъ и частномъ, и проч., а скромный Полихроній, со смиренномудріемъ но-

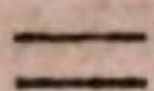

ваго Кушейкина *, началъ повѣспововать о сущесствительныхъ и прилагательныхъ, о настоящихъ, прошедшихъ, будущихъ и такъ далѣе. — Вечера проводимы были въ дружеской бесѣдѣ. Тупъ читали древнюю и новую Исторію, а чаще всего отечественную; судили о дѣйсвіяхъ человѣческихъ по ихъ послѣдствіямъ; сравнивали правленія, вкусы народовъ, ихъ предразсудки, добродѣтели и пороки. Словомъ, съ каждымъ днемъ Аристіонъ дѣлался образованнѣе, добрѣе, любезнѣе. Иногда разсуждая съ Евфросиномъ о какомънибудь самомъ опвлеченномъ предметѣ, онъ съ намѣреніемъ дѣлалъ ему возраженія споль остроумныя, излагалъ ихъ шакъ кудряво, что не рѣдко приводилъ спарика въ замѣшательство и шѣмъ разгорячалъ его несказанно. — Спокойное, величественное чело Горгонія просіявало, и улыбка носилась на устахъ его; взоры же Кассіана блиспали лучами нѣжности. Два вечера въ недѣлю посвящены были на чтение и

* Смолри комедію Фонъ-Визля: *Недоросль*.

разборъ лучшихъ Россійскихъ писателей, какъ стихотворцевъ, такъ и прозаиковъ. Тутъ-то Полихроній давалъ знать себя всѣмъ Музамъ и Аполлону. Тропы и фигуры сыпались съ языка его, а иногда даже, хотя и покраснѣвши, онъ позволялъ себѣ эпиграммы и ироніи.

ГЛАВА XXXVI.

ПОЯТНЫЙ УЧЕНИКЪ.

Въ домѣ Горгонія, въ концѣ уединеннаго флигеля, просторная, окнами въ садъ комната, составляла домашнюю церковь. Въ ней - то Горгоній ежедневно, при наступленіи дня и ночи, приносилъ тайныя мольбы къ милосердому Богу, и возсылалъ благодареніе за всѣ блага, отъ Него полученныя. — На канунъ cadaго

Часть V.

праздничнаго и Воскреснаго дня, приво-
ли изъ деревни стараго священника Симо-
на, на мѣсто коего оспавался тамъ моло-
дой зяпъ его, такъ же священникъ. Укра-
шенный сѣдинами Симонъ служилъ всенощ-
ную, а Горгоній, Кассіанъ и двое ученыхъ
опправляли должности дьячковъ и пона-
маря. Трофимъ и Макарь могли бы слу-
жить образцами псаломщикамъ и въ Со-
борной церкви, и самый Сысой не хуже
всякаго понамаря зажигалъ и пушилъ свѣ-
чи, курилъ ладономъ, отпиралъ и запиралъ
церковныя двери. Одинъ Аристіонъ ни во
что не вмѣшивался, пошому что въ цер-
ковныхъ книгахъ не могъ прочесть ни од-
ного слова. По окончаніи сего папрі-
архальнаго служенія, всѣ собирались къ
Горгонію, и часа два разсуждали объ Еван-
геліи, какое на утро должно бытъ чища-
но; послѣ того всѣ расходились по своимъ
комнатамъ. На другой день, по оконча-
ніи священнодѣйствія, бѣловласый Симонъ,
получа приличный подарокъ за шрудъ, от-
правлялся въ деревню до другаго праздни-
ка.

Хотя Аристіону никто, ни однимъ взглядомъ не сдѣлалъ упрека, что при общихъ молитвахъ онъ одинъ не участвовалъ, ибо — между нами сказано — онъ въ пансіонѣ не былъ выученъ ни одной молитвѣ; но ему самому показалось совѣстно — не участвовать въ занятіяхъ своего благодѣтеля и его друга: а по сему и рѣшился, брося всякую заспѣчивость, одинъ или два часа ночи, когда уединялся съ Макаромъ въ свой домикъ, и одинъ часъ утра, съ помощью сего Менпора, заняться букваремъ и часословомъ, взявъ съ него кляшвенное обѣщаніе — никому о семъ подвигѣ не рассказывать.

Сначала нѣсколько затрудняли его шиплы, словошиплы, кавыки, варіи, оксіи и проч. Но чего трудъ не преодолеваетъ? Не прошло двухъ недѣль, какъ Аристіонъ такъ же бѣгло читалъ всякую церковную книгу, какъ и самый его наставникъ, чему сей не мало удивился, равно какъ подивились и порадовались Горгоній и Кассіанъ, когда при всенощной Аристіонъ взялъ на себя прочесть канонъ

молебный, и исполнилъ это весьма исправно.

Въ свободное опъ заняпій время, наши уединенные друзья приказывали закладывать сани, дабы прокашпсья по полямъ, блестящимъ снѣжною одеждою. Они проѣзжали мимо многихъ хуторовъ, гдѣ видны были домики, въ коихъ обитали паны и полупанки: но ни къ одному изъ нихъ не заѣзжали, и Ариспіонъ не могъ этого замѣшпть. — Однажды, когда они возвратились съ шакой поѣздки, и съ удовольствіемъ грѣлись горячимъ чаемъ, молодой человекъ осмѣлился произнести къ Горгонію: если бъ кто могъ меня увѣрпть, что вы не будете гнѣваться, то я сдѣлалъ бы вамъ нѣкоторой вопросъ. — Говори, сказалъ Горгоній равнодушно: если на вопросъ твой отвѣчать можно, то и я не опрекусь; если же нѣтъ, то и ты съ своей стороны не гнѣвайся. — Для чего вы, проѣзжая мимо своихъ сосѣдей, никогда не посѣщаете мирныхъ жилищъ ихъ? — Для того, для чего и у себя ихъ почти никогда не вижу, что, думаю, ты

уже давно замѣшилъ. — Ошъ чего жъ они у васъ не бывають? Вы шакъ снисходительны, шакъ доброхошны... — Спасибо за похвалу, но ее не для чего вмѣшивать въ простые разговоры. Выслушай: для шого не посѣщаю я своихъ сосѣдей, чшобы не приводить ихъ въ замѣшательство, и даже въ убытокъ, и для эшой же причины и къ себѣ ихъ не приглашаю. Правило мое швердо: дѣлай добро всѣмъ, но води знакомство съ равными себѣ. А какъ я, по знатности рода, по богатству и по воспитанію, сколько жъ превосхожу каждого изъ нихъ, сколько превосходить меня какой нибудь владѣтельный Принцъ, шо мое присушество въ мирныхъ — по швоему — ихъ хижинахъ произвело бы одно опягощеніе. Эшо говорю я по опыту. Въ прежнее время, когда былъ я помоложе, шо большею частію проживалъ въ городѣ; когда же уединялся сюда для успокоенія, шо сосѣдніе и даже дальніе дворяне напереывъ желали меня у себя видѣть. Почему жъ не шакъ, думалъ я, и охотно посѣщалъ каждого приглашавшаго. Чшо жъ

узналъ послѣ? Изъ добродушія ли и гостепріимства, сполько общихъ людямъ сего края, или изъ шщеславія, споль общаго всѣмъ необразованнымъ дворянамъ, не исключая ни одного, ибо, какъ злые духи изгоняются изъ людей сполько постомъ и молитвою, такъ глупая надменность изгоняется изъ дворянъ однимъ просвѣщеніемъ,—всякой изъ здѣшнихъ пановъ принималъ и угощалъ меня выше своего состоянія. Иной, готовясь угостить меня по надлежащему, продавалъ въ городѣ мѣсячный запасъ, дабы имѣть на сполѣ нѣсколько бупылокъ дурнаго вина, какое и слугамъ мсимъ вкуснымъ не покажется. Иной на счепъ пары, двухъ или прехъ паръ воловъ, споль необходимыхъ для его жизни, одѣвалъ себя, жену, сыновей, дочерей и весь свой штапъ по городскому, хопя эша городская одежда дѣлала ихъ шупами и шупихами. Узнавъ о семъ, я не могъ не пожалѣть о бѣдныхъ людяхъ, и провѣдавъ, чего кому споили дѣланые для меня банкеты, подъ разными благоприспѣйными видами возвратилъ

каждому впрое, но съ шѣмъ вмѣспѣ по-
ложилъ правиломъ—не слушашъ болѣе ни-
какихъ приглашеній. Эпо однакожъ не опъ
скупоспи, и будшобы мнѣ жалко, что до-
рого плашилъ за праздники; нѣшъ, изба-
ви Богъ! только жаль было видѣшъ ихъ въ
шой, шакъ сказашъ, связанпоспи, въ ка-
кую приводишъ ихъ всякой взоръ мой,
всякое слово. И шеперь, по писмен-
нымъ приглашеніямъ, ибо въ личныхъ я
опказалъ начиспо, — и шеперь я весьма
часто дѣлаюсь кумомъ, посаженнымъ опъ-
цомъ, и чѣмъ кому угодно, только они
самого меня никогда не видяшъ. Другъ
мой Кассіанъ, а иногда и Трофимъ, смонря
по лицу приглашающаго, берутъ прилич-
ные подарки, и опправляюшъ званія, ка-
кихъ опъ меня пребывали. Они веселяшъ-
ся по своему, и кто изъ нихъ поумнѣе,
шопъ вѣрно благодаришъ меня, что опъ-
рекса бышъ учаспиникомъ въ ихъ весель-
яхъ. Доволенъ ли шы моимъ опвѣшомъ?

Совершенно, опвѣчалъ Ариспионъ, и я
изъ этихъ поступковъ вашихъ опкрываю
новую черту пѣжной заботливости о бла-

гополучіи всѣхъ, васъ окружающихъ. — Но мнѣ хотѣлось бы также знать, по чему вы, для сосѣдней помѣщицы, Зинаиды, дѣлаете исключеніе изъ сего правила, хошя и она не болѣе, какъ прѣстная, деревенская дворянка, подобная прочимъ, малопомѣстнымъ? — Совсѣмъ нѣтъ! Ея воспитаніе, ея правила, ея чувства, ея обхожденіе, покажутъ ее достойною блестящаго круга столицы; а ея чистосердечіе, справедливостъ, вкусъ, дѣлаютъ ее самою любезною женщиною. Приходъ въ домъ ея не производитъ въ немъ ни какой перемѣны, никакой остановки. Если она, или милая дочь ея, при появленіи моемъ занимались шитьемъ, или чѣмъ другимъ, то онѣ, оставляя все на своемъ мѣстѣ, бросающся ко мнѣ на встрѣчу, нимало не заботясь, что я скажу о ихъ занятіяхъ и объ успѣхахъ. Придши въ ихъ домикъ, значить: изъ этого большаго дома, въ хорошую погоду, для перемѣны воздуха, пойми въ бесѣдку моего сада. Ты узнаешь на опытъ, справедливо ли описываю тебѣ Зинаиду, ибо, если по насшу-

пленіи будущей весны наши господа ученые увѣряютъ меня, что наставленія ихъ болѣе уже тебѣ не нужны, или по крайней мѣрѣ, что ты по проложенному ими пути можешь уже самъ мало-по-малу приближаться къ своей цѣли, т. е. къ образованію ума и удобренію сердца, то я познакомлю тебя съ Зинаидою, и крѣпко увѣренъ, что, при самомъ началѣ обращенія съ нею, ты будешь удивляться, какъ могъ поработить себя суешнымъ увеселеніямъ, господствующимъ въ общесѣвахъ споллицы.

Сказавъ сіи слова, Горгоній удалился въ свой кабинетъ; ученые, дабы удобнѣе рѣшить свой споръ о Лейбницевыхъ монадахъ и Декартовыхъ вихряхъ, ушли въ нижнее жилье, а Кассіанъ съ Аристіономъ уединились въ маленькій домикъ, гдѣ цѣлый вечеръ провели въ чтеніи лучшихъ сочиненій, бесѣдуя о способахъ, коими творцы оныхъ достигли своей великости, и прославляя опечество, прославили себя.

ГЛАВА XXXVII.

ВЕСНА ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Наконецъ паспустилъ споль желанный
Апрѣль мѣсяць, и природа явилась снова
въ одеждѣ сельской невѣсмы; луга начали
опушаться изумрудною правою, изпещря-
емою безчисленнымъ множествомъ цвѣ-
повъ; на деревьяхъ показались молодые,
свѣжіе листья, и на вѣтвяхъ ихъ разда-
лось пѣніе пѣвцовъ воздушныхъ. Юное,
благошворное солнце разлило жизнь и ра-
дость повсюду, куда доспигали только
блещащіе лучи его. Крошкѣй вѣперъ, по-
мавая легкими крыльями между небомъ и
землею, возвращалъ всюду здравіе и удо-
вольствіе. Взоры Аристіона, разсмапри-
вая прелести сельской природы, въ пер-
вый разъ увидѣли шу благоспѣ, шу лю-
бовь мироздашеля, шу гармонію, шу совер-
шенство, которыя можно только чувство-

ваиль, только удивляясь и благоговѣшь предъ нѣмъ, копорый изъ одной опеческой любви дароваль дѣшямъ своимъ сполько способовъ на блаженство, дѣшамъ, часпо неблагодарнымъ, недоспойнымъ освѣщаются лучами его солнца, освѣжаются волнами его воздуха. — Сердце Аристіона препешало радостью, чистымъ воспергомъ, и во взорахъ его плавало невинное наслажденіе.

Теперь - шо поняль онъ, или, вѣрнѣс, почувсшвоваль, что для невѣжды, хошя бы даже съ добрымъ опъ природы сердцемъ, природа такъ скупа, что не выкажешъ ему и половины своихъ прелеспей, слѣдсшвенно онъ и въ половину не можешъ чувсшбовать шого наслажденія, какое предосшавлено просвѣщенному человѣку.

Дабы пользовашься временемъ, шо Касіанъ почти каждое ушро, часа за два до начашія учебныхъ бесѣдъ, уходилъ съ Аристіономъ въ поле, въ лѣсъ или лугъ, и они, вдыхая въ себя пишательныя испаренія растений, примѣшшо чувсшвовали облегченіе въ груди, свѣжешъ въ головѣ.

опраду въ сердцѣ. Съ какимъ удовольствіемъ, съ какою готовностію вступалъ онъ послѣ такихъ прогулокъ въ учебную комнату своего благодѣтеля, и слушалъ умствованія педагоговъ. Нерѣдко также по окончаніи уроковъ онъ предсказывалъ на судъ ученыхъ мысли свои, изложенныя на бумагѣ, въ стихахъ и прозѣ. Въ эпихъ малыхъ опривкахъ прославлялъ онъ блаженство мудраго, опрешагося опъ суешъ превращаго свѣта, и въ пишинѣ сердца посвятившаго дни свои благошворенію. Ученые кое-что утверждали, иное опровергали, сокращали, дополняли, какъ водился; Горгоній ласково улыбался, Касіанъ билъ въ ладоши.

Въ 15 день Апрѣля, какъ упомянуто выше,—когда Аристѣонъ поздравлялъ Горгонія съ праздникомъ, сей послѣдній сказалъ: господа ученые приказали тебѣ кланяться, и просили не забыватьъ насъ навлеченій, ими преподаваемыхъ. Общественныя дѣла, а думаю болѣе желаніе—наступающіе дни пасхи проведши въ кругу семействъ своихъ, ускорили опѣздъ ихъ опсюда.

Я наградила усердіе ихъ по возможности, а они, въ знакъ признательности, оставили въ пользу твою кучу бумагъ, въ коихъ заключающіяся списки, выписки и записки о твоихъ занятіяхъ, какія они здѣсь имѣли. Прошу не пренебрегать такимъ подаркомъ, ибо многоопытный ученый могъ на одной четверткѣ помѣстивъ въ кратцѣ то, для пріобрѣтенія чего ты долженъ прочесть иногда многія толстыя книги.— Съ этого часа, любезный Аристіонъ, препровожденіе времени ввѣряется твоему благоразумію. Ты знаешь, какъ оно дорого; быспро летишь, и никогда не возвращается. Чшобы тебя не запрудняли, я прикажу нужные тебѣ математическіе и другіе инструменты, равно ландкарты и проч., перенести въ твою учебную комнату.

=

ГЛАВА XXXVIII.

ЛѢТА ГЛУБОКОМЫСЛІЯ.

—

Теперь къ унѣшенію нашего сердца видимъ, что Аристіонъ въ споль недолгое время сдѣлался прошивъ прежняго совѣмъ другимъ человекомъ. Необузданный нравъ его укротился; пылкое воображеніе начало познавать предѣлы своему паренію; заблуждавшійся разумъ началъ находить истинную дорогу. Часто удивлялся онъ, даже не понималъ, какъ могъ оспаться живъ, ведя такую глупую жизнь, какую велъ въ сполницѣ, и даже находилъ въ ней нѣкоторыя пріятности.

Получивъ отъ благодѣтеля позволеніе поступать по своей волѣ, онъ старался не употребить во зло сего дара. Онъ читалъ, писалъ, разсуждалъ, прогуливался, когда ему приходила охота. Кассіанъ очень часто, а Горгоній изрѣдка его посѣщали. Однако жъ, какъ ни умны, какъ ни пріятны

были ихъ разговоры, но Аріспіону, хотя и не совсѣмъ къспати, приходила въ голову мысль о Людмилѣ, и ему казалось, что въ ея присутствіи онъ охотнѣе бы углублялся въ разсмаприваніе красотъ природы, и съ большимъ успѣхомъ слушалъ мудрыя рѣчи друзей своихъ о всеобщемъ согласіи въ мірѣ, и о верховномъ благѣ. — Всѣ окружающіе молодаго человѣка замѣтили, что ему наконецъ спановишся скучно, а гдѣ поселится скука, тамъ выпѣсняетъ она всякую радость, оппнимаетъ большую половину жизни, и превращаетъ человѣка—если не въ камень, то по крайней мѣрѣ въ распеніе. Пламень, въ глазахъ его блискавшій, началъ тухнуть; румянецъ, разцвѣтавшій на щекахъ его, спалъ блекнуть, а ескорѣ и совсѣмъ исчезъ. Онъ вздыхалъ сначала самъ про себя, потомъ при своемъ Макарьѣ, послѣ не могъ уже удержапьяся при Кассіанѣ и Горгоніѣ, и наконецъ Макарь—съ таинственпымъ видомъ—повѣдалъ послѣднему, что молодой его господинъ не рѣдко сѣвши у окна въ своей спальнѣ при вечерней зарѣ,

въ томъ же положеніи встрѣчалъ упренною, и восходящее солнце освѣщало его слезы. — Это не шутка, милоспивый государь, продолжалъ Макаръ; такое глубококомысліе въ двадцашипяти-лѣпнемъ чловѣкѣ можешъ имѣшъ опасныя послѣдствія. — Не печалься спарикъ, отвѣчалъ Горгоній такъ же таинспвенно; такое глубококомысліе только и бываешъ въ чловѣкѣ опъ 20 до 25 лѣшъ; въ 30 лѣшъ оно случается рѣдко, а въ сорокъ никогда; въ пропивномъ случаѣ, оно носимъ тогда наименованіе дурачеспва. Дозволяю тебѣ дѣлашъ замѣчанія о поведеніи Ариспіона; но только запрещаю сообщашъ ему свои о томъ мысли. Я надѣюсь, что онъ скоро глубококомысліе свое кинешъ, занявшисъ другими предметами.

=

ГЛАВА XXXIX.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ БУДНИ.

Въ первое утро послѣ сего разговора, Кассіанъ, одѣтый по дорожному, съ ружьемъ въ рукѣ, вошедъ къ молодому другу, сказалъ весело: не хочешь ли быть мнѣ товарищемъ? Я доказалъ Горгонію, что намѣреніе его—не посѣщать своихъ сосѣдей, и не принимаятъ отъ нихъ посѣщеній, можешь быть хорошо для него, а не для тебя. Если судьба расположитъ, что ты проживешь здѣсь довольно долго, то необходимо будетъ для тебя знать, хотя вскользь, какіе люди тебя окружаютъ. Сверхъ того, они, совершенно тебя не зная, ни мало не будутъ чиниться, ко мнѣ же давно привыкли, и иные считаютъ меня дальнимъ, бѣднымъ родственникомъ Горгонія, живущимъ у него изъ милосердія, другіе управителемъ, невыказывающимъ сво-

его званія, а шрепіе забавникомъ, состоящимъ въ особенной довѣренности. И такъ, если ты не полѣнишься по моему вооружиться, то мы проведемъ утро въ полѣ или въ лѣсу, а опдыхать зайдемъ къ одному изъ благородныхъ нашихъ сосѣдей, къ кому будетъ ближе. Разумѣешься, что наслоящее имя твоей фамиліи должно быть для нихъ неизвѣстно, — ты вездѣ принявъ будешь, если бы это понадобилось, — ну пусть хоть за моего племянника. Но какъ въ дальнихъ прогулкахъ могутъ вспрѣшиться разные случаи, при коихъ понадобится деньги, то Горгоній даришь тебѣ эпомъ кошелекъ съ серебромъ и золотомъ, которыми можешь располагать какъ хочешь.

Легко догадаться, съ какимъ удовольствіемъ Аристіонъ принялъ предложеніе къ путешествію, не долго упрямился принявъ деньги, одѣлся, какъ новый Адонисъ, и оба пустились въ путь.

До полудня бродили они по полю, по лѣсу, по топямъ и буеракамъ, но по пустому, ибо кромѣ жаворонковъ, перепелокъ,

дроздовъ и другой мелочи, ничего не видали; однако успали и опощали. — Видишь ли — сказала Кассіанъ — въ полверснѣ отсюда перелѣсокъ? Тамъ-то отдохнемъ мы, и чѣмъ нибудь утолимъ голодъ и жажду! — Но я тамъ ничего не вижу, кромѣ дикихъ деревьевъ. — Подойдемъ ближе. — И въ самомъ дѣлѣ, когда они прошли подальше, то Аристіонъ увидѣлъ довольно широкой и довольно глубокой оврагъ, по длинѣ своей спановившійся все шире и шире, и оканчивающійся проспраннымъ лугомъ. У снѣнъ сего оврага къ концу расположено было до десяти избъ, а впереди господской домъ, оплывавшійся отъ прочихъ деревянными снѣнами. — Прекрасное мѣстоположеніе! сказалъ Аристіонъ. — Для лѣта, отпѣчалъ его товарищъ; однако здѣсь и зимой покойно.

Когда сходили они по дорогѣ въ низъ оврага, то слухъ ихъ неожиданно пораженъ былъ музыкой и пѣніемъ. Сопедъ въ низъ, они увидѣли на проспранной лужайкѣ, осѣняемой липами, ивами и мелкимъ осинникомъ, слѣдующее зрѣлище:

нѣсколько стариковъ съ трубками въ зубахъ, лежали подъ деревьями, и были, по видимому, полны Бахуса. По срединѣ стояли два мужика, и изо всѣхъ силъ оплечались—одинъ на гудкѣ, другой на волинкѣ. Вокругъ ихъ нѣсколько молодыхъ бабъ, дѣвокъ, парней и мальчиковъ, производили пляску; каршину оканчивали спарухи, сидѣвшія поодаль, и нещадно завывавшія.

Что за праздникъ? спросилъ Аристіонъ. — У людей никакого, отвѣчалъ Кассіанъ; но можетъ быть панъ Сильвестръ исправляетъ чьи нибудь именины, или день рожденія. Пойдемъ далѣе, и посмѣримъ.

=

ГЛАВА XL.

ОХОТНИКЪ.

—

Они прошли господскій дворъ, и вошли въ домъ, но никого не видали; прошли сѣни—по же; а вступя въ споловую, увидѣли пожилую, печальную женщину, сидѣвшую въ углу подгорюнясь; передъ нею спояла дѣвушка лѣтъ пятнадцати, и о чемъ-то просила. Примѣшивъ госпей, та и другая вспревожились, замешались въ разныя спороны, и только слышны были слова: ахъ, бапюшки! ахъ, машушки! возможно ли? вопъ тебѣ и на!

Кассіанъ со всегдашнимъ добродушіемъ опрекомендовалъ хозяйкамъ своего племянника, и когда попросилъ позволенія опдохнуть, то онѣ обѣ мигомъ, не сказавъ ни слова, бросились изъ комнапы. — Чпо это значить? Это знакъ особенной учпи-воспи, показывающій гошовность къ услу-

гамъ.—Черезъ нѣсколько минушъ онѣ явились, накрыли столъ, поставили вишневки, палашиковъ, яицъ, хлѣба и соли, и кланаясь низко, просили кушашъ.—Госпи не заспавили себя проситъ больше, съ удовольствіемъ подкрѣпили силы, и тогда Кассіанъ спросилъ: гдѣ же панъ Сильвесиръ, и что у нихъ за праздникъ? — Мужъ мой — опвѣчала хозяйка — и теперь шамъ же, гдѣ всегда бываешъ; а праздникъ такой, какой здѣсь почти каждый день случается! — Что это значитъ? — Если угодно, я удовлетворю вашему любопытству.—Послѣ сего она начала говорить:

«Лѣтъ тому двадцать пять, какъ, по смерти отца, спалась я съ матерью въ этомъ хуторѣ, брашневъ и сесиръ у меня не было, и потому во всемъ околоткѣ я считалась не худою невѣстой. Крестьяне наши были честные, трудолюбивые люди, а потому были зажиточны. Многіе хорошіе, все чиновные женихи, за меня сватались, какъ явился Сильвесиръ, и также посватался. Онъ былъ въ описавкѣ Поручикъ. Когда мать моя и я объ этомъ

женихъ поссвѣдомились, то узнали, что онъ презвой жизни, не каршежникъ, не скаръ, здоровъ, видѣнъ собою: чего жъ болѣе? Вскорѣ я сдѣлалась его женою, и вскорѣ увидѣла, что онъ спрасный охотникъ ходишь съ ружьемъ за дичью. Это не бѣда, думала я: многіе и богатые дворяне не меньше его до дичины охотники: анъ вышло напрошивъ. Мать моя вскорѣ умерла, я хозяйничать не умѣла, мужъ всякой разъ въ лѣсу, или въ полѣ, и часпо по нѣскольку дней сряду. Кресныяне наши, видя, что за ними смотрѣшь нѣкому, мало - по - малу начали приспращаться къ лѣноспу, къ пьянству, къ игрищамъ, къ безчинству всякаго рода. Мужъ мой, будучи худой хозяинъ, сдѣлался спрогимъ судьею. За всякой проступокъ онъ неупустыпительно наказывалъ; но пользы не было нисколько. Всякой разъ, когда замѣтивъ по сборамъ господина, что онъ снаряжается на охоту на нѣсколько дней, то это у нихъ предпразднество; только онъ въ лѣсѣ, а они съ поля въ шинокъ, ошпуда домой, и начинають наспоющій

праздникъ. Сперва они пропраздничали все, что находили въ своихъ хашахъ; когда жъ у нихъ не спало ни курицы, то начали красъ, прежде въ сосѣднихъ хуторахъ, потомъ другъ у друга, а наконецъ у помещика, гдѣ было удобнѣе. Между тѣмъ у меня родились и выросли два сына и одна дочь. Старшій сынъ любилъ сидѣть дома, занимался хозяйствомъ, хожденіемъ за садомъ, за пчельникомъ, и отецъ не влюбилъ его. Онъ съ радостью мужика своего — такъ обыкновенно называлъ онъ сына — оппустилъ въ армію, и мы десятильетъ уже не имѣемъ о немъ никакого слуха. Другой сынъ мой весь въ отца: лѣнивый, грубіянь, охотникъ шашаться по лѣсамъ и болопамъ, и теперь двадцати двухъ лѣтъ не знаетъ грамоты. Когда я этимъ упрекаю своего старика, то всегдашняя его отвѣтка: сыну моему не бытъ попомъ! у него есть крестьяне! А того не подумаешь, что когда у крестьянъ нѣтъ ничего, то и помещикъ ничего не споитъ.

Едва она выговорила послѣднія слова,

какъ на дворѣ раздался ужасный вопль, спонъ, рыданіе. Всѣ бросились къ окну, и хозяйка воскликнула: ну, вотъ и мужъ мой съ сыномъ принялись за хозяйство!— И въ самомъ дѣлѣ, Кассіанъ и Аристѣонъ увидѣли двухъ мужчинъ, одѣтыхъ по казацки, вооруженныхъ между прочимъ предлинными батогами, * коими они спегали бѣдныхъ креспыянъ и креспынокъ, по чему ни попало. Разогнавъ такимъ образомъ толпу празднующихъ, они вошли въ домъ, продолжая угрозы и брани: но едва увидѣли госпѣй, по осполбенѣли, и сынъ въ шопъ же мигъ ускакалъ вонъ.— Хозяинъ, изгибаясь предъ Кассіаномъ, произнесъ: проспише, государь мой, если эпа глупая жена моя не по доспоинству угощила такихъ господъ, какъ вы. Вотъ сущая бѣда моя! Когда я дома, шолько и порядка; едва же для забавы оплучусь на день или на два, такъ все вверхъ дномъ.— На вашемъ мѣспѣ, опвѣчалъ Кассіанъ,

* Длинная веревчатая плеть, кою погопяютъ воловъ.

я ни ногой бы не вышелъ. — Ахъ, государь мой! что мнѣ дѣлать? возразилъ панъ Сильвестръ; неужели опъ скуки зазвать къ себѣ дьячковъ, и пѣшь съ ними спихеры? — Гораздо было бы полезнѣе! — Но я опвыкъ уже и опъ чпенія. — Однако жъ вы не опвыкли опъ ѣды и пипья, а не хоппше присмотрѣшь за хозяйствомъ.

Кассіанъ собрался идти съ поварихомъ, и хозяинъ никакъ не могъ упрости его пообождашь, пока изжарится пара дупельшннеповъ, о чемъ онъ самолично поспраешся. — Они вышли, и Сильвестръ далеко провожалъ ихъ глазами, не понимая, какъ можно опказапсья опъ шакого лесшнаго предложенія.

ГЛАВА ХІІ.

НАБЛЮДАТЕЛИ.

Что скажешь о сихъ людяхъ, спросилъ Кассіанъ поварища, когда они выбрались изъ оврага, и владѣніе пана Сильвесшра скрылось. — Мнѣ жаль жены, опвѣчалъ сей, копорая, кажется, добрая, простая женщина, и дочери, двѣ девушки невинной и довольно миловидной. Что жъ касается до отца и сына, то кажется, болѣе было бы отечеству пользы, чѣмъ потери, если бы ихъ посласть въ Тобольскую или Томскую губерніи, гдѣ болѣе дичи, чѣмъ въ Украинѣ. — Твоя правда, сказалъ спарикъ: они оба показываютъ себѣ, что значить дворянинъ—безъ приличнаго образованія. Это дикой звѣрь, который готовъ перзать себѣ подобныхъ, если ихъ сильнѣе; помочь же имъ въ чемъ нибудь, онъ и не умѣетъ и не хочетъ, и есть истинное бремя на

Земномъ шарѣ, еспѣ гнусный вередъ, заражающій все общественное шѣло, еспѣ ядовитое живошное, оскверняющее все, къ чему ни прикоснешся.

Въ такихъ и сему подобныхъ разговорахъ дошли они до своего дома, и Аристѣонъ, входя въ вороша, сказалъ съ жаромъ: если бы когда нибудь родилась во мнѣ мысль бышъ сколько нибудь подобнымъ пану Сильвеспру, то я достоинъ, чшобы первой ударъ грома раздробилъ сосшавъ мой.

Когда они рассказали Горгонію о слышанномъ и видѣнномъ, то сей, улыбнувшись по обыкновенію, ошвѣчалъ: я Сильвеспра знаю! Онъ очень глупъ, но не золь; авось время и его исправитъ.

Аристѣону такъ занимашельно показалось это посѣщеніе, что онъ просилъ позволенія обойши всѣхъ своихъ сосѣдей. — Я очень согласенъ, ошвѣчалъ Горгоній, ибо увѣренъ, что если ты сего-дня не только смотрѣлъ, но и видѣлъ, не только слушалъ, но и слышалъ, то все видѣнное и слышанное оставишь на-долго, и

даже навсѣгда такія впечатлѣнія, какія не всегда рождаются и хорошая проповѣдь. Примѣры, хорошо разсмотрѣнные, обстоятельство соображенные, и предугаданные послѣдствия, рождаютъ въ душѣ нашей впечатлѣнія или горестныя, или сладкія, и заставляющъ насъ умудряться глупостію другихъ, глупостію — рано или поздно, больше или меньше, но всегда наказанною!

Такимъ образомъ друзья наши рѣшились бытъ наблюдателями всего, что совершится наблюденія.

На претіи день — это былъ воскресный — Кассіанъ съ своимъ другомъ пустились въ путь, искавъ не столько дичи, сколько приключеній; однако на сей разъ выходъ ихъ былъ удачнѣе, чѣмъ въ прежній. Аристіону удалось заспрълить зайца, а Кассіану пару куропапокъ. — Около того времени, когда благочестивые Христіане отправляются въ храмъ на молитву Господу Богу, имъ случилось идти недалеко отъ владѣнія пана Тараха. Кассіанъ сказалъ: сего-дня къ обѣду я по-

веду тебя къ пану Тараху. Это примѣрной мужъ въ скромности и хозяйствѣ, и на знакома нашего, пана Сильвестра, совсѣмъ не походишь. Но какъ можешь случиться, что онъ въ оплукѣ, а при томъ еще рано думать объ обѣдѣ, то пойдемъ къ корчмѣ, которая въ верспѣ опсюда на большой дорогѣ, велимъ изжарить куропапокъ, изгоповить яичницу и еще кое-что, съ зайцомъ же пойдемъ далѣе, не добудемъ ли еще чего нибудь въ наши охотничьи сумки.

Идучи далѣе, они встрѣчены были толпою людей обоего пола, которые выходили съ панскаго двора, казались сердитыми, и довольно громко кого-то рекомендовали чорту. — Здоровъ ли панъ Тарахъ? спросилъ Кассіанъ. — Кой врагъ ему дѣлается, отвѣчалъ спарый крестьянинъ: смерть бѣгаетъ за нимъ, какъ дьяволъ за душою грѣшника: но панъ Тарахъ и опъ сапаны умѣетъ оборониться.

Кассіанъ и Аристіонъ дошли до корчмы, заказали условленный обѣдъ, и пробывъ въ полѣ до обѣденной поры, безъ всякой

впрочемъ удачи, пуспились къ жилищу пана Тараха.

=

ГЛАВА XLII.

БЕРЕЖЛИВЫЙ.

—

Когда наши охотники вошли въ домъ, то босой, въ лохмотьяхъ, малой ихъ вспрѣшилъ, и ввелъ въ комнату къ хозяевамъ. Блѣдный, изсохшій, съ пусклыми взорами старикъ сидѣлъ на скамейкѣ у непокрытаго запачканнаго стола. Предъ нимъ стояла миса яшной кашицы, въ которую онъ наливалъ по каплямъ льняное масло. Подлѣ него сидѣла такая жъ старуха и считала капли. Когда она произнесла охриплымъ голосомъ: десять! рука у старца вздрогнула, остановилась, и банка съ мас-

ломъ поставлена на споль. Тупъ хозяева примѣшили госпей, вспали, и наговоривъ кучу деревенскихъ учпивоспей, просили раздѣлить умѣренную прапезу. — Я весьма не домогаю, сказалъ плачевно Тарахъ, и лекарь совѣтуешъ держать діешу. — Однако жъ, замѣшилъ Кассіанъ ласково, можно наблюдать діешу, но не умерщвлять себя пуспояденіемъ.

Едва онъ кончилъ эти слова, какъ дрожки на дворъ застучали, и въ минушу вскочилъ въ комнату лекарь. Онъ узналъ Кассіана, почтительно поклонился, и обращаясь къ больному, сказалъ съ досадою: что это вы дѣлаете? — Подкрѣпляю нѣлесныя силы, отвѣчалъ сей; говоряшъ, что яшная кашица есть пишательная пища. — И дубовые жолуди, прервалъ лекарь, для нѣкоторыхъ живошныхъ очень пишательны! Не я ли предписывалъ вамъ упопрелять похлебку съ курицею, а вмѣсто десерта печеные или вареные яблоки? — Курицу? Яблоки? подхватила хозяйка, выпуча глаза: да знаете ли, сударь, что въ городъ самая плохая курица продается по

10 коп., а десятокъ яблоковъ не менѣе 3 копѣекъ. Не прикажете ли еще изгопировать яичницу? — О, прервалъ съ досадою лекарь, и вынувъ изъ кармана склянку съ лекарствомъ, поставилъ на столъ; когда ведете вы такой расчетъ, то я отказываюсь васъ пользоваться. — И такъ не много пользы, сказала со вздохомъ хозяйка; бѣдняжка выпилъ уже двѣ такія склянки, а ни чуть не шверже на ногахъ. — Онъ бы еще и ничего не ѣлъ, возразилъ лекарь съ язвительною усмѣшкою, оборотясь къ Кассіану. — Ёда ничего не поможетъ, отвѣчала старуха со вздохомъ.

По крайней мѣрѣ — сказалъ лекарь, — подвигая къ больному свою склянку съ целебнымъ питьемъ, заплашите только за три мои пріѣзда и за три склянки элексира! — Какъ? вскричалъ Тарахъ голосомъ здороваго, разсерженнаго дворянина: съ васъ не довольно присланныхъ осьменя четверика овса, и столько же гречневой муки; третья склянка передъ вами, а пріѣздъ безъ леченія есть только про-

гулка, за копорую плашишь грѣшно, да и требовать этого стыдно.

Тутъ Тарахъ оподвинулъ опъ себя роковую склянку, но, вѣроянно, опъ нешвердоспи руки, такъ неоспорожно, что она покашилась по сполу, со спола на полъ, и разбилась на часпи.

Охъ! Ахъ! Охъ! вскричали вмѣспѣ, и лекарь, и больной и его супруга. — Нѣчего дѣлашь, спарый хрычъ, сказала послѣдняя, грѣхъ тебѣ попущалъ; надобно за лекарсиво заплашишь. Извольте, сударь, я при первомъ случаѣ пришлю вамъ добрую мѣрку гороху, и мы квиты. — Съ шѣмъ еще, сказалъ лекарь, что хопя бы глаза у васъ подвело къ самому запылку, то ко мнѣ уже не присылашь. — Онъ раскланялся, и потчасъ вышелъ.

Не тысячу ли разъ я тебѣ, спарый дуралей, сказывала, возопила старуха къ мужу, чтобы ты не знакомился съ безбожными лекарями. Они вороваше цыганъ, и лукавше жидовъ! — Эпихъ по крайней мѣрѣ за выманиваніе денегъ можно побить, а къ шѣмъ и приступишься нельзя.

—Слыхано ли? Недужному чловѣку жрать курицу, прескапъ яблоки! Да эшо и не увидишь, какъ пойдешь по міру!

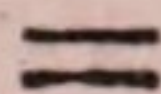
Она задыхалась опъ гнѣва, а мужъ со всѣхъ силъ попкалъ ей, какъ вдругъ вбѣжала высокая дѣвка лѣпъ 20-пи босикомъ, въ байковой юбкѣ. Бапюшка! вскричала она, дочь пкача, Марфушка, въ числѣ 10-пи яицъ принесла 5-шь попорченныхъ! — Охъ, бѣда, сказалъ со спономъ Тарахъ: вошъ чшо значишь бышь больнымъ!—Такъ я, слава Богу, здорова, возопила жена; и во-первыхъ выщиплю ей косы, а во-вторыхъ велю принести 5 свѣжихъ яицъ. Она топчасъ скрылась и съ дочерью.

Тарахъ, осшавшись одинъ съ госпми, началъ прельщать ихъ снова кашицею; но Кассіанъ опказался, примолвя: можешь бышь, судя по роду болѣзни, вамъ и въ самомъ дѣлѣ вредно ѣспъ вареную курицу; такъ вошъ примите опъ насъ въ подарокъ зайца, только лишь заспрѣленнаго. Легкая дичь не опасна и въ большихъ болѣзняхъ.

Тарахъ съ душевною благодарностью

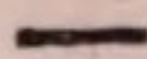

принялъ предлагаемое. — Неизвѣстно, кто больше чувствовалъ удовольствія, онъ ли, провожая ихъ глазами изъ дому, или они, идучи опшуда не оглядываясь.

ГЛАВА XLIII.

СУДЫ БОЖІИ НЕИСПОВѢДИМЫ.

Вопиъ скарעדъ, сказалъ Аристіонъ, вышедъ за ворота. Несчастный человекъ! О глупой небрежности пана Сильвестра по крайней мѣрѣ пожалѣшь можно; а если бѣ лекарь, вмѣсто своего цѣлебнаго элексира, привезъ къ пану Тараху добрый пріемъ мышьяку, то едва ли бы спонлъ онъ сожалѣнія. Каково его состояніе? — Онъ — опивчалъ Кассіанъ, — едва ли не богаче cadaго изъ своихъ сосѣдей, но духъ раз-

ума Божія къ нему не прикоснулся; надежда сего изувѣра на Промыслъ заключена въ однѣхъ молитвахъ успѣ, безъ участія сердца, и я дѣйствительно считаю его несчастнѣе всѣхъ несчастныхъ, кои осуждены злымъ случаемъ — не жить, а двигаться вокругъ гнуснаго скраги! — Для чего жъ живутъ такіе люди? вскричалъ Аристіонъ съ такимъ чувствомъ, которое доказывало любовь его къ добру общему, а не частному.

Для того, думаю, опивчалъ Кассіанъ, для чего въ пространствахъ воздуха паритъ хищный коршунъ, по землѣ пресмыкается ядовитая ехидна, въ глубинахъ водныхъ плещется крокодилъ и акула, и на прелесныхъ поляхъ, среди розъ и фіалокъ, расцвѣтаетъ смертоносная цикута. Кто собралъ безчисленные кольца опдѣльныхъ частей мірозданія, соединилъ ихъ въ цѣль единую, держитъ ее и двигаетъ, одинъ тотъ разумѣетъ истинную пользу всего сущаго; намъ же остается только — по возможности — разсмотрѣть частицы, насъ самыхъ составляющія, или

ближайшія къ ощущеніямъ душевнымъ и
тѣлеснымъ. — Однако жъ, какъ ни огра-
ниченны наши понятія, мы, мѣряя красо-
ту и пользу въ мірѣ по ощущеніямъ соб-
ственно нашимъ, не много и рѣдко ошиба-
емся въ заключеніяхъ, что хорошо и что
худо. — Я, такъ вѣрю: если хочу быть
доволенъ, веселъ, счастливъ, то непремѣн-
но долженъ разливать довольство, веселіе,
счастіе на всѣхъ тѣхъ, бытіе коихъ нѣ-
которымъ образомъ заключено въ кругъ
моего бытія. Если Провидѣнію угодно
было въ одномъ кругѣ семь заключить
круги тысячи людей, то тѣмъ болѣе
долженъ я дѣйствовать ко благу другихъ.
Конечно, повелитель народа имѣетъ воз-
можность болѣе всѣхъ подвластныхъ его
скипетру разливать вокругъ себя лучи
счастія, но и самый убогій паспухъ не
совсѣмъ лишенъ этого удовольствія, и какъ
ни тѣсенъ кругъ его дѣятельности, но
пока не исключенъ изъ общаго числа зем-
нородныхъ, онъ человекъ, и вмѣстѣ съ
этимъ именемъ, онъ опъ верховной Любви
и Премудрости получаетъ въ наслѣдіе

право—быть для другихъ полезнымъ, быть самому въ себѣ счастливымъ. — Истинная бѣдность, по моему мнѣнію — двоякая: первая, если спраши, порабошивъ себѣ душу, лишили ее свободы дѣйствовать по своей волѣ, дарованной ей Всеблагимъ опцемъ ея; вторая, если пороки, неперпимые въ томъ обществѣ, въ коемъ мы пославлены членами, лишаютъ насъ свободы естественной, и мы бываемъ лишены способвъ дѣйствовать своими тѣлесными органами. Мы тогда презрѣннѣе, бѣднѣе коня и вола, запершихъ въ своихъ стойлахъ и привязанныхъ къ яслямъ. Суди же, какого презрѣнія достойны мы, когда добровольно сами себя лишаемъ свободы, сего небеснаго дара, когда уподобляемся панамъ Сильвестру и Тараху.

ГЛАВА XLIV.

ХРИСТИАНСКІЕ ПОБОРЫ.

Разговаривая такимъ образомъ, приближились они къ жидовской корчмѣ, и какъ день былъ прекрасный, то и вельѣли подашь свой обѣдъ на чистомъ воздухѣ подъ навѣсомъ дома. Къ концу сельской трапезы подѣхалъ мужикъ съ телѣгой, до половины чѣмъ-то наполненной. Онъ посмотрѣлъ на нихъ внимательнѣе, снялъ бриль *, и разгладивъ усы, сказалъ: господа! купите у меня зайца, самого свѣжаго, только-что застрѣленного зайца! — А гдѣ вы взяли его? спросилъ Ариспіонъ: кажется, вы на охотника не походишь. — Гдѣ ни взялъ, а довольно, что продаю; и съ этимъ словомъ мужикъ выпаша-

* Такъ въ Украйнѣ называется шерстяная шляпа.

щилъ изъ шельги зайца, и взявъ за заднія лапы, поднесъ къ нашимъ охотникамъ. — Ба! вскричалъ Аристіонъ, это нашъ знакомецъ, и я утверждаю, что онъ сего-дня заспръленъ мною. Если, другъ, не скажешь правды, какъ эта дичь тебѣ доспалась, то я могу подумать о тебѣ что нибудь не хорошее. — Развѣ надобно, возразилъ продавецъ бодро, чтобы вы знали шеперешнее похождение сего звѣря? — Непремѣнно! — Если такъ, извольте: — около сѣна такихъ Хриспіанъ, какъ я, принадлежимъ пану Тараху. Я не имѣю права сказывать, каковъ онъ въ домашнемъ быту, а скажу только, каковъ онъ къ намъ. Если бы можно было изъ десяти скрягъ слѣпить одного, то вышелъ бы истинный панъ Тарахъ, а супруга его—и того лучше. Не говоря о всѣхъ угнѣщеніяхъ, напаяжкахъ, обидахъ всякаго рода, коими они придавили насъ къ землѣ, такъ, что и людьми назваться не смѣемъ, они подъ конецъ изобрѣли хитроспи, прошивъ коихъ и самъ сатана не остережешся. Челядинцы ихъ состоятъ

изъ парней, у коихъ кромѣ лохмопьевъ на тѣлѣ и отваги на душѣ, ничего не осталось, и дѣвокъ такого жъ покроя. Посредствомъ этихъ слугъ демонскихъ приманиваютъ они нашихъ быковъ, коровъ, овецъ, куръ, гусей и проч. какъ нибудь отвѣдаютъ корма господскаго, а шущь-то они и пиши: пропали. Сверхъ такого случайнаго побору, установлено, чпобы всякой крестьянинъ, крестьянка, мальчикъ, дѣвочка, буде въ праздничный день захопашъ помолишься Богу въ церкви, въ ближнемъ селѣ, которое отсюда видно, то должны прежде придти на господской дворъ, и принести въ даръ: кто курицу, кто утку, кто десятокъ яицъ, мѣрку меду, масла, сыру, словомъ—что на кого возложено панами. По собраніи этой подаши, которую называютъ они христіанскими поборами, позволяющъ уже имъ молиться Богу. По приведеніи всего принесеннаго въ порядокъ, и по надлежащей оцѣнкѣ, очередной крестьянинъ на своей челѣгѣ долженъ эту добычу везти въ ближайшій городъ, въ 20-ши версахъ отсюда, на про-

дажу. Если ему не удастся продать по той цѣнѣ, какая назначена, то долженъ пополнить собственными деньгами, а буде заупрямится, то челядинцы придутъ на его дворъ, и возьмутъ на господина то, что по мѣнѣ ихъ вознаградишь недоимку.

Сего-дня, продолжалъ крестьянинъ, проси Господи, пришелъ мой черный день; и когда я на заднемъ дворѣ укладывалъ въ телѣгу эти христіанскіе поборы, для опвоза въ городъ, вдругъ запыхавшись бѣжишь госпожа, неся на рукахъ этого самого зайца. Вошь еще, сказала она, положивъ его укромно въ телѣгу, вошь свѣжій, жирный заяцъ, который по послѣдней цѣнѣ стоишь не менѣе 20 копѣекъ. Смогри жъ, не оплошай. — Я поѣхалъ, ѣду и теперь, и вы, господа, все знаете, что самъ я знаю. Купите ли у меня этого дорогого звѣрька?

ГЛАВА XLV.

ПАГУБНАЯ ЛЯЧНИЦА.

—
Кассіанъ и Арістіонъ, взглянувъ одинъ на другаго, не могли удержаться отъ смѣха. — Вотъ, что называется, вскричалъ первый, умѣешь жить съ пользою и удовольствіемъ! — И вашъ панъ Тарахъ всегда таковъ? — Одинъ разъ только, опѣчалъ мужикъ, и онъ подвергся грѣхопаденію, за то въ другой и не спешается. Эта бѣда случилась такимъ образомъ: въ одинъ вечеръ, назадъ тому лѣтъ пять, госпожа съ дочерью была въ хлѣву при доеніи коровъ, а господинъ, пришедъ съ поля, сильно проголодался. Ходя изъ комнапы въ комнапу, чтобы найши что нибудь съѣстное, онъ ничего не находилъ, ибо у насъ и годовая корка хлѣба хранилась подъ замкомъ. Однако жъ, на грѣхъ свой, онъ нашель въ углу подъ лавкой

лукошко, а въ немъ куриныя яйца. У него какъ разъ родилась пагубная мысль — опѣдать запрещеннаго. Долго Тарахъ мучился совѣстью, нѣсколько разъ просягивалъ руку къ обольстительному лукошку, и нѣсколько разъ опдергивалъ его назадъ, какъ будто обжегшись. Наконецъ скрѣпилъ сердце, списнулъ зубы, рѣшительно выдвинулъ лукошко, опсчиталъ пять яицъ и опдалъ бывшему съ нимъ парню, Ѳомѣ, приказывая изготовить яичницу. Она въ мигъ поспѣла, принесена и шакже проворно съѣдена. — Но говоришь же нашъ попъ Филимонъ — какъ пайно ни грѣши, а шила въ мѣшкѣ не упайшь, и дѣло, рано или поздно, а всегда выйдешь наружу. Тарахъ во всю ночь не спалъ; сильный попъ лился съ него градомъ; онъ ворочался и тяжело охалъ. Когда госпожа приспала къ нему съ вопросомъ: что съ нимъ сдѣлалось, онъ отвѣчалъ: тошно! Поупру онъ началъ дремать, а госпожа по обыкновенію встала. Не успѣлъ больной совершенно сомкнуть глазъ, какъ по всему дому поднялся шумъ, крикъ, вопль,

хлопанье, спуканье; Тарахъ внимашельно прислушивался; попъ опять показался, сердце въ груди запрепепало. Вскорѣ госпожа вбѣжала съ разпрепанными волосами, осадненными кулаками, съ помутившимися глазами. — Правда ли, вскричала она осиплымъ голосомъ, правда ли, что ты сожралъ яйца?—Тарахъ, вмѣсто отвѣта, укушалъ голову одѣяломъ, и вздыхалъ. — Такъ ты — продолжала она задыхаясь — надѣлалъ эшу сумошоху, прокляпой латкомка, безстыдный прожора? Предавъ его проклятію, она удалилась, и приказала Ѳомѣ, участвовавшему въ грѣхѣ своего господина, сей-часъ пополнить убытокъ. — Съ эшихъ поръ Тарахъ не поддавался уже подобному искушенію. Если случалось, что онъ иногда поговаривалъ о какомъ нибудь кушаньѣ, нѣсколько оипличномъ ошъ ежедневныхъ, то жена проворно его спрашивала: не хочешь ли яичницы? И тогда мигомъ пропадала у него охопа запѣйничашь. — Что же, господа, купите ли моего зайца?

Что у тебя еще есть? спросилъ Ари-
спіонъ, и что все споймъ?

У меня есть, отвѣчалъ мужикъ, три
горшка масла, три горшка сметаны, сош-
ня яицъ, крошня съ двумя десятками цы-
плятъ, кадка сыру и двадцать аршинъ
домашняго холста; а все на все споймъ
при рубли пшдешатъ восемь копѣекъ съ
деньгой. За восемь съ деньгою куплю я
соли, а оспальные долженъ привезти на-
личными. — Тебѣ далеко ѣхать не для
чего, сказалъ Ариспіонъ: я даю тебѣ пять
рублей. Что слѣдуешь, отдай госпожѣ, а
оспальные деньги и припасы возьми себѣ,
и сдѣлай съ ними, что знаешь.

Мужикъ уставилъ большіе глаза на Ари-
спіона, и не двигался съ мѣста. Нако-
нецъ вздохнулъ, положилъ зайца въ пе-
лѣгу и взялся за возжи, чтобы ѣхать да-
лѣе. — Что же ты? спросилъ Ариспіонъ.
— Я не думалъ, отвѣчалъ креспьянинъ,
чтобы вы спали забавляться надъ нашею
бѣдносью. Мнѣ хотѣлось сбыть вамъ од-
ного зайца, ибо знаю, что въ городѣ ни-
кто не заплашишь за него такъ дорого. —

Ты напрасно намъ не довѣряешь, сказалъ Аристіонъ: вспалъ со скамейки, вынулъ изъ кармана кошелекъ, и опсчитавъ пять рублей мелкою серебряною монетою, положилъ ихъ въ шляпу крестьянина.

Когда увѣрился сей въ истинѣ своего счастья, то умильно взглянулъ на Аристіона, и слезы показались на глазахъ его. Онъ молчалъ; но его взоры объясняли такую благодарность, какой не могъ бы выразить словами ни самъ Князь Ш—въ.—И я могу, спросилъ онъ наконецъ, товары продать въ свою пользу? — Тебѣ уже объ этомъ сказано! — Тогда онъ, поднявъ глаза къ небу, произнесъ съ родомъ пѣкопскаго набожнаго воспорга: благодарю Тебя Господи, что не всѣ паны—Тарахи! После сего низко поклонился Аристіону и его поварищу, положилъ шляпу съ деньгами въ шельгу, и поѣхалъ по дорогѣ въ городъ, утирая глаза рукою.

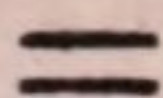
Боже мой! сказалъ Аристіонъ, садясь опять на скамью къ Кассіану: какъ легко доспапочному человѣку разливать вокругъ себя довольство и счастье! — Однако жъ,

возразилъ послѣдній, какъ рѣдко это дѣлается! Ты самъ живалъ въ столицѣ и знаешь, сколь часто какой нибудь богатой повѣса въ одинъ вечеръ сполько промочаетъ на картахъ, на винахъ, на дѣвкахъ, что нѣми деньгами на цѣлую жизнь могъ бы сдѣлать счастливыми цѣлая спод семействъ. — Ариспіонъ покраснѣлся и пошупилъ глаза въ землю; другъ его примѣшилъ это и понялъ причину сей перемѣны, самъ покраснѣлся, и также глаза пошупилъ. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Наконецъ Кассіанъ, взглянувъ на часы, сказалъ: мы пообѣдали сытно, и такъ домой спѣшимъ нѣчего. Еще только два часа. Почтенный другъ мой Горгоній о насъ не обезпокоится, и опобѣдаетъ одинъ, если ужъ не опобѣдалъ. Пойдемъ. Я хочу познакомить тебя съ дворяниномъ, совсѣмъ не похожимъ на Тараха, а сдѣлать заключеніе о родѣ его, жизни и нравахъ предоставляю тебѣ. Предваряю только, что панъ Парамонъ родился отъ достопочнаго опца, довольно времени служилъ въ арміи, и теперь, въ чинѣ Капи-

шана, отдыхаетъ на лаврахъ, переплетенныхъ миртами. Ему около 50 - ти лѣтъ, вдовъ, имѣетъ дочь 18-ти и сына 15-ти лѣтъ, кошорые живутъ при немъ.

ГЛАВА XLVI.

СЕЛЬСКІЯ КАРТИНЫ.

Пробывъ въ дорогѣ около часа, они подошли къ прекрасному лѣсняку дубовому, но только очень рѣдкому, и сквозь просѣки увидѣли по правую руку развалины довольно обширной деревни, а по лѣвую господской домъ, также довольно обширный, и также близкій къ разрушенію. — Едва они вошли въ сей лѣснякъ, какъ цѣлая куча полунагихъ мальчиковъ и дѣвчонокъ бросились къ нимъ въ образѣ ма-

ленькихъ Гарпій. Въ мигъ они окружили пришельцовъ, и подняли такой ужасной вопль, называя ихъ красавчиками, голубчиками, солнышками красными, что у Аристіона зазвенѣло въ ушахъ. Бѣдняжки протягивали руки, дергали обоихъ за полы, падали ницъ, хватались за ноги, и продолжали вопить ужаснымъ образомъ. Аристіонъ, видя, что ни шагу впередъ ступить не можетъ, не зная, сердиться ли ему, или смѣяться. — Что значить эта комедія? спросилъ онъ у поварища. — Это совсѣмъ не походитъ на комедію, отвѣчалъ сей. — Чего они хотятъ? — Милостыни. — Да это въ сей споронѣ неслыханное дѣло! — Ты своими ушами слышишь. — Бѣдныя дѣти! — Очень бѣдны и жалки! — Опъ чего дошли они до сего несчастнаго положенія? — Ихъ до того довели. — Какой извергъ? — Ты скоро это узнаешь. — Мнѣ бы хотѣлось скольконибудь помочь жалкимъ твореніямъ. — Опъ тебя зависишь. — Но мнѣ нѣкогда отдѣлять ихъ, а иначе они передерутся. — Этому пособишь можно. Вошъ шамъ подъ ду-

бомъ спойшъ спарикъ, и печально смош-
ришъ шо на насъ, шо на дѣшей; подзо-
вемъ его.

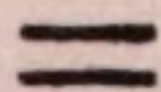
Они дали знакъ спарику, и онъ мед-
ленными шагами приблизился. — Просши-
те, господа, сказалъ онъ, что эши дѣши,
можешъ бышъ, надосадили вамъ своею на-
глосшью. Божусъ Богомъ, една крайносшъ
доводишъ ихъ до шакихъ посшупковъ.
Ахъ, можешъ бышъ, вскорѣ опцы ихъ и
матери принуждены будушъ шо же дѣ-
лашъ. — Мы сожалѣемъ, а не досадуемъ,
сказалъ Ариспiонъ. Вотъ шебъ двадцашъ
рублей. Раздѣли малыя деньги эши, смо-
пря по большей или меньшей нуждѣ каж-
даго семейства. Спарикъ съ благодаренi-
емъ принялъ деньги, дѣши окружили его
съ прощанушыми ручонками, а Кассiанъ
съ своимъ другомъ пошли къ господскому
дому. Ариспiонъ догадался о причинѣ бѣд-
носпи эшихъ жалкихъ людей; сердце его
препешало опъ негодованiя; въ глазахъ
его изображались гнѣвъ и досада. Мол-
ча вступили они на дворъ помѣщичьяго
дома.

Первое зрѣлище, имъ представившееся, было: по срединѣ двора спояли до десяти-ка мальчиковъ, босыхъ, покрытыхъ лохмотьями. Между ими оплечался одинъ своимъ нарядомъ. Хотя и онъ былъ также босъ, но за то въ полосатыхъ шиковыхъ шароварахъ, и въ синей суконной курпкѣ съ мѣталлическими пуговицами.— Сей щеголь споялъ уже нагнувши голову и протянувъ шею. Въ мигъ запачканный мальчишка вскочилъ ему на плеча, и началось торжественное шествіе вдоль двора. Прочіе подняли радостный крикъ и хохоту. — Это первое дѣйствіе будущей комедіи значить, сказалъ Кассіанъ, что господскій сынъ, играя въ городки съ своими челядинцами, проигралъ, и въ наказаніе везетъ на себѣ выигравшаго. — Какая подлость! замѣшилъ Арістѣонъ, и они вошли на крыльцо, а потомъ и въ переднюю. Тамъ молодая, довольно пріятнаго вида дѣвка, также въ полосатой шиковой юбкѣ и синей суконной кофшѣ, въ спарыхъ башмакахъ на босу ногу, сидѣла на скамьѣ, задравши голову и зажмура гла-

за. Изъ шести молодыхъ дѣвокъ, одѣтыхъ по домашнему, ш. е. въ однѣхъ рубашкахъ и плащахъ *, одна держала въ правой рукѣ замасленную карпу, хлопала ею по носу помянутую красавицу, шакъ, что слезы кашились градомъ изъ сомкнутыхъ глазъ ея. — Аристіонъ любопытно взглянулъ на товарища, и сей на ухо сказалъ ему: это второе дѣйствіе комедіи, и представляетъ хозяйскую дочь, окруженную своими наперсницами. Она забавлялась съ ними игрою въ носки, и какъ проиграла, то носъ ея и выдерживаетъ заслуженное наказаніе. — Красавицы эти, стоя спинами къ прищельцамъ, а припомъ въ одинъ голосъ считая разы ударовъ, и не примѣтили, какъ они вошли въ переднюю, и вспутили изъ нея въ госпину.

* Особеннаго покрою шерстяная юбка, употребляемая Малороссіянками.

ГЛАВА XLVІІ

ВЕСЕЛЬЧАКЪ.

—

Тамъ было челоѣкъ слишкомъ десять однихъ мужчинъ. За прѣмя сполами играли въ каршы; на чепверпомъ спояли два огромные горшка, — и какъ по запаху слышно было — съ варенухой *. Табачный дымъ разспилался по комнапѣ, подобно гуспымъ дождевымъ облакамъ. Хохопѣ, крикѣ, удары кулаками или трубками по споламъ, и громкія брани, сопровождаемыя нескромными словами всякаго рода, колебали дымный воздухъ въ комнапѣ. Однако жѣ эта суматоха не помѣшала пирующимъ примѣшпть посѣпипелей. Всѣ быстро поднялись съ мѣспѣ своихъ, и хозя-

* Употребптельное ппше между простолюдинами въ Малороссіи.

инъ, въ халашъ изъ шой же маперіи, изъ какой были шаравары на сынъ, и юбка на дочери, съ огромною дубовою пирубкой въ рукъ, съ кожанымъ табачнымъ мѣшкомъ на поясъ, подбѣжалъ къ Кассіану, и схвативъ его за руку дружелюбно, вскричалъ: добро пожаловать, милоспивецъ! Какъ же я радъ, что вижу васъ въ добромъ здравіи посѣщившаго мою уединенную хижину. Это конечно молодой вашъ пріятель? Прошу сюда въ уголокъ, — подъ образа, на скамеечку. Тутъ вамъ будетъ покойнѣе. — Я надѣюсь, милоспивецъ, что гости мои а они изъ лучшихъ сосѣднихъ дворянъ, не помѣшають вамъ продолженіемъ своей забавы! — Со всѣмъ напрошивъ, ошвѣчалъ Кассіанъ ласково: мы съ ушра на охотѣ, успали, и я, зная ваше гостепріимство, съ намѣреніемъ зашелъ къ вамъ съ пріятелемъ ошдохнуть, и повеселились, глядя на ваше веселье. — Панъ Парамонъ поклонился, подошелъ къ собесѣдникамъ, что-то сказалъ, они опять усѣлись, и поднялась прежняя кутерьма. Между тѣмъ хозяинъ, наливъ двѣ чашки ва-

ренухи, поднесъ новымъ госпямъ, униженно прося выкушашъ на здоровье. Они не оспреклись исполнить его просьбу. Послѣ того онъ подносилъ пирующимъ, и попомъ съ шѣмъ же предложеніемъ обратился опять къ новопришедшимъ. — Нѣшъ, панъ Парамонъ, сказалъ Кассіанъ учпиво: по одной чашкѣ выпили мы съ удовольствіемъ, а болѣе не спанемъ. — А для чего, милоспивецъ? — Для того любезный другъ, чпо чѣмъ больше выпьешь — послѣ одной чарки, шѣмъ меньше оспанеися въ головѣ разсудка. — Позволь поспоришь съ тобой, милоспивецъ; мы высушили уже два такіе горника, два полныхъ споятъ на сполѣ, да два шакихъ же въ печи, и мы до захожденія солнца съ помощью Божіею надѣемся осушить ихъ до дна, не поперявъ разсудка ни на волосъ. — Дай Богъ, сказалъ Кассіанъ: но мы себѣ сполько не довѣряемъ, и больше пипъ не будемъ. — О! опвѣчалъ хозяинъ: когда вы, милоспивецъ, до эшого не охочи, шо я знаю, чѣмъ повеселишь васъ.

Съ сими словами вышелъ онъ изъ ком-

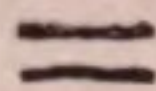
напы, и съ четвѣрть часа не возвращался; однако жъ описуствіе его гостей не тяготило. Каждой поочередно подходилъ къ горшкамъ, и не затрудняя себя пуснымъ Китайскимъ обыкновеніемъ—наливать напитки въ чаши, слѣдовалъ древнему Русскому: бралъ лежавшій пущъ же желѣзный ковшикъ, почерпалъ питье, и не опуская его опъ рта, высувивалъ до дна; послѣ чего садился за столъ, ждалъ опять своей очереди, а очередь эта такъ проворно наспавала, что когда запѣйливый Парамонъ возвратился, и съ улыбкой спиралъ съ лица пощъ носовымъ плашкомъ, то въ горшкахъ не было варенухи ни капли. Подошедъ къ Кассіану съ видомъ самодовольствія, сказалъ: для праздника, и для такихъ дорогихъ гостей я приготоовилъ невинное увеселеніе, которое вы сей-часъ увидите. Жаль только, что не хотите выкушать еще по чашечкѣ. Однако жъ прошу и надѣюсь, что не откажете мнѣ въ этомъ хотѣ на разсѣпанняхъ. — Можеть быть.—О! сказалъ съ добродушіемъ Парамонъ, такъ я съ радости за здравіе

ваше сей-часъ цѣлый ковшъ высушу.— Съ эшимъ словомъ подошелъ онъ къ столу, взялъ ковшъ въ руку, опустилъ въ горшокъ, и раздался глухой звукъ, какой обыкновенно бываетъ при ударѣ желѣзною вещью въ пустой глиняной сосудъ. Парамонъ опустилъ ковшъ въ другой горшокъ: дѣйствіе то же; тогда внимательнымъ окомъ заглянувъ въ оба горшка, распрямился и свиснулъ посвистомъ Соловья разбойника.—Въ мигъ прибѣжали двѣ дѣвки изъ числа игравшихъ въ носки. Парамонъ, молча указалъ чубукомъ на горшки; дѣвки схватили ихъ и унесли, а минушы черезъ двѣ явились съ двумя другими, изъ коихъ столбомъ выходилъ дымъ ароматическій. Онъ подошелъ, почерпнулъ полной ковшъ, поклонился Кассіану, выпилъ его и положилъ на столъ въ верхъ дномъ, въ знакъ, что онъ пусшъ, а это было явнымъ знакомъ радости его о присутствіи столь дорогихъ гостей. Потомъ далъ знакъ одной изъ грацій, сказалъ ей на ухо такъ, что Кассіану и Аристіону до слова слышно было: еще два! понимаешь?

Послѣ сего разумнаго распоряженія сѣлъ онъ на скамѣ, и спокойно продолжалъ курить трубку. Черезъ нѣсколько минулъ панской сынокъ вошелъ съ робостью въ комнату и пошепталъ что-то опцу на ухо. — Тогда сей вскочилъ, и съ самымъ веселымъ видомъ сказалъ Кассіану и Аристіону: прошу, милосивцы, со мною на крыльцо; тамъ увидите вы нѣчто весьма забавное. — Дорогіе гости, прошу и васъ такъ же.

ГЛАВА XLVIII.

ДВОРЯНСКІЯ УВЕСЕЛЕНІЯ ПО ДЕРЕВНЯМЪ.

Вышедъ на крыльцо, и дѣйствительно увидѣли нѣчто очень забавное. — По правую руку стояли три искусника съ сво-

ими орудіями: одинъ—кривой съ гудкомъ, другой—хромой съ волынкою, прешій—горбашой съ цимбалами. По лѣвую съ дюжину парней и столько жъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ. У воропѣ панскаго двора толпилось множество народа обоего пола и разнаго возраста. Какъ скоро госпи усѣлись на скамьяхъ и на сѹпеняхъ, панъ Парамонъ возвысилъ надъ головою своею чубукъ, попірясь имъ проекрашею и вскричалъ: а ну! Въ мигъ загудѣлъ гудокъ, заревѣла волынка, зазвенѣли цимбалы. Плясуны и плясуньи зашевелились, задвигались, запрыгали, — поднялся шанецъ, какого Аріспіонъ ошъ роду не видывалъ, и даже не могъ предсавишь въ воображеніи. Долго крѣпился онъ, но наконецъ не въ силахъ былъ удержапсья, и смѣялся до слезъ ошъ чистаго сердца. Парамонъ по замѣтилъ, самъ разсмѣялся, и спросилъ съ видомъ удовольствія: чшо? не правда ли, чшо весело? — Чрезвычайно, ошвѣчалъ молодой человекъ, упирая слезы, ручьемъ лившіяся изъ глазъ его.

Веселье эшо продолжалось болѣе часа, и

вѣроятно, продлилось бы еще долѣе, но рука у гудочника худо двигалась, у во-лынщика сдѣлалась одышка, у цимбалиспа пальцы одеревенѣли, у плясуновъ и плясуней подгибались колѣна, — надо было остановиться. Хозяинъ приказалъ музыкантамъ и танцорамъ поднести по чаркѣ вина, что шутъ же было исполнено, и они всѣ уплелись со двора, гости опять побрели къ прелестнымъ горшкамъ, а панъ Парамонъ, оставшись одинъ съ Кассіаномъ и его поварцемъ, подсѣлъ къ нимъ, и сказалъ препля себя по брюху: милоспивецъ! люблю жить весело! Что пользы и удовольствія проводишь свое время шакъ, какъ провожаютъ сосѣди мои Сильвестръ и Таракъ? Одинъ, какъ дикой волкъ, рыщешь по полямъ и лѣсамъ, а другой какъ лешучая мышь сидишь въ гнѣздѣ своемъ безвыходно. Да и башька Филимонъ говоришь, что веселые люди менѣе другихъ прогнѣвляють Господа Бога, ибо они или сами въ гостяхъ, или гости у нихъ, и грѣшишь имъ нѣкогда.— Можешь бышь опчаспи, сказалъ Кассіанъ,

твой батъка Филимонъ говоритъ и правду; но извини, любезный другъ, если и я скажу тебѣ также правду. Я увѣренъ, что право быть истинно веселымъ нельзя пріобрѣсти иначе, какъ пріобрѣщеніемъ чистой, покойной совѣсти, которая въ душѣ нашей есть то же, что сердце въ тѣлѣ. До сихъ поръ живешь ты по правиламъ умеренности, здоровая кровь обращается въ жилахъ твоихъ, проходишь каналы сердца, растворяется въ разнородныя жидкости, кои всѣ служатъ къ сохраненію здоровья. Точно въ такомъ отношеніи совѣсть наша къ здоровью души. И такъ панъ Парамонъ, я опъ чистаго сердца поздравляю тебя съ благополучною жизнію, и порадуюсь, если ты увѣришь меня, что совѣсть твоя совершенно спокойна; ибо на сихъ только вѣсахъ привыкъ я вѣсить какъ свое, такъ и ближнихъ моихъ благополучіе.

Парамонъ, приложивъ ко лбу правую руку, нѣсколько времени смотрѣлъ со вниманіемъ на Кассіана. Казалось, онъ искалъ въ головѣ своей приличнаго ошвѣта на

сдѣланную ему задачу: но въ ней было такъ пусто, какъ въ карманахъ стихотворца въ такой области, гдѣ о стихотворствѣ сполько жъ разумѣюшъ, какъ слѣпорожденные о цвѣпахъ и глухіе о звукахъ. — Милоспивецъ! сказалъ онъ наконецъ: въ головѣ у меня много, много, да вонъ нейдешъ, и теперъ я не въ силахъ отвѣчать тебѣ; но — споишь только опорожнишь еще ковшъ варенухи, то увидишь, что я заговорю такъ, какъ никогда не говаривалъ съ каѳедры ни самъ краснотлаголивый Ректоръ городской Семинаріи. — Съ этими словами онъ вспалъ со скамьи и поплелся въ покои.

ГЛАВА XLIX.

СПОСОБЪ ВРАЗУМЛЯТЬСЯ

Вопшъ безумецъ новаго рода, сказалъ Аристіонъ своему другу; онъ на угощенія недостойныхъ пріятелей разпрачивая послѣднія крохи бѣдныхъ крескьянъ, конечно за грѣхи предковъ, подпавшихъ власпи его, можетъ бытъ покоенъ, доволенъ, весель!

Есипъ люди, отвѣчалъ Кассіанъ, рожденные съ счастливою склонностью бытъ добрыми, благодѣтельными. Если бы сколько нибудь данныя имъ Небомъ способности очищены были благимъ воспитаніемъ, если бы закоренѣлый образъ мыслей, обольстительные примѣры, не совращали ихъ съ того пути, по которому намѣрено было вести ихъ Провидѣніе, то они, сколько бѣ въ маломъ кругу ни обращались, всегда могли бы полезны бытъ низ-

шей братіи, и память ихъ была бы благословенна изъ рода въ родъ. — Таковымъ, по врожденнымъ способностямъ, могъ бытъ Парамонъ: но что изъ него вышло? Ту-неядецъ, развращеникъ, губящій себя, свое семейство, всѣхъ его окружающихъ, и готовящій себѣ проклятія отъ всѣхъ, коихъ благосостояніе ввѣрено его власпи.

Тутъ вышелъ спарикъ, служившій дворецкимъ въ домѣ Парамона. Онъ объявилъ, что господинъ его, намѣреваясь выпить одинъ ковшъ варенухи, чпобы понабратъ-ся премудрости, когда въ задумчивости выпилъ при ковша, то крайне удивился, почувствовавъ, что языкъ его одеревенѣлъ, губы не раздвигались, и ноги подкосились. Его опнесли въ постель, предоспавъ гостямъ продолжаясь веселье. — Кассіанъ и другъ его, пожелавъ хозяину хопя въ сновидѣніи вразумиться, отказались бытъ участниками въ весельѣ гостей, встали со скамьи и пошли со двора.

Солнце начинало клониться къ закапу. Охопники наши, идучи дорогой, разсуждали о свойствахъ чудныхъ своихъ сосѣдей:

Сильвестра, Тараха и Парамона.—Ты видишь, сказалъ Кассіанъ, что они всѣ люди не злые, при всемъ томъ дурныя привычки такъ въ нихъ вкоренились, что сдѣлались они предметомъ ненависти своихъ подвластныхъ, и презрѣнія постороннихъ. Опъ чего жъ? Именно опъ крайняго невѣжества даже въ такомъ предметѣ, который нуженъе для насъ всѣхъ прочихъ, въ совершенномъ незнаніи самихъ себя, и шѣхъ, кои окружающъ ихъ. — Панъ Сильвестръ, видя, что опличные умомъ и состояніемъ дворяне ходяшъ иногда на охоту, почелъ, что и ему, какъ дворянину, непременно то же дѣлать надобно; но вмѣсто того, чпобы занятіе это почесать, какъ другіе, опдохновеніемъ, прогулкою, развлекающею задумчивость и способствующею къ поддержанію здоровья, онъ поставилъ его главною цѣлію своей жизни. Панъ Тарахъ, зная на опытъ другихъ, что небреженіе въ хозяйствѣ, такъ же какъ и моповство, ведетъ за собою печальныя послѣдствія, задумалъ бытъ бережливымъ: но доспоинство это просперъ

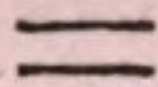

до того, что сдѣлался гнуснымъ скрягою. — Панъ Парамонъ слыша, что вездѣ хваляшъ и любяшъ людей гостепріимныхъ, веселыхъ, такъ завеселился, что сдѣлался развратнымъ, и жилище свое преворилъ въ домъ питейный. Какъ сего-дня провелъ онъ день, такъ проводишъ и всѣ дни. У него непрерывные праздники, копорые до шѣхъ поръ не прекращаются, пока у бѣдныхъ его подданныхъ будетъ по рубашкѣ на шѣлѣ.

Продолжая сей разговоръ, они неприменно подошли къ маленькому хутору, состоящему изъ небольшого, но красиваго господскаго дома и двухъ крестьянскихъ хатъ. Хуторъ расположенъ былъ на холмѣ, по покашости коего зеленѣлъ садъ, покрытый цвѣтомъ. Въ подножіи холма протекалъ широкой ручей. Прочный мостъ соединялъ поле съ помѣстьемъ. Пупники остановились, и не могли налюбоваться пріятностью мѣстоположенія. — Я гоповъ ударишся объ закладъ, вскричалъ Аристіонъ, что хозяинъ этого хутора ни мало не походишъ на пановъ, нами доселѣ

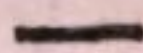

видѣнныхъ! — Ты бы и выигралъ, отвѣчалъ Кассіанъ: ибо хоша панъ Германъ едва ли не бѣднѣе всѣхъ прочихъ дворянъ этой округи, но я имѣю причину думать, что онъ гораздо ихъ довольнѣе. Пока мы подойдемъ къ его хутору, то я успѣю рассказать тебѣ о немъ, что знаю; а мнѣ хочется тебя познакомить съ нимъ.

ГЛАВА I.

ИСПЫТАНІЕ.

Не задолго до своего рожденія приобрѣлъ къ отцу своему отставной офицеръ съ пятнадцатилѣтнимъ сыномъ. — Я долго служилъ въ арміи, сказалъ онъ, и съ чиномъ Поручика уволенъ на собственное пропитаніе. У меня ничего нѣтъ, кромѣ

бѣдной одежды, копорую на мнѣ видише, и эпой спарой шпаги. Могъ бы конечно еще работать, но у меня нѣтъ ни клочка земли, ни куска желѣза, изъ копораго могъ бы сдѣлать какое нибудь орудіе, ни копѣйки денегъ, на что можно бы купить способъ къ работѣ. Бывши еще въ полку, я считался именитымъ чтецомъ. По смерти дѣячка въ вашей деревнѣ, и хата его и мѣсто на крылосѣ оспались пуспы. Благоволише отдать мнѣ и то и другое.

Опець швой, посмопрѣвъ паспортъ эшого воина и видя свидѣтельство о его честной, трудолюбивой жизни, велѣлъ ему идти на испытаніе къ Священнику. Этого по нѣсколькихъ дняхъ донесъ помѣщику, что лучшаго помощника ему не надобно, а по сему дѣло и кончено. Спарикъ переселился въ хату покойнаго дѣячка, и началъ исправлять должность свою съ примѣрнымъ усердіемъ; а сынъ его Германъ вездѣ раздѣлялъ труды его, но не долго. Возгорѣлась война въ Турціи, и сколько спарикъ ни уговаривалъ своего сына остаться дома, и жить покойно по милости

Божіей и господской, но никакъ не могъ склонить на свое желаніе. Воображеніе молодого Германа пылало бисвами, сердце его шрепешало при мысли, что шрудми, храбросшью, распоропносшью, онъ можешъ выслужисься. Опець благословилъ его; швои родипели снабдили его нужною одеждою, бѣльемъ и нѣсколькими десятками рублей, нашъ Германъ отправился въ путь, и цѣлыя пашнадцашъ лѣшъ ничего о немъ не слыхали.

Около пашпи лѣшъ тому, когда я съ опцомъ швоимъ прогуливались въ полѣ, увидѣли идущаго на насъ офицера. Хотя мундиръ его былъ поношенъ и шолсшаго сукна, но два золотые креша, и медаль, лежащіе на груди, придавали ему сполько блеска и доспоинспва, сколько не имѣлъ и великолѣпный мундиръ Бригадирскій. Пошешедъ къ намъ, онъ остановился, посмошрѣлъ на Валеріана, пошомъ спавъ на колѣна, произнесъ: шакъ! хотя много прошекло времени, но я узнаю васъ, человекъ благодаршпельный! Вы владѣлецъ эшого помѣспья! Узнаете ли Германа, шого Гер-

мана, котораго такъ великодушно снарядили въ дорогу къ походу? Эпопъ Германъ, по примѣру отца своего, осмѣливается просить ошъ васъ работы и покровъ.

Со слезами на глазахъ отецъ швой обнялъ заслуженнаго воина и повелъ въ домъ свой. Дорогою узнали, что онъ былъ во многихъ походахъ, сраженіяхъ и приспупахъ, и въ воздаяніе опличнаго мужеспва, дослужился Поручичьяго чина и украсился крестами.

Какъ отца Германова давно уже не было на свѣшѣ, и хаша его заняша была другимъ провозгласникомъ, то Валеріанъ помѣспилъ пришельца во дворѣ своемъ и поручилъ имѣшъ смотрѣніе надъ работами въ поляхъ окольныхъ. Ровно годъ продолжался искусь, и Германъ съ чеспью его выдержалъ. Впрочемъ, проведши сполько времени въ полѣ, въ непрерывныхъ трудахъ и опасносняхъ, онъ за ничпо счишалъ вспавашъ каждый день до восхода солнечнаго, и не прежде предавашся покою, какъ по наступленіи ночи. Когда

мы говорили ему, что онъ шрудился много, то онъ отвѣчалъ съ прѣсѣрдечіемъ, что настоящую жизнь почиаетъ совершеннымъ отдохновеніемъ въ сравненіи съ прежнею.

Когда Валеріанъ увѣрился, что Германъ можеть и спѣишь быть хозяиномъ, и располагать своею собственностью, то у добраго человѣка тотчасъ родились къ тому способы.

==

ГЛАВА LI.

СИРОТА.

—

На этомъ холмѣ, къ которому приближаемся, и которъй такъ прельщаетъ насъ веселымъ видомъ своимъ, въ то время, о которомъ говорю, спѣяла довольно обширная

Часть V.

изба, до половины развалившаяся. Поодаль расположенъ былъ родъ сарая, также близкаго къ паденію. Въ избѣ обитала владѣтельница хутора, Капери́на, двѣца лѣтъ около тридцати; въ сараѣ же ея кресчане Пётръ и Марина, братъ съ сестрою. Такъ располагались они лѣтомъ, а зимою всѣ трое соединялись подъ одну крышу. Изъ живущихъ существъ были еще въ помѣсть Каперины нѣсколько паръ куръ, просыхъ и Индѣйскихъ, гусей и утокъ, а болѣе совершенно ничего. — Ты конечно захочешь знать, что могло повергнуть сію помѣщицу въ такую бѣдность? Именно то же, что приведетъ нѣкогда въ нищету семейство пана Парамона. Отецъ Каперины былъ каршежникъ, мотъ, а потому не удивительно, что по смерти своей оставилъ дочь на произволъ случая.

Къ особенному счастью Каперины, она хотя была только что вскормлена, а не воспитана, но знала нѣкоторыя руководѣлья, полуея приличныя, и занималась работою безпрестанно. Ни куда не выходила она изъ своего хутора, кромѣ по праздникамъ въ нашу

церковь, и тамъ скрывалась въ толпѣ крестьянскихъ бабъ и дѣвокъ, ибо почти не наряднѣе была одѣта, какъ и Марина, которая ее всегда и вездѣ сопровождала. Посредствомъ сего трудолюбія, скромности, даже застенчивости, умѣла она сохранить спокойствіе души и чистоту тѣла до тридцати-лѣтняго возраста, хотя была весьма спашна и миловидна. На нее-то обратилъ вниманіе благодѣтельный отецъ свой, и захотѣлъ наградишь ее за кротость и терпѣніе.

Однажды, четыре года назадъ, такъ же въ весеннюю пору подъ вечеръ, когда Катерина, сидя у окна, дошивала праздничный передникъ, а Марина за прялкой напѣвала заунывныя пѣсни, вдругъ остановлены были онѣ въ своихъ занятіяхъ спухомъ кареты, остановившейся у самыхъ развалинъ.

Кто опишетъ ихъ удивленіе, замѣшательство и даже нѣкоторое отсутствіе духа, когда увидѣли, что знаменитый Валеріанъ и его супруга, вышедъ изъ кареты, входили въ ихъ жилище!

★

Каптя! сказала добрая мать пвоя, сѣвши на лавку, мы прогуливались и заѣхали къ тебѣ съ добрымъ намѣреніемъ. У тебя естъ довольно земли, и припомъ хорошей, жаль только, что нѣкому ее обрабатывать, а то была бы ты зажиточная помещица. — И я объ этомъ сожалѣю, сударыня, опвѣчала Каптерина, спрятавъ руки подъ передникъ, и слѣзы навернулись на глазахъ ея. — Этому горю пособишь можно, продолжала мать пвоя: надобно, чтобы имѣніемъ твоимъ распоряжалъ добрый хозяинъ. За чѣмъ ты до сихъ поръ не выйдешь замужъ? — Замужъ? сказала Каптерина въ полголоса; а кто возьмешь нищую дворянку? — Она зарыдала, — закрыла глаза передникомъ, и отошла въ уголъ.

Опець пвой, будучи большой ненависникъ горести, потчасъ подошелъ къ Каптеринѣ, взялъ ее за руку и подвелъ къ своей супругѣ. — Добрая дѣвушка! мы здѣсь за тѣмъ, чтобы — тебя осчастлививъ, сдѣлать счастливымъ достойнаго человека. Ты безъ сомнѣнія замѣпила въ церкви моего дворецкаго, Германа. Онъ, правда, не

въ первой молодости лѣпъ, но за то опы-
пенъ, здоровъ, прудолубивъ, честенъ. По
нашимъ мыслямъ, такъ онъ и ты были
бы пара. Если сердце твое свободно, то
ты найдешь въ немъ настоящаго себѣ
друга, хозяина, покровителя. — Чшо ска-
жешь? — Это бы конечно хорошо, опвѣ-
чала зарумянившись Каперина, но—милос-
пивый государь, моя Марина иногда го-
варивала, чшо у Германа меньше еще соб-
спвенности, чѣмъ у меня, такъ захочетъ
ли онъ взять на горе себѣ такую дѣвуш-
ку, копорая не можетъ укрыть его отъ
дожда во время ненастной погоды, онъ,
копорый по милости вашей живетъ те-
перь во всякомъ довольствѣ и покоѣ!

Если ты, опвѣчалъ Валеріанъ, счита-
ешь милостью то, чшо я доставляю Гер-
ману, то почему думаешь, чшо милости
мои могутъ испощиться, когда ты бу-
дешь его женою? Мнѣ ничего не будетъ
спойтъ сдѣлать вамъ сполько пособія,
чшо, при прудолубивой, умѣренной жиз-
ни, вы будете довольны своимъ жребі-
емъ.

Словомъ сказать: Каперина ввѣрила себя совершенно великодушнѣю эпихъ благодушельныхъ людей. Она скоро вышла за Германа. Попеченіемъ своихъ родителей — развалившаяся хижина превратилась въ чистый, уютный деревенскій домикъ; на оплогоспи холма возникли небольшой, но обильный плодовыми деревьями садъ, и огородъ, прокармливающій ихъ и лѣтомъ и зимою; челядинцы Пётръ и Марина выбрали себѣ каждый пару изъ крестьянъ Валеріановыхъ, и теперь — это помѣстье, прежде опять распутной жизни хозяина опустѣвшее, сдѣлалось жилищемъ довольства, спокойствія, счастья.

ГЛАВА III.

КАКЪ СЧАСТЛИВЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬ.

—

Говоря такимъ образомъ, вступили они въ вѣроша дома. Миловидная здѣловая женщина поспѣла вышла имъ на-встрѣчу. Она держала въ рукахъ годоваго ребеночка, а мальчикъ лѣтъ трехъ бѣжалъ возлѣ нее, держась за передникъ.

Госпи введены въ чистую свѣтѣлку, и хозяйка съ Мариной сей-часъ предложили сельской полдникъ. Черезъ четверть часа явился Германъ, и послѣ дружескихъ привѣтствій, сказалъ: слава Богу! Весенніе труды приближаются къ концу. Почти все вспахано. Да благословишь Богъ благодарнаго господина; онъ доставилъ намъ рай на землѣ, и я истинно увѣренъ, что всевидящій, всемилосердый Богъ сподобитъ его рай на небесахъ. — Однако жъ, возразилъ Кассіанъ, ты нѣсколько по-

опоздалъ съ своими успѣхами. У всѣхъ, кто только расположенъ былъ что нибудь дѣлать, давно уже все кончено, а у тебя только приближается къ концу! — Это правда, отвѣчалъ Германъ: но согласишесь, милоспивый государь, что десянь рукъ всегда могутъ сдѣлать больше, нежели двѣ, и чешыре быка извѣспной уча-спокъ земли вспашутъ скорѣе, чѣмъ два. Однако жъ, благодаря Бога и моего благодѣшеля, я въ теченіи чешырехъ лѣтъ накопилъ сполько опъ продажи лишнихъ издѣлій, что къ двумъ быкамъ могу прикупить еще пару и одну лошадь. Я уже и пріискалъ ихъ у пана Тараха, да дорого просить.

Я думаю, сказалъ Ариспіонъ, что между дорогою цѣною Тараха, и шую, какую вы полагаешь, разница будешъ не великая, и вы не оскорбишесь, если я сдѣлаю предложеніе ссудить васъ небольшою суммою на безсрочное время.

Германъ вспалъ и съ почпеніемъ разсмапривалъ Ариспіона, не смѣя взглянуть въ глаза къ нему. Молодой человекъ, съ

пылающими щеками, дрожащею опъ замѣшательспва рукою вынулъ кошелекъ, опсчиталъ 25 червонныхъ, и положивъ на споль, сказалъ: если Валеріана называешъ вы благодѣтелемъ, то сынъ его просишь почпишь себя своимъ другомъ. — Пока у меня, по милоспи шакже благодѣтеля, будетъ хотя одинъ рубль, половину его счишайше своею!

Сынъ Валеріана! вскричалъ Германъ, съ быспрошой вѣпра схватилъ его руку, и покрылъ ее поцѣлуями и слезами. Каперица спояла поопдалъ, пошупя глаза въ землю, перебирая руками передникъ, и шакже проливая сладкія слезы радости. Аристіонъ съ родспвенною ласкою обнялъ мужа и жену, и просилъ переспашъ говоришь о благодарности за такой поступокъ, которой долженъ болѣе его, нежели ихъ, радовашъ.

Когда они разспались съ хозяевами, Аристіонъ сказалъ: теперь-то я увѣренъ, что если на землѣ можно найи счастье, то надо искашь его въ шрудолубивой, умѣренной жизни. О, какъ безумно дума-

юшъ тѣ, кои въ одной праздности надѣ-
ются обрѣсти свое благополучіе! Но я
теперь на опытѣ знаю, какъ трудно че-
ловѣку, а особливо безъ опытнаго путе-
водителя, избрать лучшую дорогу на по-
прищѣ жизни. И самъ сынъ Улисса, безъ
помощи мудраго Меншора, едва ли не на-
всегда остался бы на пагубномъ островѣ
Калипсы.

Кто же мѣшаетъ намъ—опивчалъ Кас-
сіанъ — быть счастливыми по твоей ме-
тодѣ? Для чего паны Сильвестръ, Тарахъ
и Парамонъ не подобны Герману? Именно
отъ того, что они во всю жизнь не зна-
ли прямой нужды, которая есть превос-
ходный учитель правиламъ житейскимъ.
Они росли и жили, какъ дикіе звѣри, имѣ-
ющіе острые зубы и длинные когти, и
помощію сихъ орудій доставали себѣ про-
питаніе.

ГЛАВА ЛП.

НАГРАДА ТРУДОЛЮБІЯ.

Продолжая такой разговоръ, они встрѣтили двухъ мужиковъ, изъ коихъ одинъ велъ крѣпкую лошадь, а другой гналъ пару дородныхъ быковъ и десятокъ овецъ. — Куда вы, спросилъ Кассіанъ съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, изъ коихъ можно было видѣть, что они не незнакомые ему люди. — Передній отвѣчалъ: Зинаида, по случаю скорого дня рожденія своей дочери, Людмилы, дѣлаешь въ окрестностяхъ своихъ разныя благодѣянія; и какъ извѣстилась она, что добрый Германъ, при всемъ трудолюбіи, не совсѣмъ еще обзавелся хозяйствомъ, то, чтобы помочь ему, шлешь въ подарокъ вошь этого коня, этихъ быковъ и этихъ овецъ. — Сказавъ это, мужики низко поклонились и продолжали путь.

Препочтенная женщина! вскричалъ съ восторгомъ Ариспіонъ: сколько объ ней ни слышу, слышу одно доброе, рѣдкое, любезное. Одно для меня непонятно, какъ можно, будучи довольно въ ограниченномъ состояніи, жить благоприспѣшно съ своею дочерью, и еще дѣлать другимъ значительныя благодѣянія.

Любезный другъ! отвѣчалъ старикъ: богатство не заключается въ большомъ количествѣ крестьянъ, земли, лѣсовъ и какихъ нибудь заведеній; оно зависитъ отъ употребленія своихъ доходовъ. Я знавалъ многихъ знашыхъ бояръ, и по слуху очень богатыхъ, но которые были съ деньгами не болѣе двухъ недѣль въ году. Почему такъ, ты спросишь? А вотъ почему: когда главный управитель пришлетъ такому барину собранный имъ полугодовой оброкъ, то цѣлое полчище заимодавцовъ, которые никогда этой поры не промигнутъ, принудятъ его отдать по крайней мѣрѣ половину полученнаго. На остальную шьется для слугъ новая ливрея, покупаются модныя кареты, даются

балы, концерты, фейерверки и проч., и такая жизнь длилась недѣлю, или немного болѣе, а по прошествіи сего времени, все принимаетъ прежній видъ, т. е. дворецкій и кухмисперы каждый день выманиваютъ всякими образами у продавцовъ въ долгъ говядину, пшеницу, зелень, дрова, вино, хлѣбъ, сѣно, овесъ и проч., и такая жизнь продолжается до полученія новаго оброка. — Такая жизнь, замѣтилъ Аристіонъ, по моему мнѣнію, походитъ на жизнь развращаго нищаго, который выпрося опъ міра нѣсколько копѣекъ, съѣвши проѣвши ихъ, и послѣ терпиши голодъ, пока кто не подаетъ куса хлѣба. — И я то же думаю, отвѣчалъ Кассіанъ. — Они замолчали, и шли далѣе.

ГЛАВА LIV.

ПОМѢСТЬЕ ЗИНАНДЫ.

Шествіе ихъ продолжалось около получаса, какъ выходя изъ густой дубовой рощи, Аристіонъ остановился, пораженъ будучи предспавившимся ему видомъ. Предъ глазами его была проспиральная долина, по срединѣ коей находился совершенно круглой садъ съ плодовыми деревьями. По срединѣ сего сада возвышался обширный холмъ, а на немъ небольшой, но прекрасной домъ, вокругъ коего, по покосши холма расположены были цвѣтники; у сѣвнѣ садовой ограды по песчаному дну пропекала свѣшлая рѣчка; не вдалекѣ отъ сада спояло до 20 крестьянскихъ избъ.—Аристіонъ продолжалъ стоять молча и не сводя глазъ съ этого предешнаго мѣстоположенія.

Нравился ли тебѣ эта картина? спро-

силъ Кассіанъ съ просподушіемъ. — Кому не понравился такое райское мѣсто? отвѣчалъ молодой человѣкъ со вздохомъ. Ахъ! какъ счастливъ долженъ быть владѣлецъ онаго, и я увѣренъ, что онъ также нисколько не походитъ на пановъ Сильвестра, Тараха и Парамона! — Ты отгадалъ, сказалъ старикъ съ пріятною улыбкою юноши: и прошу замѣтить, что наружность двора, дома, сада, слугъ и служанокъ достаточно дають намъ знать о свойствахъ хозяина, ибо знай, что это помѣстье принадлежитъ Зинаидѣ.

Какъ, вскричалъ Арістіонъ съ восхищеніемъ: такъ это ея жилище? Часъ отъ часу прихожу въ большее изумленіе. Она должна быть примѣрная женщина. Ахъ! какъ бы я желалъ посѣтить это жилище и узнать ее лично! — Дѣло не мудреное, отвѣчалъ Кассіанъ. Она сосѣдка и хорошая пріятельница Горгонію, и намъ вѣрно рада будетъ. Зайдемъ къ ней напиться чаю; теперь уже та пора.

Нѣчего сказывать, съ какимъ чувствомъ Арістіонъ принялъ это предложеніе. Ко-

гда они по пыльной аллеѣ пробрались къ дому помѣщицы, кровь въ молодомъ человѣкѣ, съ каждымъ шагомъ впередъ, болѣе и болѣе пламенѣла. Онъ былъ въ восторгѣ; но мысль о первомъ свиданіи съ Людьмилой его утѣшала, равно приводила его въ безпокойство и наружный видъ великолѣпнаго сего помѣстья, при воспоминаніи о своемъ неимуществѣ. Да и какой молодой человѣкъ съ его характеромъ, могъ бы въ этомъ случаѣ казаться равнодушнымъ?

Когда подошли они къ крыльцу прекраснаго этого домика, на-встрѣчу имъ выбѣжали двое слугъ, въ проспой, но весьма чистой одеждѣ шпилья городского. Съ подобоспросомъ повѣдали они, что госпожа съ дочерью находящаяся въ розовой бесѣдкѣ и заняты чтеніемъ. — Мы сдѣлаемъ имъ шоварищество, сказалъ Кассіанъ равнодушно, взялъ друга своего за руку и повелъ въ садъ.

ГЛАВА LV.

КРИТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ.

—

Ты весь измѣняешься, сказалъ Кассіанъ съ удивленіемъ, и оспановился. — Признаюсь, опивчалъ эпопъ, что я чувствую необыкновенное волненіе во всемъ существѣ моемъ. Когда я съ безсмертнымъ Суворовымъ переходилъ Альпійскія горы, то былъ бодръ и веселъ; а теперь, входя въ эпо прелестное жилище, я шрепещу! — Чего же? — Я боюсь взора Людмилы! — О, пустая причина! Она дѣвица прекрасная, кропкая и нимало не спрашная. — Эпо-по всего хуже. Почтенный другъ мой и пушеводиттель, я ничего не хочу, да и не долженъ скрывать опъ васъ. Видя въ покаяхъ Горгонія изображеніе Людмилы, и слыша опъ домашнихъ, что мать весьма не богата, я полюбилъ ее спрашно. Меня ободряла къ этому мысль: Горго-

ній мой благодѣтель; опкроюсь ему въспраси моей, выпрошу маленькой уча-
спокъ земли, предложу руку Людмилѣ, и
авось она ее не опвергнетъ. — Эта оболь-
спительная мысль занимала меня болѣе
полугода и днемъ и ночью. Я ждалъ толь-
ко благопріятнаго случая, не удастся ли
оказать Горгонію какой нибудь услуги,
чтобы имѣть болѣе права представитъ
ему свою просьбу. Но теперь — когда я
своими глазами увѣрился, что Зинаида не
такъ бѣдна, какъ объ ней сказывали, я
прихожу въ опчаяніе, голсва моя кружи-
ся, и я предчувствую, что погибъ невоз-
вратно.

Будь покойнѣе, молодой человекъ, опвѣ-
чалъ Кассіанъ: ты еще худо знаешь Гор-
гонію. Если ты будешь столько уменъ,
что понравишься Зинаидѣ, а особливо
Людмилѣ, то я имѣю надежду думать,
что благодѣтель твой и въ этомъ случаѣ
не откажется быть твоимъ помощни-
комъ.

Съ этими словами подошли они къ бе-
сѣдкѣ, простой, но красивой, окруженной

розовыми кустами въ полномъ цвѣтѣ. Кассіанъ, ведя за руку Аріспіона, поспѣшно вошелъ въ бесѣдку. Первый предметъ, поразившій молодого любовника, была Людмила, сидѣвшая въ простомъ сельскомъ плащѣцѣ на софѣ подлѣ своей матери, которая чила какую-то книгу. При видѣ гостей, хозяйки вспали и оказали самое дружеское привѣтствіе. Кассіанъ, подводя къ нимъ своего соупника, сказалъ: представляю вамъ, сударыни, моего молодого друга, котораго люблю, какъ родного сына, да онъ этого и споишъ, какъ собственно по своимъ качествамъ, такъ и потому, что есть сынъ покойнаго друга нашего, Валеріана. — Аріспіонъ! вскричала Зинаида, пропянувъ къ нему обѣ руки: но вдругъ, опспунивъ назадъ, замолчала. — Людмила, покрывшись румянцемъ, пошупила глаза въ полъ, и также молчала. Кассіанъ, казалось, любовался этою картиной.

Зинаида первая прервала молчаніе. — Благодарю васъ, сказала она, почтенный другъ, что вы доспавляете мнѣ случай

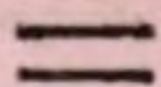
узнашь Аристіона. Какъ скоро вы называете его другомъ, то и я не опрекусь назвавъ его этимъ именемъ. Молодой человекъ, дайте мнѣ обнять себя.

Аристіонъ, разпроганный, пораженный, окаменѣлый при воззрѣніи на величественную Зинаиду и прелестную Людмилу, бросился къ ногамъ первой, осыпалъ поцѣлуями руки ея, и послѣ вспавъ, сказалъ прерывающимся голосомъ и со слезами: безподобная женщина! Могъ ли я думать, что такое чудо найду въ Украйнѣ? Чѣмъ могу я возблагодарить этому почтенному другу за счастье, что васъ вижу, и получаю лучшее, драгоцѣнное позволеніе опять васъ видѣть!—Тутъ онъ бросился въ объятія прослезившагося Кассіана. Одна Людмила была забыта, но не надолго. Мать сказала неподвижной красавицѣ: любезнѣйшая дочь! и ты знала почтеннаго друга нашего, Валеріана; вели же приготовить сельскій ужинъ для сына и друга. Я надеюсь, что любезные госпи проведутъ у насъ цѣлой вечеръ, а чтобъ имъ въ темнотѣ не идти по рощамъ, лугамъ и буе-

ракамъ, то они отправятся въ моей коляскѣ. Я покажу Аристіону, буде ему угодно, нашъ садъ, швой цвѣтникъ, и всѣ скоро къ тебѣ будемъ.

Людмила, не говоря ни слова, но кинувъ на молодого госпа быспрый, огненный взглядъ, скрылась какъ молнія. Зинаида подала руку Кассіану, и съ улыбкой матери сказавъ Аристіону: будьте же нашимъ шоварищемъ, вышла изъ бесѣдки.

ГЛАВА LVI.

СПРАВЕДЛИВОЕ УДИВЛЕНІЕ.

Аристіонъ и самъ не понималъ чувствъ своихъ, а попому нѣтъ возможности ихъ и описывать. Онъ шелъ по правую руку Зинаиды, и хоща она почти безпреспан

но къ нему обращалась, начинала разные рѣчи, дѣлала многіе вопросы, но онъ едва ее видѣлъ, едва слышалъ и отвѣчалъ по догадкамъ. Образъ Людмилы, прелестной Людмилы, въ бѣломъ платьѣ, опоясанномъ лиловою лентой, съ розой на груди, безпрестанно предспавлялся его воображенію. Такъ прошелъ цѣлой часъ прогулки, и они возвратились въ покой.

Когда вошли въ гостиную, то столъ съ прекраснымъ десертомъ уже былъ готовъ, а Людмила сидѣла у окна, и разсматривала упреннее свое вышиванье золотомъ. — Людмила! сказала мать, когда всѣ взяли по чашкѣ чаю: знаешь ли, какъ Аристіону понравился садъ нашъ, а особливо цвѣтникъ своего собственнаго распоряженія: онъ такъ былъ плененъ тѣмъ и другимъ, что въ цѣлой часъ не сказалъ намъ болѣе десяти словъ. — Извините, сударыня, отвѣчалъ Аристіонъ съ крайнимъ смущеніемъ: хотя я прошелъ весь вашъ садъ, но разсмотрѣлъ его весьма худо, а какъ взглянулъ на цвѣтникъ, то и ничего не увидѣлъ. — Тупъ робкой взоръ

его успокоился на Людмилѣ, и онъ замѣтилъ, что красавица оправляла розу на груди своей, а Кассіанъ, сидѣвшій подлѣ Людмилы, пилъ спокойно чай, и изрѣдка взглядывая на нее, улыбался.

По оппипіи чаю, Зинаида сказала: милая дочь! ужина ждашь еще довольно долго; а пошому, чпобы для дорогихъ гостей сократить время, ты вѣрно не откажешься что нибудь сыграешь и поешь.

Аристѣонъ опъ этихъ словъ опомнился, чему способствовала мысль: на хупорѣ можно найши красавицу съ порядочнымъ вкусомъ; но чпобъ она умѣла играть на какомъ нибудь инструмента, и поетъ по правиламъ искусства — часъ-опъ-часу все для меня спановится загадочнѣе!—Кто жъ опишетъ его изумленіе, оцѣпенѣніе, когда увидѣлъ, что въ комнату внесли и подали Людмилѣ арфу, работы драгоцѣнной, и она, послѣ прелюдіи, начала играть и поетъ на Италіянскомъ языкѣ извѣстную арію, бывшую тогда большою модою:

На толь, чѣобы печали
Въ любви памѣ находишь,
Намѣ боги сердце дали,
Способное любишь?

Когда арія кончилась, Кассіанъ съ на-
вернувшимися слезами, копорыя скрышь
спарался, подошелъ къ Людмилѣ и поцѣ-
ловаль ее въ лобъ. Примѣпно было, что
она хотѣла поцѣловать его руку; но онъ
ошвернулся, и сѣвъ на прежнемъ мѣстѣ,
спросилъ Аріспіона: скажи по совѣсти,
молодой другъ мой, копорая игра и пѣніе
показались тебѣ пріятнѣе, эпи ли въ де-
ревнѣ, или шѣ, какія случалось тебѣ слы-
шать на балахъ въ столицѣ?

Аріспіонъ сидѣлъ нѣсколько времени
какъ прикованный къ спулу; наконецъ
вскочилъ, подбѣжалъ къ Кассіану съ ди-
кимъ видомъ и вскричалъ: нѣтъ! ты не
другъ мой Кассіанъ, копораго я знаю! Ты
конечно мой ангелъ-хранишель, принявшій
на себя его образъ, дабы доставить мнѣ
эпо блаженство. Благоволи объявишь:
смертныхъ ли вижу я въ эпой мапери и
ея дочери?

Съ этими словами бросился онъ къ нему на шею, и оросилъ лице его слезами. Всѣ были этимъ поступкомъ разстроганы; и Зинаида, взявъ его за руку, сказала съ нѣжною улыбкою: удивляюсь, что чело-вѣкъ воспитанный и возмужавшій въ бли-стательной столицѣ Сѣвера, можетъ на-ходить по видимому столько удовольствія въ деревенскомъ домѣ. — Ахъ! отвѣчалъ Аристѣонъ: если бы въ столицахъ всего свѣта знали, какое можно найти удоволь-ствіе, радость, даже блаженство въ сель-ской жизни, то столицы — если бы не опустѣли, то навѣрное половиною бы жи-телей умалились.

=

ГЛАВА LVIII.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

—

Весь вечеръ прошелъ въ подобныхъ разговорахъ, и воображеніе Аристіона болѣе и болѣе разгорячалось. Людмила играла разныя аріи и пѣсни, и на разныхъ языкахъ. Ужинъ проведенъ чрезвычайно весело, и госпи наши оправились домой. Дорогою Аристіонъ, не смотря на всѣ повѣспованія Кассіана, молчалъ; а когда они вѣхали на свой дворъ, и вышли изъ коляски, по первой, готовясь идти въ свой домикъ, съ жаромъ схвативъ уку послѣдняго, сказалъ: я буду или безмѣрно счастливъ, или погибну невозвратно!—Послѣ этихъ словъ онъ тотчасъ кинулся опъ него въ свое жилище, и бросился въ постелю. Сколько раздѣвавшій его Макаръ ни приспавалъ къ нему съ вопросами о причинѣ такого состоянія ду-

ши его, онъ удовольствовался отвѣтомъ: поди шарикъ и спи; я сегодня очень уснулъ, и мнѣ нуженъ покой.

И дѣйствительно Аристіону нуженъ былъ покой, но онъ далеко отъ него удался. При одной мысли о Людмилѣ, представлялась ему мать ея и ихъ довольно блестящее состояніе. Если говорятъ правду, думалъ онъ, что деревушка, расположенная не вдалекѣ отъ дома Зинаиды, составляетъ все ея имѣніе, но какимъ образомъ можетъ она содержать такъ пышно по здѣшнему свой домъ, какъ она нынѣ содержитъ; имѣетъ нарядныхъ слугъ и служанокъ, карету, коляску и другіе экипажи; какимъ непонятнымъ чудомъ дочь ея знаетъ иностранные языки и играетъ плѣнительно на арфѣ, такимъ инструментомъ, который приличенъ дѣвицамъ самаго знатнаго рода!

Послѣ сихъ размышленій, ему вспало нѣчто на мысль, отъ чего сердце заняло, кровь остыла, и шепетъ разлился по всему тѣлу. Ему представилось, что все великолѣпіе Зинаиды есть плодъ щедрости

Горговія, что она его любовница, и Людмила не что другое, какъ залогъ взаимной любви. Тутъ ему такъ же пришло въ голову множество обстоятельствъ, которыя подтверждали сіи мысли. Портретъ Зинаиды и ея дочери въ домъ Горговія, и нѣжності во взорахъ, съ которыми иногда разсматривалъ онъ сіи изображенія. — Что жъ такое? сказалъ онъ наконецъ въ полголоса: пусть Людмила будетъ чѣмъ есть, перестанетъ ли она чрезъ то свою образованность, свою сердечную доброту, свои данныя ей Богомъ прелести? — Милая дѣвица! Клянусь, хотя была бы ты дочь какого либо изверга, любилъ тебя до гроба, хотя бы любовь моя была самая несчастная.

Въ сихъ мысляхъ заснула его заря и взошедшее весеннее солнце. Наконецъ онъ забылся въ сладкихъ мечтаніяхъ, но вскорѣ былъ разбуженъ Макаромъ, который совершенно не воображалъ, что господинъ его имѣетъ крайнюю нужду въ покоѣ. Во всякое другое время онъ разсердился бы на такую вольность, но когда услышалъ,

что Кассіанъ уже въ библіотекѣ, и дожидается его пробужденія, то онъ быспро вскочилъ, одѣлся, и предсталъ къ своему госпо. — Прекрасное утро, сказалъ послѣдній; весеннее солнце блистаетъ ярко въ голубомъ небѣ; не хочешь ли со мною прогуляться, дабы съ лучшимъ аппетитомъ приступить къ завтраку. Горгоній будетъ насъ дожидаться въ бесѣдкѣ своего сада.

Они вышли въ поле, и Кассіанъ по обыкновенію началъ описывать свойства cadaго цвѣтка и травы. — Аристіону прежде весьма нравились разговоры сего рода, но теперь они были ему совсѣмъ не по вкусу. Тысячу разъ намѣревался онъ завести рѣчь о Зинаидѣ и Людмилѣ, но сіи роковыя имена не сходили съ языка его. Сопутникъ очень замѣтилъ это, но какъ видно, хотѣлъ испытать терпѣніе молодого человека. Цѣлой часъ прошелъ въ прогулкѣ, и они только и разсуждали о распеніяхъ. Наконецъ старикъ жался надъ молодымъ шовариемъ. Знаешь ли, сказалъ онъ, что Людмила къ про-

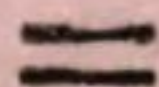
чимъ доспоинспвамъ присоединяешъ довольное познаніе въ Ботаникѣ, и что цвѣтникъ, видѣнный тобою вокругъ ихъ дома, она насадила, развела, сама за нимъ ходишь, и, такъ сказать, воспитываешь?

Тутъ-то Аріспіонъ ожилъ. Онъ разливался въ похвалахъ матери и дочери, называлъ послѣднюю прелестною, несравненною, божественною, и похвальное свое слово сопровождалъ восклицаніемъ: ахъ! сколько былъ бы я благополученъ, если бы — если бы —

Онъ кончилъ вздохомъ, и замолчалъ. — Не понимаю, сказалъ Кассіанъ, какъ можно такъ проворно влюбиться! — Какъ? возразилъ Аріспіонъ, развѣ забыли вы о порпретѣ? — Порпреты большею частію обманываютъ! — Вы правы, потому, что порпретъ Людмилы ни мало на нее не походитъ, да и какое искусство можетъ изобразить солнце во всемъ блескѣ его? — И ты думаешь, что она навсегда пребудетъ мила твоему сердцу? — Думаю ли? Я увѣренъ, сударь, и клянусь всемогущимъ Богомъ, что никого изъ женщинъ уже лю-

бипъ не буду, хопя Людмила никогда не
будешъ моею. Ахъ! Вы вѣрно знаете, что
значипъ первая любовь! — Если шакъ, то
тебѣ остаеися только склонишь Людми-
лу къ соопвѣспвію, а я повпоряю вче-
рашнее мое увѣреніе—спарашься за тебѣ у
Горгоніа.

ГЛАВА LIX.

УСЕРДНЫЯ МОЛИТВЫ.

У Аристіона на сердцѣ спало оправд-
нѣе, и онъ продолжалъ разговоръ съ не-
сказаннымъ удовольствіемъ, какъ вдругъ
бросилась ему въ голову мысль: кто жъ
шакова Людмила? — Съ нѣкоторымъ сму-
щеніемъ онъ сдѣлалъ эшошъ вопросъ шо-
варищу.

Эпопъ отвѣчалъ: Зинаида есть вдова нѣкогда богатаго помѣщика, человека очень добраго, честнаго, но довольно щеголева-таго, а по-проспу—моща. Не послѣднимъ знакомъ мощовства его есть воспитаніе дочери. Онъ отдалъ ее въ самой знашней пансіонъ въ Москвѣ, заставилъ учить ее моднымъ наукамъ и искусствамъ, копорья болѣе пріятны, чѣмъ полезны. Разстрой-ство его состоянія при жизни почти было непримѣтно, а особливо поспоронимъ; но когда два года тому назадъ онъ умеръ, тогда всѣ житейскіе грѣхи его открылись. — Зинаида изъ богатой помѣщицы вдругъ должна была сдѣлаться самою по-средственною. Для уплаты долговъ, надѣ-ланныхъ мужемъ, она продала всѣ свои по-мѣстья, исключая одно, тобою видѣнное, переселилась туда на всегдашнее жительство, пошчасъ вызвала дочь изъ Москвы, и начала пріучать ее къ простой и умѣ-ренной жизни. Къ особенному счастью Людмилы, она бывъ очень молодою отпа-ла въ пансіонъ, не видала роскошной жиз-ни отца своего, а пошму теперешнимъ

состояніемъ своимъ очень довольна. Вотъ тебѣ все, что я знаю.

Аристѳонъ чрезвычайно былъ доволенъ этимъ открытіемъ. Они возвратились домой, пошли въ садъ Горгонія, и нѣскольکو часовъ провели всѣ вмѣстѣ съ особеннымъ удовольствіемъ.—Насталъ 30-й день Апрѣля, и Аристѳонъ не мало удивился, когда увидѣлъ по вечеру пригласеніе ко всенощной. — Кажется, завтра не великой праздникъ, сказалъ онъ Кассіану. — Такъ, для всякаго другаго, отвѣчалъ тотъ; но для меня и Горгонія 1-й день Мая есть день важной. Ровно за 18 лѣтъ въ этотъ день родилась Людмила, а какъ я и другъ мой любимъ ее какъ родную дочь, то и починаемъ долгомъ помолишься Богу, чтобы Онъ благоволилъ даровать миръ душѣ ея и сердцу, даровать здоровье и возможное на землѣ счастье. Сегодня слушаемъ всенощную, завтра сбѣдню, а послѣ всѣ къ обѣду отправимся къ Зинаидѣ. Я думаю, что и ты не опречешься участвовать съ нами и въ молитвахъ и въ обѣдѣ.

Аристіонъ съ жаромъ схватя его руку и приложя къ сердцу, вскричалъ: почувствуйше его біеніе! Въ обѣдѣ мнѣ надобности нѣтъ, но молишься о счастіи Людмилы—ахъ! это для меня истинное наслажденіе! — Кромѣ всенощныхъ и обѣденъ, я каждую минуту жизни моей буду о семъ молишься Господу Богу!—То-то память! сказалъ вдругъ Кассіанъ, схватясь за лобъ: я было и забылъ сказать тебѣ, что Зинаида и Людмила будутъ вмѣстѣ съ нами совершать свои молитвы.

Больше не надобно было, чтобъ воспламенилъ все существо молодого любовника, и онъ кое-какъ опобоярившись опъ своего совѣтника, созвалъ Трофима и Сисоя, какъ самыхъ опытныхъ канониковъ, бросился съ ними въ церковь, и часа два, ш. е. до самаго прихода шуда Горгонія, Кассіана, Зинаиды съ Людмилой и Священника, онъ упражнялся въ чтеніи и пѣніи. — Во время священнодѣйствія, Аристіонъ такъ усердно пѣлъ вмѣстѣ съ Горгоніемъ и Кассіаномъ, что всѣ не мало тому дивились.

Вечеръ прошелъ очень весело. Горгоній велѣлъ изготовить прекрасный деревенскій ужинъ, и хопя самъ въ ономъ по обыкновенію не участвовалъ, однако сидѣлъ за столомъ, и присущивіемъ своимъ разливалъ на всѣхъ удовольствіе и общее веселіе. Нѣчего сказывать, что Аристіонъ, пользуясь наставленіемъ своего друга, изощрилъ всѣ свои способности, чтобы понравиться Людмилѣ, и ему показалось, что она смотрѣла на него съ соучастіемъ, и даже съ чувствомъ. — Опытный Макаръ, раздѣвая своего господина, подтвердилъ это замѣчаніе, и любовникъ уснулъ сномъ сладоснымъ.

ГЛАВА LX.

СЕЛЬСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

—

Когда полкруга солнечнаго показалось на небосклонѣ Украинскомъ, Ариспіонъ уже бодрспивалъ, и въ упреннемъ плащѣ пошелъ въ садъ, дабы вздохнуть воздухомъ чистымъ, и подъ опкрытымъ Майскимъ небомъ помолиться о счастіи Людмилы. Внимательный Макаръ, который давно зналъ тайну своего господина, также былъ не лѣнивъ, спарательно вычистилъ мундирную пару и вынулъ давно забытый орденъ. Ариспіонъ завпракалъ одинъ, ибо ни Кассіанъ не являлся къ нему въ урочное время, ни его не приглашали въ большой домъ. Скромный, молчаливый Сисой не могъ опбоариться, и повѣдалъ, что Кассіанъ съ восходомъ солнца отправился къ Зинаидѣ, и не прежде будетъ домой, какъ вмѣстѣ съ машерью и дочерью.

Послѣ завтрака, Аристіонъ похваля за-
пѣю Макара касательно своей одежды,
облачился въ мундиръ со всѣмъ праздни-
чнымъ приборомъ, и на шеѣ повѣсилъ бле-
стящій крестъ. — Когда на часахъ уда-
рило восемь, красноглазовый Трофимъ
явился къ нему и объявилъ, что Горгоній
его ожидаетъ. Молодой воинъ отправил-
ся немедленно, и когда съ признательно-
стію за его благодѣянія, поздравилъ съ
первымъ днемъ Мая, взоры Горгоніевы
долго покоились на лицѣ Аристіона. Сле-
зы блеснули въ глазахъ его, онъ пропя-
нулъ обѣ руки, шпатель бросился въ его
объятія, и также со слезами произнесъ:
благодарю милосердіе Провидѣніе! Если
оно лишило меня отца, то даровало бла-
годѣтеля, который въ сердцѣ моемъ мо-
жетъ заскупить его мѣсто.

Когда чувства ихъ успокоились, то Гор-
гоній спросилъ его съ нѣжностью друга:
признайся, молодой человекъ, какое чув-
ствуешь ты различіе между самимъ собой
съ того времени, какъ живешь въ моемъ
домѣ? — Такое, отвѣчалъ послѣдній бы-

спро, какое чувствуешь человекъ, сравнивая себя съ дикимъ звѣремъ. Если угодно Небу даровать сколько нибудь ясныхъ дней въ моей жизни, то симъ обязанъ я вамъ. — Я не тщеславенъ, опивчалъ Горгоній, но мнѣ пріятно будетъ, если вы навсегда сохранишь въ сердцѣ своемъ эти мысли. Надѣйся на Провидѣніе и на мою дружбу. Богъ свидѣтель, во всемъ свѣтѣ не найдешь лучшихъ друзей себѣ, какъ перваго во мнѣ, и втораго въ Касіанѣ.

На дворѣ раздался звукъ подъѣзжающей кареты. — Вошъ и госпыи наши, сказалъ Горгоній, вспавая съ мѣста. Сердце Арістіона задрепешало въ груди его; пурпуръ разлился на щекахъ, и глаза заблистали. Въ скоромъ времени явились къ нимъ Касіанъ, ведущій за руку Зинаиду, и подлѣ нихъ Людмила. — Простота въ ихъ одеждѣ, копорая впрочемъ на каждой была новая, нѣсколько смутила Арістіона, и онъ досадовалъ, что послушался своего Макара, и облачился слишкомъ по городскому. Однако онъ скоро ободрился, когда Кас-

сіанъ, послѣ общихъ привѣтствій, при чемъ Аріспіонъ имѣлъ случай поцѣловать нѣжную ручку у Людмилы, оборотясь къ нему, сказалъ съ веселымъ видомъ: браво! Теперь - то я вижу, что молодой другъ мой истинно почипаеиъ Зинаиду, когда для праздника ея дочери, нарядился, какъ будто ѣдучи въ царской дворецъ.

Аріспіонъ вновь покраснѣлъ, и хотѣлъ сказать что-то очень вѣжливое, какъ витіеваиый Трофимъ появился и объявилъ, что проскомидія началась, а пошому всѣ отправились въ церковь.

По окончаніи священнодѣйствія, по словію поѣхали къ Зинаидѣ, Горгоній и Кассіанъ въ одной, а Зинаида, Людмила и Аріспіонъ въ другой карешахъ. Любовникъ, вспомя повѣсть своего друга о матери и дочери, не дивился уже, видя въ нихъ особъ совершенно образованныхъ. Поѣздка была самая веселая, и прекрасная погода умножала общую радость. Когда въѣхали на дворъ, то Аріспіонъ увидѣлъ нѣсколько разспавленныхъ споловъ, возлѣ коихъ стояло до сотни кресіянъ и

крестьянокъ. Едва вышли изъ карепъ, какъ они съ радостнымъ воплемъ окружили Зинаиду и Людмилу, и цѣловали ихъ руки и края плащей. — Теперь, друзья, сказала мать, выпейте за здоровье Людмилы по чаркѣ вина, и съ Богомъ садитесь за столы. — Когда это приказаніе начало исполняться, Аристѣонъ не мало удивился, увидя, что велерѣчивой Трофимъ, засучивъ рукава, большимъ ножомъ разрѣзывалъ мяса, а цѣломудренной Сисой, споя съ важностью у большого чана, черпалъ желѣзнымъ ковшемъ вино, и подавая оное подходившимъ, каждому приговаривалъ: на здоровье! Видно для такого праздника рѣшился быть слово-охотникъ противъ обыкновеннаго. — Что я вижу! сказалъ Аристѣонъ: это наши. Какъ они здѣсь очутились? — Чтобы намъ на возвращномъ пути не быть безъ слугъ, отвѣчалъ мимоходомъ Горгоній, то я велѣлъ вчера еще прислать къ себѣ изъ деревни трехъ крестьянъ, а Священникъ до утра пробудетъ въ домѣ; Трофиму же и Сисою приказано по выѣздѣ нашемъ отправиться

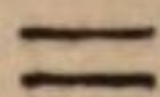
сюда верхами. Ты, видно, такъ занялся разговоромъ съ госпожами, что и не замѣшилъ, какъ всадники мимо васъ проскакали. — Ариспіонъ и Людмила, взглянувъ другъ на друга, покраснѣли, и всѣ вошли въ покои.

Лишнимъ считаю описывать подробно, какъ прошелъ день сей. Довольно сказать, что онъ проведенъ очень весело. По окончаніи спола всѣ прогуливались въ саду, а подъ вечеръ Людмила играла и пѣла разныя аріи. Въ свою очередь маменька сѣла за фортепіано, а Ариспіону дали въ руки скрипку, ибо Кассіанъ засвидѣтельствовалъ, что онъ играетъ не дурно, что было и справедливо.

Почти въ полпочъ наши гости просились съ милыми хозяйками. Если бы опдашь на волю Ариспіона, то онъ разъ двадцать бы въ день по уѣзжалъ, по возвращался, дабы только имѣть случай по прощаться, по здороваться. Дорогою Горсей и Кассіанъ безпрестанно говорили о любезности, дарованіяхъ и красотахъ Людмилы; но Ариспіонъ не вмѣшивался въ

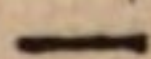

разговоръ ихъ. Онъ при постороннихъ людяхъ никакъ не могъ произнести имени Людмилы, сколь оно для него прелестно ни было. Друзья очень то замѣтили, но не дали знать ни словомъ. — Аристіонъ поѣхалъ въ домъ Зинаиды влюбленнымъ, а возвратился совершенно очарованнымъ. — О Людмила! сказалъ онъ, оставшись одинъ въ своемъ жилищѣ: или ты будешь моя, или я на-всегда лишенъ радости въ этомъ мірѣ!

ГЛАВА LXI.

МЕЛАНХОЛИКЪ.

Чтобы не наскучить читателямъ подробнымъ описаніемъ любовныхъ подвиговъ Аристіоновыхъ, довольно, думаю,

сказаць, что онъ выискивалъ всѣ случаи, чтобы почаще посѣщать домъ Зинаиды. Онъ не рѣдко и бывалъ тамъ, но всегда вмѣстѣ съ Кассіаномъ, ибо сей умѣлъ увѣрить, что его одного не примутъ. Каждой день докучалъ онъ своему другу, чтобы поговорилъ о семъ съ Горгоніемъ, но всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: надобно прежде узнать мысли и чувства Людмилы; а сего то ни какъ не могъ онъ сдѣлать, ибо никогда не находилъ случая видѣться съ нею наединѣ. Всегда или мать или двѣ горничныя дѣвушки при ней были.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, такъ прошелъ другой, такъ прошло цѣлое лѣто и наступила осень. Аристіону казалось, что Людмила не нечувствительна къ его спра-
спамъ, но между прочими признаками истинной любви есть недоувѣрчивость, сомнѣніе въ соотвѣстствіи. Будучи отъ природы нрава пылкаго, неперенѣливаго, кошораго никакая власть, кромѣ времени, обуздавъ была несильна, онъ спеналъ, мучился въ сей неизвѣстности, и — слѣдуя правиламъ чести, рѣшился при первомъ свиданіи въ

присутствіи самой Людмилы, объяснившись съ матерью и просивъ ее о согласіи увѣнчать пламенную любовь его своимъ благословеніемъ.

Въ одно Сентябрьское утро Аристіонъ сидѣлъ въ своей библіотекѣ задумавшись и не прогаясь съ мѣсна, не смолля, что Макаръ нѣсколько разъ входилъ къ нему съ докладомъ, что пригошовленный кофе и чай уже просыли. Вдругъ входитъ Трофимъ, и поздравя съ добрымъ утромъ, спрашиваетъ, каковъ онъ въ здоровьѣ, каково провелъ ночь, чувствуютъ ли аппетитъ къ завтраку, что прикажутъ готовить къ обѣду, и гдѣ будетъ кушать, у себя или въ господскомъ домѣ?

Аристіонъ постарался скрыть свое неудовольствіе, причиненное ему пустословіемъ Трофима Ивановича, и сказалъ улыбаившись: ты надѣлалъ столько вопросовъ, что мнѣ трудно ихъ упомянуть. Да и какая тебѣ надобность спрашивать о здоровьѣ, когда видишь, что я сижу въ креслахъ, а не лежу въ постелѣ? — Никакъ, сударь, отвѣчалъ дворецкій съ важ-

носпію: здоровые люди—я сужу по себѣ—не заспавляюшъ цѣлые часы дожидать себя къ завтраку, а Макаръ меня увѣдомилъ, что съ вами происходитъ прошивное; почему я исполняю волю милоспиваго моего господина, объявленную мнѣ при опѣздѣ въ губернской городъ.

Какъ? вскричалъ Аріспіонъ, вскочивъ съ креселъ: Горгоній уѣхалъ не сказавъ мнѣ ни слова? — Вы еще почивали, и онъ не хотѣлъ васъ беспокоить; а садясь въ карету, и отдавая мнѣ этошъ кошелекъ съ злотомъ, сказалъ: приказываю тебѣ беречь здоровье Аріспіона и отдать ему эти деньги для мелкихъ расходовъ. Въ то же время г. Кассіанъ, подавая это письмо, сказалъ: вручи Аріспіону; пусть его инспрукція! Съ сими словами посланецъ положилъ деньги и письмо на столъ, поклонился и вышелъ.—Аріспіонъ смотрѣлъ на Трофима помными глазами, вздохнулъ и сказалъ громко: и Кассіанъ уѣхалъ! надолго не увижу я Людмилы! Боже мой, что со мной будетъ!

Предполагая, что письмо Кассіаново ни-

чего въ себѣ не заключаетъ, кромѣ без-
полезнаго ушѣшенія и совѣша не ходишь
къ Зинаидѣ, онъ рѣшился не чипать его,
а равнымъ образомъ и до кошелька не до-
прогивавшись.—Онъ раскрылъ книгу, гля-
дѣлъ въ нее, и ничего не видѣлъ. Наспа-
ло обѣденное время, и онъ заперъ двери на
замокъ. Тщешно добрый Макаръ, а послѣ
и Трофимъ, толкались въ двери, кляпвен-
но увѣряя, что принесенный обѣдъ такъ
вкусенъ, что и мершвыи разинулъ бы
рошъ, если бъ ему такой предложили.
Бѣдные слуги были въ недоумѣніи, что
имъ дѣлать. Ломать двери показалось имъ
не очень благоприспѣшно, и могло бы мо-
лодаго меланхолика привестъ въ большее
разспроисство.

ГЛАВА LXII.

ЛЕКАРСТВА.

—

Добрые, усердные слуги сѣли у окна въ споловой, совѣповались, спорили, соглашались, и наконецъ оба задумались.—Браво! вскричалъ погода Макаръ, разглаживая сѣдые бакенбарды: я нашелъ средство, чпо мой бѣдной больной опопрепъ. Сей-часъ поскачу въ уѣздный городъ и привезу сюда Медика изъ Нѣмцовъ. Ариспiонъ съ первой молодости перпѣтъ не можетъ сего рода людей, а особливо иностранцовъ, и какъ скоро въ замочную скважину прокричу: здѣсь Медикъ и припомъ Нѣмчинъ, то онъ въ мигъ разкупорипъ свою хранину, и выпюлкаетъ пришельца вонъ. Не удачна ли моя выдумка? — Никуда не годипся, любезный другъ, опивѣчалъ Трофимъ Ивановичъ, глядя по своей лысинѣ; эпо будетъ хуже, чѣмъ ломать двери.

Вотъ я-то выдумалъ средство, такъ ужъ самое надежное! Подожди меня здѣсь, а я ворочусь черезъ минуточку.

Онъ выбѣжалъ, и дѣйствительно чрезъ полчаса возвратился, но не одинъ. Съ нимъ былъ Сисой, и оба тащили портфель Людмилы. — Это за чѣмъ? спросилъ удивленный Макаръ. — А вотъ увидишь, ошвѣчалъ новаго рода лекарь. Прислоня портфель къ спиѣнѣ, онъ подошелъ къ дверямъ, приложилъ губы къ замочной скважинѣ, и во весь голосъ возопилъ: г. Аристѣонъ! бывши у васъ поутру, я по несчастію забылъ объявить одно изъ повелѣній г. Горгонія, которое состоитъ въ томъ, чтобы портфель дѣвицы Людмилы украшалъ вашу библіотеку; онъ теперь здѣсь; извольте-ка отпереть двери, и мы его внесемъ. Вѣдь должно же исполнить господскую волю.

Проговоря эту рѣчь, онъ опиралъ опъ замка губы, а приложилъ ухо. Къ удивленію Макара и Сисоя, всѣ потчасъ слышали легкой шумъ, наконецъ скрипѣніе ключа, дверь отворилась, и блѣдный, из-

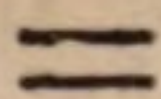

пощавшій Аріспіонъ быспро вышедъ, и увидя въ самомъ дѣлѣ порпирепъ, спросилъ Трофима: и тебѣ Горгоній эшо приказывалъ? — Смѣлъ ли бы я безъ почнаго приказанія эшо сдѣлать?—Ахъ! какъ я благодаренъ тебѣ за сіе извѣстіе.

Всѣ чешверо торжесшвенно внесли порпирепъ въ библіошеку, и Аріспіонъ долго размышлялъ, гдѣ бы приличнѣе его поспавишь. Всего бы лучше въ проспѣнку между двухъ оконъ, у коей споялъ письменной споль; но окна у небольшого деревенскаго домика были шакъ малы, а порпирепъ шакъ великъ, чшо заслонилъ бы оба окна. Послѣ общаго совѣщанія, положено, да лучше и распорядишь было не можно, поспавишь порпирепъ у спѣсны на правой споронѣ прошивъ большаго зеркала, висѣвшаго на лѣвой, шакъ, чшо Аріспіонъ, сидя за книгой, когда оборачивался вправо, видѣлъ каршину, а влѣво ея изображеніе въ зеркалѣ. Онъ сѣлъ въ кресла, оборачивался шуда и сюда, и не могъ не возхищашься. Трофимъ, копорый, споя за креслами, повшорялъ шѣже опы-

шы, примѣшилъ, что письмо Кассіаново лежишь на столѣ неразпечатаннымъ. Ба, ба! вскричалъ онъ, взявъ въ руки пакетъ и поворачивая его на обѣ стороны: вы, сударь, его и не читали? О, этого нельзя было ожидать отъ военнаго человека, воспитаннаго въ столицѣ! Письмо отъ искренняго друга, и лежишь болѣе половины дня непронутымъ! Прочтите, пожалуйста, да скажите и намъ, какая дана вамъ инструкція?

ГЛАВА LXII.

УТѢШЕНІЕ.

Аристіонъ долженъ былъ послушаться: вскрылъ письмо шепещущею рукою, пробѣжалъ наскоро, и пурпуръ раз-

лился на блѣдныхъ щекахъ его, томные глаза его заблестали. — Не моя ли правда, вскричалъ Трофимъ: я предчувствова-
лъ, что шутъ есть что-нибудь хоро-
шее. Что жъ такое, сударь? — Твоя правда,
сказалъ Аристіонъ, вставая съ креселъ и
быстро смотря на портретъ: Макаръ! сей-
часъ одѣваться; мы вмѣстѣ ѣдемъ къ Зи-
наидѣ на вечеръ! — Да прочтите, сказалъ
Трофимъ съ неперывнѣмъ, и Аристіонъ
вслухъ прочелъ слѣдующее:

«Любезный другъ!

«Горгонію необходимо надобно отпра-
виться въ губернской городъ недѣли на
двѣ, или и болѣе. Я дѣлаю ему шовари-
щество. Зная, что сидѣть все за книга-
ми хоть кому надоѣстъ, а посѣщаютъ па-
новъ нашихъ, Сильвестра, Тараха и Па-
рамона, и того скучнѣе, да и не зачѣмъ;
я упростилъ почтенную Зинаиду дозволилъ
тебѣ быть у ней въ домѣ во всякое вре-
мя, означенное благоприспѣшностью. Про-
ся ее о семъ, я былъ увѣренъ въ ея чест-
ности, а она, давая согласіе, не меньше

увѣрена была въ спрогой добродѣтели своей дочери. Проспи и будь здоровъ.

«Твой другъ Кассіанъ.»

Ну, не моя ли правда, сказалъ Трофимъ шоржесшвенно, что теперь не время посѣщать Зинаиду? Вотъ, продолжалъ онъ, вытащивъ изъ кармана огромные серебряные часы, седьмой часъ въ половинѣ; пока доѣдете, будетъ осьмой въ исходѣ; судите же, исполните ли вы благоприсойность, совѣруемую Кассіаномъ? Подите — ка лучше въ споловую, да покушайте, и выпейте рюмку доброй мадеры за здоровье, за чье хопите. Если угодно, то завтра, буде погода дозволишь, и я съ вами отправлюсь верхами; а если случится ненастье, то — посмотришь: устро вечера мудренѣе. — Бышь такъ, сказалъ Аристѣонъ вздохнувши, если въ вашей споронѣ такой обычай. Въ столицѣ въ десять часовъ вечера начинаются только посѣщенія. — А здѣсь, отвѣчалъ дворецкій, въ эту пору ложатся спать; за то по упряму, а особливо весною и лѣтомъ, вспаютъ съ

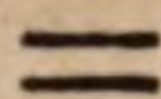

восходомъ солнца, вмѣсто того, что въ вашей столовѣ спяшь до полудня.

Догадливый Сысой, оплучившійся за нѣсколько времени, вошедъ объявилъ, что какъ прежде поданное на столъ кушанье давно уже оледенѣло, то онъ носилъ его на кухню, гдѣ оно разогрѣно, и теперь все готово. Аристѣонъ съ веселымъ духомъ сѣлъ за столъ, съ аппетитомъ поѣлъ, за здоровье извѣстной ему особы выпилъ рюмку вина, и разпуспя слугъ дѣлашь, что кому угодно, уединился въ библіотеку и засѣлъ за книгой. Письмо Кассіаново лежало передъ нимъ, и при всякомъ на него взглядѣ, кровь быспрѣе начинала печь въ жилахъ его. Въ столовой пробило 12 часовъ, и Макаръ явился. Если вы, сударь, сказалъ онъ, намѣрены всю осеннюю ночь просидѣть безъ сна, глядя на эту красивую картину, такъ раздѣвайтесь сами, а я, поужинавъ по-деревенски, право хочу уснуть. — Спупай съ Богомъ, сказалъ Аристѣонъ: ты видишь, что я въ шлафрокѣ, такъ конечно и самъ раздѣнусь. — Когда Макаръ вышелъ, онъ взялъ

свѣчку, подошелъ къ порпшепу, и, посмотря на него съ умиленіемъ, сказалъ: спокойной ночи, прекрасная Людмила! — Онъ пошелъ въ свою спальню, раздѣлся и легъ въ постель. Послѣ двухъ ночей, проведенныхъ шакъ безпокойно, онъ погрузился въ глубокій сонъ.

ГЛАВА LXIII.

ЗАТРУДНЕНІЕ.

Едва онъ поутру открылъ глаза, какъ услышалъ, что на спѣнныхъ часахъ бѣепъ восемь. Онъ ахнулъ и вскочилъ, ибо со времени пребыванія въ деревнѣ, никогда не просыпалъ такъ долго. На звонъ колокольчика, Макаръ предсталъ передъ нимъ. Спарикъ, сказалъ онъ: уже очень

поздо; вели осѣдлать скорѣе двѣ лошади, а я между тѣмъ одѣнусь. — Не угодно ли привспашь съ постели и выглянушь въ окно. — Аристіонъ это сдѣлалъ, и впо-рично ахнулъ, увидя что изъ пасмурныхъ облаковъ крупный, частый дождь билъ въ окна. — Подумавъ нѣсколько, онъ сказалъ хладнокровно: что жъ за бѣда? Вели заложить карету. — А какъ же право имѣемъ мы кому либо приказывать? — Да Трофимъ вчера самъ сказывалъ, что... — Что можно бы исполнишь ваше желаніе, если бы погода была лучше, а то спойтъ ли самое дѣло того, чтобъ мучить людей и лошадей? — Ты, Макаръ, съ нѣкотораго времени сдѣлался великимъ спорщикомъ! — Я никогда не ослушаюсь, когда вы приказываете то, что исполнишь можно. — Хорошо, позови ко мнѣ Трофима. — Трофимъ Ивановичъ ночью заболѣлъ, да и такъ опасно, что прогналъ отъ себя Сыся, принесшаго самой сыпной завтракъ. Последній займется должностью по дому; къ тому жъ вы знаете, что кромѣ ихъ двухъ, повара и насъ, нѣтъ никого въ до-

мѣ, и кто пойдешъ въ деревню, чшобы позвать къ себѣ кучера, или лучше ска-
зать, мужика, которъй опъ роду не си-
живалъ на каретныхъ козлахъ, а наспо-
щихъ двухъ кучеровъ и фореѣшоровъ взялъ
съ собой Г. Горгоній.

Понимаю, сказалъ Аристіонъ тихо: но
лицо его и глаза изображали негодованіе.
Я на дождь не посмотрю, и дорогу найду
одинъ; давай одѣваться. — Это въ вашей
волѣ, сказалъ равнодушно Макаръ: но я
не думаю, чшобы вы захотѣли предъ Зи-
наидой и ея дочерью явиться съ ногъ до
головы покрытые грязью, и что объ
этомъ подумающъ сосѣди, да и сами хо-
зяйки?

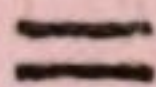
Аристіонъ задумался, вздохнулъ, и по-
слѣ сказалъ: спасибо, Макаръ, за добрый
совѣтъ; шы на этошъ разъ догадливе
меня; да и то правда, кровь швоя не ки-
пишъ и голова не кружишся. Давай плаф-
рокъ; я весь день пробуду въ библіотекѣ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ исполнилъ свое
слово, занимаясь писаньемъ, чпеніемъ и
разсмаприваньемъ поріпреша. Когда при-

шло время иппи въ спальню, онъ съ зардѣвшимися щеками подошелъ къ живописной Людмилѣ, осмѣлился приложить пламенные губы свои къ щекѣ ея, и вышелъ съ сильнымъ біеніемъ сердца.

Какъ прошелъ сей день, такъ почто прошла вся недѣля. Дождь не унимался. Аристѣонъ всякой разъ при пробужденіи взглядывалъ на окно, вздыхалъ и произносилъ помно: видно и эшопъ день для меня потерянъ!

ГЛАВА LXIV.

ПОСЛѢ НЕНАСТЫЯ ВЕДРО.

Наконецъ небо умилосердилось надъ пламеннымъ любовникомъ. Въ одно утро, привспавши на постелѣ, онъ увидѣлъ восхо-

дящее свѣтлое солнце, и кровь въ жилахъ его заиграла. Быстро вскочилъ онъ, накинулъ шлафрокъ и бросился въ библіотеку. Прекрасная Людмила! вскричалъ онъ, приложивъ губы свои къ губамъ ея, сего-дня надѣюсь имѣть счастье видѣть тебя, поцѣловать милую ручку твою и открыть пламенную любовь свою. Нѣтъ нужды, что мать при тебѣ будетъ. Непорочная любовь не есть преступленіе и предъ взорами любви первобытной, всевѣчной, которая создала міры, и ими управляетъ.

На ту пору и Трофимъ Ивановичъ выздоровѣлъ. — (Аристѣонъ гораздо послѣ узналъ, что онъ никогда и не былъ боленъ, а сказался такимъ для того, что въ его лѣта, съ его чревомъ нарочито увѣсисшимъ, подъ проливнымъ дождемъ скакать за неперпѣливымъ любовникомъ, крайне казалось невыгоднымъ). Онъ поздравилъ боярина съ прекраснымъ упрямъ, и сказалъ улыбаясь: не знаю, будете ли вы довольны сегоднешнимъ моимъ распоряженіемъ. Съ восходомъ солнца опправилъ я

десятскаго къ Зинаидѣ съ поклономъ опъ
вашего имени и съ просьбою о дозволеніи
у нее опобѣдать. — Опъ радости сердце
у Ариспіона запрепело. Онъ вскочилъ,
обнялъ вѣспника съ воспоргомъ, и угова-
ривалъ его взять участіе въ завпракъ и
провести вмѣстѣ время до шѣхъ поръ,
пока не возвратится посланный; однако
Трофимъ Ивановичъ опклонилъ эпо пред-
ложеніе, объявивъ, что у него по дому до-
вольно дѣла: но при семъ обѣщался, что
какъ скоро полученъ будетъ опъ Зинаи-
ды опзываетъ, шо не замедлитъ и его увѣ-
домить.

Ариспіонъ не теряя времени одѣлся въ
охотничье плаще, съ неперпѣніемъ ожи-
далъ появленія Трофимова, и сей не за-
ставилъ долго себя дожидаться. Онъ
предспалъ въ облаченіи ничѣмъ не хуже,
какъ и спаринный Санхо Панса. Намъ
сказали — вскричалъ онъ, войдя въ по-
кой: — милости просимъ! — Лошади осѣд-
ланы, ружье мое заряжено, гоповы ли вы? —
Съ быспропой вѣпра Ариспіонъ схва-
тилъ охотничій приборъ, взялъ Трофима

за руку, вышелъ, оба сѣли на коней и выѣхали.

Дорогою чуть было у нихъ не дошло до распри. Аристѣонъ хотѣлъ скакать во всю лошадиную прышь; но спутникъ его взялъ съ собой легавую собаку, ѣхалъ шагомъ, и объявилъ торжественно, что намеренъ охопиться. Сколько любовнику ни досадна была такая затѣя Трофима Ивановича, но нѣчего было дѣлать. Онъ не зналъ порядочно дороги къ жилищу Зинаиды, ибо при всѣхъ прежнихъ посѣщеніяхъ съ проводникомъ, онъ болѣе думалъ о хозяйкахъ, чѣмъ замѣчалъ дорогу, а потому и теперь боялся сбиться, и по неволѣ долженъ былъ держаться слѣдовъ своего сопутника. Однако, къ утѣшенію ихъ, дичи попадалось множество, и они наспрѣлавши ее довольно, съ торжествомъ въѣхали на дворъ панской.

ГЛАВА LXV.

СЛАДКАЯ НАДЕЖДА.

—
Молодой гость принявъ былъ доброхотно, равно какъ и плоды его охоты. — Зинаида сидѣла за книгой, а Людмила за пальцами. — Послѣ общихъ привѣтствій, копорыя вездѣ нужны, хотя нигдѣ ничего не значащъ, Арисписъ, сѣвши подлѣ Зинаиды, и помолчавъ нѣсколько времени, сказалъ по видимому весьма хладнокровно: почтеннѣйшая женщина! Вы знаете, что я не богашъ, не знаменъ, однимъ словомъ, я, не имѣя никакихъ достоинствъ, осмѣлился полюбить безцѣнную дочь вашу Людмилу. Опѣ васъ зависитъ мое счастье, самая жизнь моя!

Съ этими словами онъ упалъ на колѣна предъ Зинаидой, преклонился ницъ, и слезы на глазахъ его заструились. — Зинаида казалась крайне встревоженною, подняла

Ариспіона, велѣла сѣсть на прежнее мѣсто, и спросила крошкимъ голосомъ: скажите яснѣе, чего вы опѣ меня пребуете? — Я прошу руки вашей дочери! — И она на это согласна? — Я прежде рѣшился просить согласія опѣ мапери, и если буду споль счасливъ, что получу оное, то брошусь на колѣна предъ несравненною Людмилою, и постараюсь умолишь ее о сосвѣспіи. — Вы поступили благородно, и я не останусь непризнашельною. Людмила! ты слышала предложеніе Ариспіона. Обспояпельство это къ тебѣ ближе, чѣмъ ко мнѣ. Что ты скажешь? — Щеки Людмилы пылали, слезы брызнули изъ глазъ ея; она вспала изъ-за палецъ, и сказавъ мапери: вы знаете, что воля ваша всегда была моимъ закономъ, поспѣшно вышла изъ комнашы. — Зинаида такъ же была въ слезахъ: но всѣ чершы лица показывали, что это слезы не были слезы горести.

Сынъ друга моего! сказала она съ нѣжностью: вы спойте любви моей и почшенія; но этого не довольно. Мнѣ кажется,

что и Людмилъ умѣли вы сдѣлаться занимабельны; но и сего недоспапочно. — По спеченію обстоятельствъ, судьба ваша совершенно зависить отъ произвола другаго, а по сему справедливостъ и благоразуміе пребуютъ, чпобы вы предварительно испросили на это согласіе отъ почтеннаго друга нашего, Горгонія. Какъ скоро союзъ сей ему не пропивенъ, то благословеніе Неба и мое да будетъ надъ вами.

Аристіонъ облобызалъ руки ея, и далъ слово не говоришь о спрасти своей до пріѣзда благодѣтеля. Людмила, по зву матери, наконецъ явилась; весь день и вечеръ прошелъ въ очарованіи любовниковъ, ибо всякой, я думаю, давно догадался, что и красавица была равнодушна къ Аристіону. Въ девятомъ часу Трофимъ пришелъ намѣкнушь, что ночь на дворѣ и лошади готовы. Молодой человекъ, прощаясь съ любовницей, осмѣлился прошептать ей на ухо: или моя — или я самъ не свой!

Дорогою Аристіонъ спроилъ прекрас-

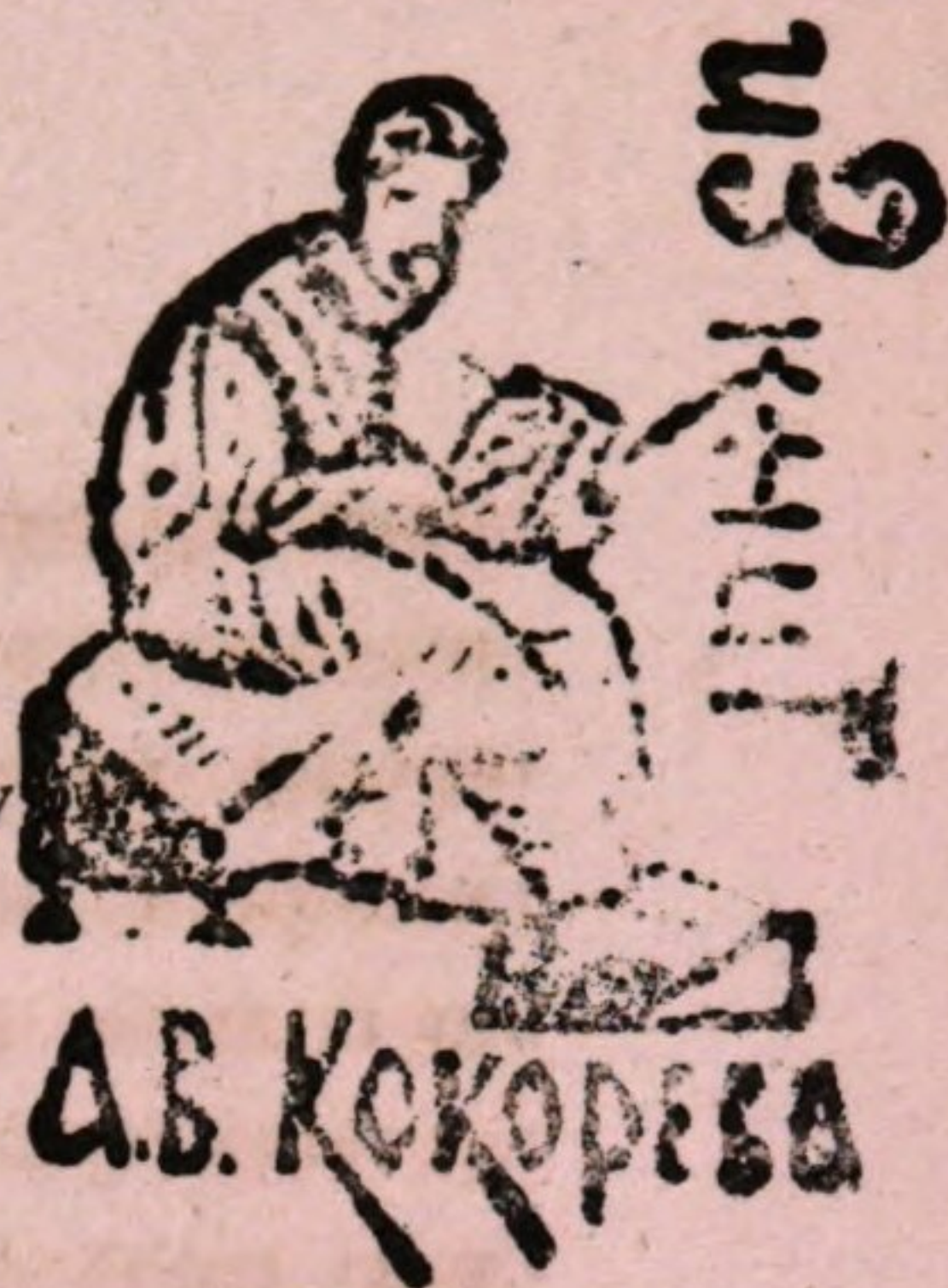

ные воздушные замки. Онъ былъ полонъ
воспора, и не могъ понять, отъ чего
спутникъ его морщился и зѣваетъ.— Не-
ужели ты, вскричалъ онъ, никогда не
любилъ прекрасныхъ дѣвушекъ, что ви-
дя меня въ пламени, холоденъ, какъ ледя-
ная глыба? — Если бы и былъ такой
грѣхъ, оправдалъ бы, заикаясь отъ зѣ-
воны и упирая слезы, такъ очень давно,
и чувствую это кажется мнѣ теперь су-
щимъ дурачествомъ. Правда, безъ любви
жить скучно, а потому я все еще влюб-
ленъ, и останусь таковымъ до гроба, но
въ кого? Въ сыпныя кушанья, въ хоро-
шее вино, и въ мягкую постель! Дай же
шолько добраться до дому, такъ вы мо-
же быть очевидцемъ любовныхъ моихъ
воспорговъ.

ГЛАВА LXVI.

УВЫ! НАДЕЖДА ОБМАНУ

По прибытіи домой около полуночи, Ариспіонъ отказался опъ ужина, и опправился въ свое уединеніе. — Каждый день проходилъ такимъ же образомъ: любовникъ не заставлялъ болѣ увѣсиспаго Трофима бытъ своимъ соупникомъ, и всякой разъ опправлялся одинъ, не смопря ни на какую погоду. — Вы измучите всѣхъ лошадей, замѣшилъ однажды Макаръ, и Ариспіонъ удовольспвовался опвѣпомъ: я, и моя лошадь, подъ однимъ небомъ. Если вѣспрь и дождь мнѣ вреда не дѣлаютъ, шо коню и подавно ничего не спанется.

Сенсябрь приближился къ концу, и въ одно утро Трофимъ, посѣпивши нашего опшельника, сказалъ: я получилъ опъ господина письмо, въ коемъ увѣдомляетъ о днѣ своего выѣзда изъ города. Судя по

времени; онъ завтра будетъ дома. Сообщенно къ вамъ пришелъ я съ тѣмъ, чшобы попросить извиненія въ обманѣ, копорый впрочемъ послужилъ къ вашей же пользѣ: вы припомните, что нѣсколь-ко недѣль назадъ, вздумалось вамъ умереть съ голоду; привеспи васъ въ разсудокъ, я не нашелъ лучшаго средсва, какъ опдасть вамъ на время живописную Людмилу, хопя г. Горгоній не говорилъ о томъ ни слова; и такъ позволите мнѣ теперъ же эшопъ портретъ поставишь на прежнемъ мѣстѣ.

Измѣнившійся въ лицѣ Аристіонъ, по нѣкопоромъ молчаніи, опвѣчалъ: швой обманъ дѣйспвишельно жестокъ! Мысль, что Горгоній замѣпилъ спрасъ мою и ее одобряетъ, меня восхищала; теперъ же я долженъ оспашься въ ужасной неизвѣспности. — Она не будетъ продолжи-пельна, опвѣчалъ хладнокровно Трофимъ, и завтра же все объяснишь. Впрочемъ, видя каждой день Людмилу одушевленную, можно уже обойпись безъ ея бездушнаго портрета.

Такимъ образомъ изображеніе прекрасной Людмилы, сопровождаемое вздохами страстнаго любовника, шоржеспвенно опнесено на прежнее мѣсто.

На другой день, когда Аристіонъ въ глубокія сумерки возвратился домой, бдительный Макаръ извѣспилъ его о пріѣздѣ Горгонія и Кассіана. Онъ присовокупилъ, что цѣлая бричка наполнена кусками суконъ, разныхъ матерій и посудой. — Сердце Аристіона радостно зашрепепало отъ пріятнаго предчувствія. Узнавъ, что онъ не прежде можетъ видѣть своего благодѣтеля, какъ поупру, онъ далъ волю своему воображенію, и довольно основательно расчелъ, что Горгоній не за чѣмъ другимъ ѣздитъ въ городъ, какъ за покупкою вещей, нужныхъ къ свадьбѣ. — Рано поупру онъ уже былъ одѣтъ, и съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ Соса, чпобъ услышатъ отъ него каждодневныя слова: завпракъ гошовъ, васъ ждупъ! Наспала наконецъ эша минуша, и онъ полетѣлъ въ большой домъ на крилахъ любви и надежды.

Первыя минушы свиданія прошли со спороны Аріспіона въ зашверженныхъ на канунъ вѣжливостяхъ, а со спороны Горгонія, а особливо Кассіана, въ нѣжныхъ ласкахъ.—Аріспіонъ! сказалъ весело Горгоній по окончаніи завпрака и по выходѣ Сысоа: я привезъ тебѣ изъ горсда вѣспи, и думаю, непротивныя. Въ шеченіе болѣе нежели года, шы, надѣюсь, довольно хорошо вызналъ нравъ швоего друга Горгонія. Изъ уваженія и любви къ памяти отца швоего, я хочу засшупишь его мѣсто, войши въ его права и обязанности, и сдѣлашь тебѣ счастливымъ. Я высвапалъ за тебѣ невѣсту предорогую, первую въ городѣ, словомъ—дочь Маршала Пухохвоспова, дѣвицу Хавронью Епофродитовну. Она конечно нѣсколько старѣе тебѣ,—ей съ небольшимъ придцашь лѣтъ,—нѣсколько ряба опъ оспы, опъ кошорой лишилась праваго глаза и носишь спеклянній, — нѣсколько косолапа, но за шо цѣломудренна—какъ Сусанна, нѣжна—какъ Аркадская паспушка, и лѣвой глазъ ея покрывъ почти всегда перловою слезою

опъ соспранія къ бѣднымъ; а что все-
го лучше, она несетъ въ приданое тыся-
чу душъ крестьянъ; я съ своей стороны
опъ имѣнія моего опдѣляю столько же,
и ты будешь послѣ меня первый помѣ-
щикъ во всей здѣшней округѣ.

Ариспiонъ помершвѣлъ, колѣна его за-
дрожали, глаза покрылись мракомъ, и онъ
упалъ бы на полъ, если бы Кассiанъ не
поддержалъ его и не усадилъ въ кресла.—
Когда первое волненіе прошло, и глубокій
вдохъ облегчилъ грудь сменящаго, Гор-
гоній сказалъ очень важно: я думалъ, мо-
лодой другъ мой, сею вѣспью тебя обра-
довашь, а вижу прошивное! Что бы эпо-
му за причина? — Милоспивый государь!
опвѣчалъ Ариспiонъ помнымъ голосомъ:
если вы счишаете меня корысполюби-
вымъ, то конечно я прошивъ чаянія по-
далъ къ этому причину. Пусть будешь
во мнѣ множесшво другихъ пороковъ, но
опъ эшого оприцаюсь. Я люблю, и лю-
бовь моя не имѣетъ предѣловъ. Удержи-
те у себя опдаваемыя мнѣ тысячу душъ
крестьянъ, и дайте дозволеніе имѣть од-

иу Людмилу, ибо безъ вашей воли машъ не рѣшаешся вручить мнѣ дочь свою. Ничего, ничего мнѣ опъ васъ не надобно, вскричалъ онъ, бросаясь къ ногамъ Горгонія и обнимая его колѣна.

Горгоній вырвался, закрылъ глаза рукою, и поспѣшъ вышелъ. Кассіанъ вскричавъ въ слѣдъ ему: не довольно ли, любезный другъ? шакже выбѣжалъ.—Аристіонъ безъ чувствъ опустился на полъ.—Вскорѣ Трофимъ, Сисой и рыдающій Макаръ прибѣжали, взяли его на руки, опнесли въ домикъ и уложили въ постелю.—Мнѣ кажешся, замѣшилъ нахмурясь дядька, что господинъ нашъ не черезъ - чуръ ли уже проказничашъ изволишъ! — И мнѣ кажешся, сказалъ Трофимъ съ важностью, что усердный Макаръ не много ли умничаешъ. —

ГЛАВА LXVII.

ОТЧАЯННАЯ РЕШИТЕЛЬНОСТЬ.

Молодость и крѣпкое сложеніе возвращали Аристіона къ жизни. — Макарь, сказалъ онъ: тебѣ извѣстенъ отвѣтъ Горгонія на просьбу мою о позволеніи любить Людмилу? Ахъ! онъ вышелъ изъ комнашы, не удостоивъ меня ни однимъ словомъ! — Макарь оборотился къ нему спиною, чѣобы скрыть смущеніе свое и слезы. — Праведный Боже! сказалъ со вздохомъ Аристіонъ, и опять погрузился въ мрачное забытїе.

Два дня и двѣ ночи провелъ онъ въ постелѣ. Никто не являлся къ нему, кромѣ Сисоя и Макара, копорый сидѣлъ подлѣ изголовья постели и чиналъ въ слухъ молитвы. Въ прерпій день Аристіонъ могъ уже, хопя и не очень твердо, ходить по комнашѣ. — Подъ вечеръ Макарь сказалъ:

если вы и подлинно такъ любите Людмилу, то что намъ нужды слишкомъ уважаясь зайти Горгонія и Зинаиды? Денегъ у насъ покаместъ довольно: дайте только согласіе, и я въ эту еще ночь увезу вашу невѣсту; попъ въ недалекомъ селѣ мнѣ пріятель, онъ васъ обвиняетъ, а тамъ что будетъ, то и будетъ.

Если бы, Макаръ, отвѣчалъ Аристѣонъ, у тебя меньше было сѣдинъ, то ты понесъ бы всю тяжесть моего гнѣва. — Когда я обожаю существо того достойное, то ужели не усмрашусь предать имя его поруганію — Нѣтъ! пусть Провидѣнію угодно видѣть меня несчастливымъ: я гошовъ спрадась, но никогда не поражу доброй мащери и не оскорблю благодѣтеля! Онъ губитъ меня и самъ того не зная. Оставь меня одного, я хочу успокоиться.

Макаръ вышелъ очень печаленъ. — Господинъ его погрузился въ задумчивость, и пробылъ въ семъ положеніи до девятого часа ночи. Въ это время онъ вскочилъ, одѣлся въ охотничье платье, ушелъ въ

свою библіотеку и написалъ письмо къ Горгонію.

«Милоспивый государь!

«Благодѣянія ваши пребудутъ для меня незабвенны даже за предѣлами гроба. Вамъ не угодно было сдѣлать меня счастливымъ по моему, а по вашему я не могу быть счастливъ. Беру съ собою подаренныя вами деньги, ружье и пару писповъ. Умоляю васъ, прилагаемую записку вручить Зинаидѣ. Дайте покой моему спарому Макару; онъ за свою службу того давно споилъ. Не откажите мнѣ въ вашемъ благословеніи, а я благословляю руку вашу, сколько меня покаравшую. Да блюдетъ Господь Богъ драгоценные дни ваши для счастья многихъ. Скажите почтеннѣйшему Кассіану, что я любилъ его, какъ отца своего. — Простите, Зинаида! Людмила! Простите всѣ!»

Въ запискѣ на имя Зинаиды сказано:

«Вамъ угодно было дозволилъ мнѣ любить драгоценную Людмилу подъ ужаснымъ условіемъ. Горгоній, вашъ другъ, на

Часть V.

это не согласенъ. — Сей часъ отправляюсь въ армію. Если удаленіе мое будетъ Людмилѣ чувствительнѣе, молю васъ—ее утѣшить; если же напропавъ, не говорите ей о прошедшихъ мечтахъ моихъ ни слова. Припадая мысленно къ ногамъ вашимъ, остаюсь несчастнѣйшимъ изъ людей.»

Р. С. Когда получите сію записку, я буду уже далеко. Прощайте.

Запечатавъ эти два письма, Аристіонъ положилъ ихъ на окнѣ въ споловой, вооружился, накинулъ шинель и фуражку, задушилъ свѣчи, вышелъ изъ своего армяка, заперъ двери, повѣсилъ ключъ на щеколдѣ и пошелъ со двора, куда несли ноги, не смотря на самую ненастную ночь осеннюю.

Случилось же, что Трофимъ Ивановичъ въ этотъ вечеръ праздновалъ всерадостный день своего рожденія. Деревенскій староста и нѣсколько сотскихъ и десятскихъ пришли къ нему съ поклонами и приносами. Макара ли при семъ случаѣ забудетъ? Онъ такъ-то не забудетъ, что очутился

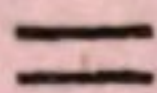
на крыльцѣ своего домика уже въ полночь. Не мало подивился онъ, нашедъ назаперти двери. Сколько ни спучалъ, отвѣта не было. Съ великимъ безпокойствомъ бросился онъ въ большой домъ, взялъ Сисю съ фонаремъ, ибо дождь и снѣгъ запушили бы всякой факель, и отправился на прежнее мѣсто. Скоро найденъ былъ ключъ, и у Макара волосы спали дыбомъ. Съ препеномъ отворилъ онъ двери, освѣтилъ храмину, и два роковыя письма представились глазамъ его. — Это не даровое, сказалъ онъ въ полголоса: схватилъ письма и опрощею бросился въ большой домъ; но Трофимъ Ивановичъ объявилъ, что господа уже започивали, и онъ не смѣетъ ихъ перевозить. — Такъ я осмѣлюсь, вскричалъ Макаръ съ горестью, и поднялъ въ верхъ письма. Боже мой! Аристѣонъ можетъ погибнуть, а имъ и дѣла нѣтъ! — Трофимъ такъ же въ свою очередь задрожалъ, взялъ свѣчу и письма, и бросился въ спальню Касіана, ибо на ласковой нравъ его болѣе полагался, чѣмъ на важность слишкомъ спешеннаго Горгонія.

Кассіанъ, разломавъ печати и прочтя письма, сильно вспревожился. Вошъ чпо называется, сказалъ онъ пасмурно, не знашь середины! Не я ли пророчилъ ему? — Съѣшими словами онъ надѣлъ золописныя шуфли, накиннулъ пшэфный шлафрокъ, взялъ свѣчу въ руку и бросился въ спальню Горгонія. — Проснись, другъ мой, вскричалъ онъ, я имѣю къ тебѣ нужду. На, прочти, и подивись спранной рѣшимости молодого человѣка. — Горгоній прочелъ письма, и — въ самомъ дѣлѣ не мало удивился. — Ну, чпоже будемъ дѣлать? спросилъ онъ, и задумался. — Разумѣется, опвѣчалъ Кассіанъ, нѣчего больше какъ ждашь ушра. Проливной дождь льется съ неба, грязь по колѣна, и онъ далеко не забредешъ. Какъ только разсвѣнешъ, Сисой приведешъ сюда изъ деревни человѣкъ десяти верховыхъ, я брошусь на коня и пущимся въ погоню. — Другъ мой! по наспоющему, шакъ мы должны были предвидѣшь эшу непріятность. — Аристіонъ очень добръ опъ природы, но модные воспитатели не думали ограничивашь въ немъ не-

укропимую пылкость нрава. Одно время и опыты могущъ усмирить его. — Однако же, сказалъ Горгоній, эту ночь мнѣ не поспится, хотя я ничего худого не предчувствую. — А развѣ я менѣе люблю его? отвѣчалъ Кассіанъ, и оперъ выкапавшуюся слезу. — Поговоря еще нѣсколько времени о семъ происшествіи, они расстались, утѣшая одинъ другаго, что будущимъ же упрямъ бѣглець непременно достигнуть будетъ.

ГЛАВА LXVIII.

ТЩЕТНЫЕ ПОИСКИ.

Едва начало свѣшати, уже бодрспивенный Сисой съ десятию всадниками ввалился на дворъ господскій. Черезъ полчаса подвели лошадь для Кассіана; онъ сѣлъ, и

есѣ, въ сопровожденіи Макара, ибо онъ ни за что не хотѣлъ оспашься дома, пуспились въ поле въ разныя спороны, получивъ приказаніе къ обѣденной порѣ съ бѣглецомъ или и безъ него собирашья къ извѣстному уже шинку, недалеко отъ усадьбы пана Тараха. Кассіанъ велѣлъ Макару отъ него не отлучашья, и они объѣздили нѣсколько верстъ лѣсами, перелѣсками, полями и буераками; но нигдѣ и никого не видали, да и кого вынесешъ изъ теплой избы въ шаковую пору?

Въ урочное время мало-по-малу начали собирашья къ условленному мѣсту: но Аристіона не было. Всѣ думали, что Кассіанъ не будетъ ли счастливѣе; но и Кассіанъ показался съ однимъ Макаромъ. Когда они спѣшились, то Кассіанъ, осмотрѣвъ малой опрядъ свой, спросилъ: нѣтъ ли никакого слуха? — Есѣ, ошвѣчалъ одинъ изъ сопскихъ. Я пуспился на-удачу, какъ думаю и прочіе изъ моихъ шоварищей. Конь доволотъ меня до посшоялаго двора Никонова, и я, завернувъ къ хозяину, объявилъ причину своей прогулки. — Ты

говоришь чудеса, сказалъ Никонъ опоро-
пѣвши! ахъ, еслибъ я это зналъ, еслибъ
догадался! — Чпо такое? спросилъ я съ
надеждою сыскашь того, кого ищемъ. —
Никонъ съ печальнымъ видомъ отвѣчалъ:
Ариспѣонъ разбудилъ меня сегодня не за-
долго передъ разсвѣтомъ. Онъ сказалъ,
чпо благодѣтель его поручилъ нѣкоторое
важное дѣло, которое пребуешь, чпобъ
онъ никѣмъ узнанъ не былъ. Оставя свое
охотничье платье, онъ нарядился въ спа-
рую мою аммуницію, накинулъ шинель и
съ пѣмъ вышелъ.

Посудите, чпо я долженъ былъ почув-
ствовать! Я нещадно билъ ногами подъ
бока лошадь, пропиряхнулъ нѣсколько
верспъ по прямо, по въ право, по въ
лѣво, но все по пуспому. Когда же удо-
сповѣрился, чпо кляча моя, не только
ѣхалъ порядкомъ, но съ трудомъ и бре-
спи можешъ, я поворошилъ на дорогу къ
эпому шинку, дабы далъ опдыхъ бѣдному
животному.

Кассіанъ, подумавъ нѣсколько минушъ,
сказалъ спароспѣ: вы болѣе не нужны.

Вошъ тебѣ деньги, на копорыя накормишь своихъ сопутниковъ, и отправишесь въ свои дома. Ты Макаръ поѣдешь со мною; обѣдай проворяѣе.—Послѣ сего онъ вошелъ въ корчму, кое-чего перекусилъ, попомъ сѣлъ на лошадь, и сопровождаемый усерднымъ дядькою, пущился по прямой дорогѣ.

Помнился въ письмѣ къ Зинаидѣ, сказалъ онъ про себя, Аристіонъ пишеть, что отправляется къ арміи. Не понимаю, какъ мнѣ объ этомъ не пришло на мысль прежде. Тамъ и надобно искать его.

Кассіанъ, расположа свой планъ сколько можно лучше, направилъ путь къ уѣздному городу, гдѣ находилась полковая квартира,—но напрасно; про Аристіона тамъ никшо и не слыхивалъ. Онъ поѣхалъ въ другой городъ, и тамъ такая жъ удача. Словомъ, онъ проѣздилъ изъ одного мѣста въ другое болѣе двухъ недѣль, самъ успалъ и упомянулъ своего сопутника, но не нашелъ и слѣду бѣглеца своего. Въ губернскомъ городѣ онъ принужденъ былъ оп-

дохнушь, и дашь отдыхъ неуспѣшному Макару.

=

ГЛАВА LXIX.

БѢГЛЕЦЪ ОТЫСКАНЪ.

—

Въ одинъ день, во время обѣда у Предводишеля Дворянскаго, онъ разсказалъ причину своей поѣздки, и свое безпокойство, что не можетъ отыскать, кого такъ давно ищеть, умолчавъ однако жъ о его имени и званіи. — Тупъ же бывшій за споломъ пожилой Генералъ въ кавалерійскомъ мундирѣ, обращаясь къ нему, сказалъ: опишите пожалуйста наружность бѣглеца вашего, и я можетъ быть дамъ вамъ нѣкоторое о немъ свѣдѣніе. — Когда Кассіанъ удовлетворилъ сему желанію,

по Генералъ, ударя себя кулакомъ по лбу, вскричалъ: убей меня сила драгунская, если это не онъ! Такъ точно онъ! Черты лица, даже одежда, ну все вошь какъ теперь вижу. Извольте выслушать, что я вамъ скажу: недѣля, или съ небольшимъ, тому назадъ, введенъ былъ ко мнѣ молодой, спашной, пригожій мущина въ спарой солдатской аммуниціи. На вопросъ, кто онъ таковъ и чего хочетъ, онъ отвѣчалъ, что зовутъ его Сидоромъ Безпалымъ, что будучи бѣднымъ дворяниномъ, безъ отца и безъ матери, онъ считалъ за самый приспойный способъ къ своему пропитанію иппи въ военную службу, а потому и просилъ о принятіи. — Я съ радостью на это согласился, отослалъ его въ роту, а самъ велѣлъ писать въ Военную Коллегію рапортъ о разрѣшеніи меня—принять въ командуемой мною полкъ безпомѣшнаго дворянина Сидора Безпалова. Дня три или четыре спустя, случилось мнѣ быть на ротномъ дворѣ, гдѣ происходило ученье. Не знаю откуда — убей его сила драгунская, — въ такое

короткое время онъ службу зналъ лучше, нежели старые служивые. Я шунъ же приказалъ ему исправлять должность младшаго вахмистра, и обѣщалъ произвестъ въ старшіе, какъ скоро получу указъ объ его опредѣленіи. Да чпо много болтаешь? Лакей! позови моего ординарца. — Ординарецъ явился, и получилъ приказаніе шопчасъ представитъ ему дворянина Сидора Безпалаго. Между шѣмъ обѣдъ кончился, и когда всѣ усѣлись въ госпиной, дворянинъ Сидоръ Безпалой явился предъ Генераломъ, и выпянувшись какъ теши-ва напянушаго лука, ожидалъ повелѣній.

Ахъ, шалунъ! раздался голосъ Кассіана. Аристіонъ — ибо эшо былъ онъ дѣйшвишельно — обратилъ шуда свои глаза и запрепещалъ. Кассіанъ бросился въ его объятія, и со слезами на глазахъ сказалъ: сколько ты надѣлалъ мнѣ хлопотъ, а всѣмъ печали! Готовься скоро въ обратной пунъ. Господинъ Генералъ! эшого рекруша я беру съ собою. Ему не прилично служишь солдатомъ, имѣя чинъ Капитана и орденскій крестъ на шеѣ. — Какъ? вскри-

чалъ Генерель, ударя себя по лбу: для чего жъ онъ меня обманывалъ, убей его сила драгунская?—Эпо домашнія обстоятельство, отвѣчалъ Кассіанъ; разкланялся съ собраніемъ, и увелъ съ собою Аристіона, непонимавшаго еще, что съ нимъ дѣлается.

По прибытіи на кварширу, Кассіанъ въ первой разъ послѣ знакомства съ молодымъ человѣкомъ, сдѣлалъ ему со всею важностію выговоръ за его необдуманность, безразсудность, даже неблагодарность. — Аристіонъ, упирая слезы, сказалъ: что же мнѣ оспавалось дѣлать?—Тоже, отвѣчалъ старикъ, что на твоемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы всякой, болѣе разсудительной. Если тебѣ не захопѣлось жить съ нами — ты не невольникъ! Зачѣмъ бѣгаешь тайно? Что за опчаянная мысль изъ Капишановъ — сдѣлаешься солдатомъ? Стыдись, Аристіонъ, и постарайся загладить сей пропускъ.

Виноватый почувствовалъ свое неразуміе, и опъ чистаго сердца просилъ прощенія. Прослезившійся Макаръ, при ко-

поромъ господину его чистана была проповѣдь, помными взорами умолялъ о помилованіи.—Какъ скоро и какъ охотно прощающъ вины шѣхъ, кого любяшъ!—Тогда же Макаръ привелъ портнаго и сапожника, коимъ заказано было сдѣлать — по мастерству каждаго — одежды и обуви въ довольномъ количествѣ.

Между шѣмъ Аристіонъ, по совѣту своего опытнаго друга, написалъ письмо къ Горгонію.—Онъ извинялся въ самыхъ пылкихъ выраженіяхъ, и всю вину свою складывалъ, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ, на безпредѣльность своей страсти, которая помушила въ немъ разумъ. — Онъ осмѣлился прибавить, что впредь не выйдетъ ни на шагъ изъ его повелѣній, однако жъ подъ условіемъ, что если суждено злымъ рокомъ не имѣть ему Людмилы, то вмѣстѣ съ шѣмъ не принуждать его имѣть жену другую, хотя бы она была прекраснѣе Елены Греческой, и богаче Царицы Голькондской.

Кассіанъ, которому онъ изъ довѣренности отдалъ письмо, прочелъ его со вни-

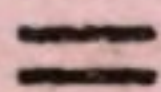

маніємъ, и послѣ сказалъ: хорошо! Гордоній принуждаешь себя не будешь; въ этомъ я ручаюсь за него, какъ за самого себя. Правда, Горгоній не забываетъ никогда принятаго имъ намѣренія, но и великодушію его я не знаю предѣловъ. Съ этою стороны будь покоенъ, молодой другъ мой.

Черезъ нѣсколько дней обновы для Аристіона были готовы, и онъ перерядился. Кассіанъ купилъ прекрасную карешу, нанялъ лошадей, и двухъ слугъ въ помощь Макару, и они оставили городъ. Судя по времени года, ибо Октябрь былъ за половину, погода спояла довольно хорошая, и наши путешественники благополучно прибыли въ домъ свой. — Тогда же узнали отъ домашнихъ, что за два дни Горгоній, бывши у Зинаиды, заболѣлъ, и тамъ остается. Тотчасъ отправленъ шуда нарочный съ письмомъ отъ Кассіана, къ вечеру полученъ отвѣтъ, и сей другъ уведомилъ Аристіона, что больному гораздо лучше, но что онъ, прося ихъ обоихъ не беспокоиться, вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ, чтобы и его не беспокоили, и что черезъ

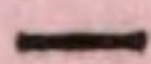

при дни, въ первое воскресенье онъ будетъ въ домъ свой съ Зинаидою и Людилою, которыя у него и опобѣждаютъ.— Все это хорошо и понятно, продолжалъ онъ: но для меня служишь сущою загадкою, что Горгоній рѣшительно пребудетъ, чтобы ты во всѣ эти при дни ни ногою не былъ въ большомъ домѣ, а въ прочемъ можешь прогуливаться, гдѣ хочешь, если погода дозволишь. Мнѣ дѣлается онъ такія порученія, что можетъ быть и я въ это время съ тобою не увижусь. Проси, любезный другъ, и будь покоенъ.

ГЛАВА LXX.

ТЯЖКАЯ НЕИЗВѢСТНОСТЬ.

Аристіону ничего не оспавалось, какъ только повиноваться, и онъ отправился въ свое уединеніе. — На другой день Ма-

каръ, вошедши къ нему въ библіотеку, сказалъ значительно: видно г. Горгоній не на шутку поднимаетъ пиръ; откуда ни взялись десять поваровъ и привезли изъ деревни нѣсколько подводъ съ разными съѣспными припасами. Въ домѣ превога необыкновенная. Уже не по прежнему. Въ помощь Трофиму Ивановичу и Сисою явились болѣе дюжины слугъ; кучера и форейторы хлопчущъ около каретъ и колясокъ. Все нижнее жильѣ занято женапыми челядинцами и горничными дѣвушками. Я прихожу въ соблазнъ думаешь: ужъ болѣзнь Горгонія не есть ли одна выдумка, и не зашѣялъ ли онъ подъ спаросъ жениться на Зинаидѣ, а можетъ быть и на самой Людмилѣ. Богатство чего не дѣлаетъ?

Эта мысль Макарова бросила въ поппъ Ариспіона. Онъ успавиль глаза на дядьку, приложилъ правую руку ко лбу, и помолчавъ нѣсколько, сказалъ дикимъ голосомъ: а почему и не такъ? Не мудрено, что догадка пвоя и основательна! Ахъ, я знаю на опытъ, что шеспидесятилѣпній

богачъ не рѣдко предпочищается двадцатилѣтнему бѣдняку. — Теперь-то я припоминаю спранный поступокъ Горгонія, когда въ первые услышалъ, что я обожаю Людмилу.

Горестное уныніе разлилось по всему существу Аристіона, и въ этомъ мрачномъ состояніи проведены имъ три роковыя дни. Кассіанъ къ нему не являлся, и онъ не смѣлъ спросить о причинѣ сего забытія. — Какъ скоро Макаръ начиналъ рѣчь о будущемъ праздникѣ, Аристіонъ вздрагивалъ и приказывалъ молчать. — Наконецъ насталъ и воскресный день. — Съ восходомъ солнца пробудился Аристіонъ, уединился въ свою библіотеку, и сѣлъ у стола, подперши голову обѣими руками. Сердце его сильно билось, кровь необыкновенно волновалась. Боже мой! сказалъ онъ въ слухъ: я не имѣю предъ глазами никакого несчастья, однако спрадаю не-сказанно! Чувствуешь ли ты это, Людмила?

Въ мигъ отворились двери, и Трофимъ Ивановичъ, въ самомъ праздничномъ наря-

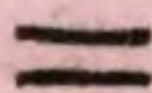
дѣ, предсталъ къ нему въ сопровожденіи двухъ незнакомыхъ слугъ, принесшихъ новую мундирную пару. — Поздравя его съ праздникомъ, объявилъ желаніе своего господина, чтобы Ариспіонъ облачился въ принесенное одѣяніе, и шелъ въ большой домъ слушать обѣдню, а г. Горгоній не замедлилъ пожаловать и привезеть для него дорогой подарокъ за послушаніе.

Ариспіонъ далъ имъ волю дѣлать съ собою, что хошашъ, и черезъ часъ былъ готовъ. — Тогда, въ сопровожденіи Трофима и Макара, послѣдуемый двумя слугами, вступилъ онъ на крыльцо господскаго дома, и опведенъ былъ въ кабинетъ, гдѣ объявлено ему новое повелѣніе не выходить за двери ни ногою. — Помня свое обѣщаніе, сдѣланное въ послѣднемъ письмѣ къ Горгонію, чтобы слушаться слѣпо его повелѣній, онъ сѣлъ у окна, и предался гореснымъ мечтаніямъ.

На спѣнныхъ часахъ пробило девять, и онъ вдругъ услышалъ на дворѣ спукъ экипажей, топотъ лошадиной и хлопанье бичей. Онъ вскочилъ, взглянулъ на дворъ,

и опспупилъ назадъ, не вѣря своему зрѣнію. Великолѣпная кареша, запряженная въ шесть лошадей, пребогатоубранныхъ, капилась впереди; за нею слѣдовала шакая жъ, а послѣ карешъ съ двадцать разнаго вида. Въ глазахъ у Аристіона зашуманілось. Онъ сказалъ съ тяжкимъ вздохомъ: о какъ наружность обманчива! Горгоній казался мнѣ шакъ добръ и великодушень, а не совѣспился дѣлашь меня свидѣшелемъ поржеспва своего! Ахъ, какъ больно, какъ несносно!

ГЛАВА LXXI.

КОНЕЦЪ ВѢЩАЕТЪ ДѢЛО.

Въ скоромъ времени двери кабинета открылись, и Аристіонъ онѣмѣлъ, думая при ясномъ днѣ видѣшь привидѣнія. Чшожъ

такое ему представилось?—Впереди шелъ Горгоній въ богашомъ бригадирскомъ мундирѣ; подлѣ него была Зинаида со слезами на глазахъ; а за ними, ведя за руку Людмилу, шелъ Кассіанъ въ шинномъ кафтанѣ, съ блестящею звѣздой на груди. Зинаида и Людмила были въ наряднѣйшихъ плащяхъ, осыпанныя алмазами и жемчужными украшеніями. Аристіонъ такъ былъ смущенъ, что успремя на пришельцевъ взоры, споялъ безъ всякаго движенія.—Горгоній, приближась къ нему, сказалъ съ нѣжностью и вмѣспѣ важностью: Аристіонъ! въ бышность швою въ сподлицѣ, ты по своей молодости пошелъ не прямою дорогою, и справедливостъ пребовала вывссши шебя на оную. Болѣе годичнаго времени, у меня проведеннаго, доказали мнѣ, что ты почувспвовалъ прежнее заблужденіе, и его возненавидѣлъ. Обойми во мнѣ опца своего Валеріана, и въ сей почщенной женщинѣ нѣжную мать швою Софію!

Башюшка! мапушка! вскричалъ дрожащимъ голосомъ Аристіонъ, и на мѣспѣ,

гдѣ стоялъ, упалъ на колѣна и просперъ обѣ руки. Отецъ и мать успремились къ нему, обняли, и ихъ слезы оросили лице сыновнее; онъ цѣловалъ ихъ руки, колѣна, ноги, и задыхаясь отъ рыданія, не могъ произнести ни одного слова. — Валеріанъ его поднялъ, подвелъ къ распроганному Кассіану, и сказалъ: благодарю тебя, Графъ, за твою дружбу! Сынъ мой—какъ тебѣ извѣстно—любимъ дочь твою Людмилу. Не откажись сосланишь его счастье!

Кассіанъ подвелъ препещущую Людмилу къ Аристіону, подалъ ему руку ея и сказалъ въ полголоса: единственную, любезную дочь мою тебѣ вручаю! Если она, по твоему увѣренію, можетъ сосланишь твое счастье, то приложи все стараніе сдѣлать и ее счастливою! Благословеніе Божіе и родительское да сдѣлаетъ всѣ дни ваши днями истиннаго благополучія!

Аристіонъ и Людмила, держась за руки, упали на колѣна, и слезящіе родители торжественно произнесли надъ ними свое благословеніе.

Любовники вспали, но не смѣли взглянуть другъ на друга. Рука Людмилы дрожала въ препещущей рукѣ Аристіона. Они не прежде ободрились, какъ вошедшій Трофимъ повѣдалъ, что къ священнодѣйствію все готово. Валеріанъ ввелъ сына своего въ залу, гдѣ было уже великое множество госпей обоего пола, опрекомендоваль его, и всѣ пошли въ домашнюю церковь. — Хотя Валеріанъ и Софія ничего особеннаго не сказали своему сыну, но уже въ храмъ Кассіанъ шепнулъ ему на ухо: молись Господу Богу усердіе! Въ сей день я назову тебя сыномъ, а Людмила супругомъ. — Аристіонъ пришелъ въ новой восшоргѣ, и никогда — ни предъ однимъ сраженіемъ — не молился съ такимъ усердіемъ, какъ въ день сей. Священнодѣйствіе кончилось — и любовники сдѣлались супругами.

День прошелъ въ великолѣпномъ пиршествѣ. Многіе изъ госпей, кои жили опдаленіе другихъ, оставлены въ домѣ до окончанія праздниковъ. Торжество длилось цѣлую недѣлю, и Аристіонъ опъ

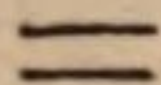
своей молодой супруги успѣлъ только узнать, что опца ея зовутъ Родіономъ, и онъ есть Графъ, извѣстный по сану и богатству. Въ прочемъ она предоставляла ему самому узнать отъ родителѣй о той комедіи, которую всѣ они цѣлой годъ играли, не исключая Трофима, Сисоя, Никона и Макара, которые обо всемъ предварены уже были.

Наконецъ всѣ успали отъ непрерывныхъ праздниковъ: госпи разъѣхались и всякой занялся своимъ дѣломъ, хотя и не на прежнюю спашь. — Въ домъ рѣдкій часъ проходилъ безъ гостей, и почтенная хозяйка съ молодою невѣсткой имѣла обязанность принимать ихъ и угащивать. Что жъ касается до Валеріана, его сына и друга, то они жили почти по прежнему, и рѣдко являлись гостямъ прежде обѣденной поры.

Не излишнее будетъ упомянуть, что во время свадебныхъ пиршествъ, въ прежнемъ Аристіоновомъ убѣжищѣ, изъ коего библіотека перенесена въ большой домъ, и оставлена въ его кабинетѣ, Трофимъ,

Сисой и Макаръ угощали небогатыхъ сосѣднихъ дворянъ, каковы на примѣръ были Сильвестръ, Парамонъ и доброй Германъ, исключая одного ненавистнаго скряги Тараха, и при прощаньи каждый получилъ приличный подарокъ, какъ то: первому дано хорошее ружье, другому корзина съ напishками, а послѣднему, по особенной просьбѣ Аристiона, нѣсколько десятинъ удобной земли. Честной Никонъ такъ же забытъ не былъ.

ГЛАВА L.

ПРИМѢРНЫЕ РОДИТЕЛИ.

Въ одно утро Валеріанъ, уединясь съ сыномъ въ свой кабинетъ, сказалъ: любезный другъ! справедливость требуетъ,

чтобы ты узналъ отца своего покороче. Это, я думаю, будешь и для тебя не неприятно. И такъ знай, что отецъ мой и Родіоновъ, первые помѣщики въ сей округѣ, были истинными друзьями до гробовой разлуки, и дѣлили между собой какъ радости, такъ и скорби житейскія, ибо по вѣчнымъ ушамъ Провидѣнія, горестъ не рѣдко вкрадывается въ сердце, хотя на шеѣ блистающъ крестъ, а на груди звѣзды. — Едва я началъ понимать себя, какъ уже чувствовалъ, что люблю Родіона, какъ брата. Любовь сія съ лѣтами въ насъ возрастала. Хотя я былъ нѣсколько спарѣ моего друга, но родители разсудили обоихъ насъ отправить вмѣстѣ въ Кенигсбергъ, для продолженія наукъ, кои преподавали намъ въ деревнѣ учителя, изъ Москвы выписанные.

Десять лѣтъ провели мы въ Университетѣ, день ото дня утверждаясь въ дружбѣ: а школьные друзья весьма рѣдко перешающъ бытъ такими. По прошествіи сего времени, мы вызваны въ дома, и намъ предоставлено на волю избрать будущій

родъ жизни. Мы, будучи и въ семь согласны, бросились на поприще военное, и думаю, тебѣ извѣстно о тѣхъ своемъ дѣда— я не боялся непріятеля: но полученные раны, прошивъ воли моей увлекли меня съ полемъ брани, и я взялъ отставку съ чиномъ Бригадира. Что могло утѣшить меня въ то время, такъ это мысль, что и въ отставку могу я сколько жъ быть полезенъ отечеству и угоденъ Богу, если поставлю непремѣнною обязанностью дѣлать вокругъ себя сколько добра, сколько буду въ силахъ.

Родіонъ продолжалъ воинское поприще; но переписка безпрестанно между нами продолжалась, а дружба отъ разлуки ни мало не ослабѣла. Въ послѣдствіи времени мы оба избрали себѣ супругъ, и ты уже былъ семи лѣтъ и находился въ столицѣ, какъ родилась Людмила, и ея рожденіе стоило жизни матери. Пошля эта такъ поразила моего друга, что немедленно взялъ онъ отставку, будучи въ чинѣ Генерала, и съ малюшкой прибылъ ко мнѣ. Другъ мой, сказалъ онъ со слезами,

вручаю попеченію достойной супруги твоей дальнѣйшую жизнь моей Людмилы! У нея нѣтъ матери, а одинъ отецъ едва ли можешь воспитать дочь, какъ надобно. Если тебѣ не противно, я назначаю ее для твоего сына. Пусть твоя Софія образуетъ въ ней дочь свою.

Мать твоя съ восторгомъ приняла дѣла въ свои объятія, а я, бросаясь на шею Родіону, сказалъ: даю тебѣ слово чести и слово дружбы, что дочь твою съ этой минуты я и жена моя за священный долгъ считаемъ любить и образовывать, какъ собственную дочь, и современемъ увидѣшь ее любезною нашею невѣсткою.

Мы сдержали свое слово, и ты видишь, какъ Людмила воспитана, хотя никогда въ столицѣ не бывала, и повѣсть о ней опущена была вымышленна. Родіонъ, будучи еще молодъ, соскучился единообразною сельскою жизнью. Узнавъ сосѣднее дворянство о достоинствахъ, сначала выбрало его своимъ Предводителемъ, потомъ онъ пожалованъ въ Вице-Губернаторы, а наконецъ и въ Губернаторы. Тогда, осма-

привая каждое лѣпо вѣренную ему губернію, онъ проживалъ у меня по нѣсколь-
ку времени, чшобы налюбоваться своею до-
черью. Такъ пропекли многія лѣпа. Вой-
на въ Италіи кончилась, а съ нею пре-
крапились и наши дни безмятежные. Въ
скоромъ времени по возвращеніи швоемъ
въ столицу, начали мы получаць опъ
шебя письма, не заключающія въ себѣ ни-
чего, кромѣ просьбъ о благословеніи и о
присылкѣ денегъ. Долго исполнялъ я швои
желанія, предписавъ спрого Макару увѣ-
домлять меня объ употребленіи оныхъ,
и каждое письмо его поспешенно болѣе и
болѣе насъ печалило. Я не ушайлъ се-
го опъ моего друга; онъ пошчасъ взялъ
опспавку, и прискакалъ ко мнѣ съ ушѣ-
шеніемъ и совѣпомъ, какъ спасши тебя,
и сдѣлашь счастливымъ человекомъ, соеди-
нивъ съ нашею Людмилой. Побѣгъ шво-
ихъ слугъ и пріѣздъ сюда, равно объявле-
ніе о мнимой нашей смерти, еспъ дѣй-
ствіе обдуманное. Макаръ получилъ день-
ги на дорогу и на расплашу долговъ, а
Трофимъ объѣздилъ всѣ мои деревни и со-

сѣднихъ дворянъ, приказавъ старостамъ первыхъ и прося послѣднихъ, считашъ меня и жену мою въ числѣ мершвыхъ, пока не заблагоразсудится намъ воскреснуть. Мать пшоя вмѣстѣ съ Людмилой и приличнымъ числомъ служивелей оправились въ одинъ изъ моихъ хушоровъ, гдѣ и жили до этого времени. Какъ планъ сей производился въ дѣйствіе и чѣмъ все кончилось, тебѣ извѣстно.

Валеріанъ умолкъ. Аріспіонъ упалъ къ ногамъ его, облобызалъ руки, и со слезами воззвалъ: милосердное Небо! чѣмъ заслужилъ я, что имѣю такого опща? О! да покараешь меня вышнее Правосудіе, если я когда либо съ намѣреніемъ уклонюсь отъ правилъ, симъ благодѣштельнымъ опцемъ мнѣ преподанныхъ!»—Валеріанъ поцѣловалъ его и обнялъ. Скоро доложено было о пріѣздѣ госпей, и каждый изъ нихъ пошелъ въ свою уберную.

Въ мирѣ и взаимной любви, это добродѣштельное семейство провело цѣлой годъ въ деревнѣ, и къ концу онаго Валеріанъ,

Софія и Родіонъ съ благодарными слезами
къ Небу заключили въ обѣщанія свои пер-
венца любви Аристіона и Людмилы.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
Г л а в а 1. Бригадиръ.	1
— — — — 11. Воспишаніе въ пансіонъ.	4
— — — — 111. Лекарства опъ скуки.	6
— — — — 111. Фіона.	10
— — — — 11. Скользящая дорога.	14
— — — — 11. Обороты.	17
— — — — 111. Хозяинъ и хозяйка.	21
— — — — 1111. Задача.	26
— — — — 1111. Чудной долгъ.	28
— — — — 11111. Новая промышленность.	30
— — — — 111111. Оборотъ не удался.	34
— — — — 1111111. Числъ со всѣхъ сторонъ.	39
— — — — 11111111. Необходимый обманъ.	41
— — — — 111111111. Примѣрная сдача кварширы.	43
— — — — 1111111111. Побѣгъ.	45
— — — — 11111111111. Прибытіе на родину.	48
— — — — 111111111111. Послѣдній ночлегъ въ дорогъ.	50
— — — — 1111111111111. Случилось, чего и не чаяли.	54
— — — — 11111111111111. Надежда на Провидѣніе.	59
— — — — 111111111111111. Къ чему не приведетъ нужда?	63

	<i>Стран.</i>
ГЛАВА XXI. Авось!	66
——— XXII. Мирныя условія.	69
——— XXIII. Начало исправленія.	74
——— XXIV. Ошпельники.	77
——— XXV. Прибились къ берегу.	80
——— XXVI. Первое упрѣ въ новомъ жилищѣ.	85
——— XXVII. Новой знакомецъ.	90
——— XXVIII. Начало перевоспитанія.	92
——— XXIX. Смущеніе.	97
——— XXX. Важное свиданіе.	100
——— XXXI. Поршрешъ.	104
——— XXXII. Ученые.	107
——— XXXIII. Присупъ къ ученію.	111
——— XXXIV. Уроки.	113
——— XXXV. Польза Исторіи.	117
——— XXXVI. Поиашный ученикъ.	121
——— XXXVII. Весна въ деревнѣ.	130
——— XXXVIII. Лѣта глубокомыслія.	134
——— XXXIX. Праздникъ въ будни.	137
——— XL. Охотникъ.	141
——— XLI. Наблюдатели.	147
——— XLII. Бережливый.	151
——— XLIII. Суды Божіи неисповѣдимы.	156
——— XLIV. Христіанскіе поборы.	160
——— XLV. Пагубная личица.	164
——— XLVI. Сельскія каршины.	170
——— XLVII. Весельчакъ.	175
——— XLVIII. Дворянскія увеселенія по деревнямъ.	180

	<i>Стран.</i>
ГЛАВА XLIX. Способъ вразумляшья.	185
——— L. Испытаніе.	189
——— LI. Сирота.	193
——— LII. Какъ счастливъ благошворитель.	199
——— LIII. Награда трудолюбія.	203
——— LIV. Помѣстье Зинаиды.	206
——— LV. Крипическое признаніе.	209
——— LVI. Справедливое удивленіе.	213
——— LVII. Первая любовь.	218
——— LIX. Усердныя молитвы.	223
——— LX. Сельскій праздникъ.	228
——— LXI. Меланхоликъ.	234
——— LXII. Лекарства.	239
——— LXIII. Утѣшеніе.	242
——— LXIV. Затрудненіе.	246
——— LXV. Послѣ ненастья ведро.	249
——— LXVI. Сладкая надежда	253
——— LXVII. Увы! надежда обманула.	257
——— LXVIII. Опчаянная рѣшительность.	263
——— LXIX. Тщешные поиски.	269
——— LXX. Бѣглець ошмысканъ.	273
——— LXXI. Тяжкая неизвѣстность.	279
——— LXXII. Конецъ вѣчаешъ дѣло.	283
——— L. Примѣрные родители.	288

=

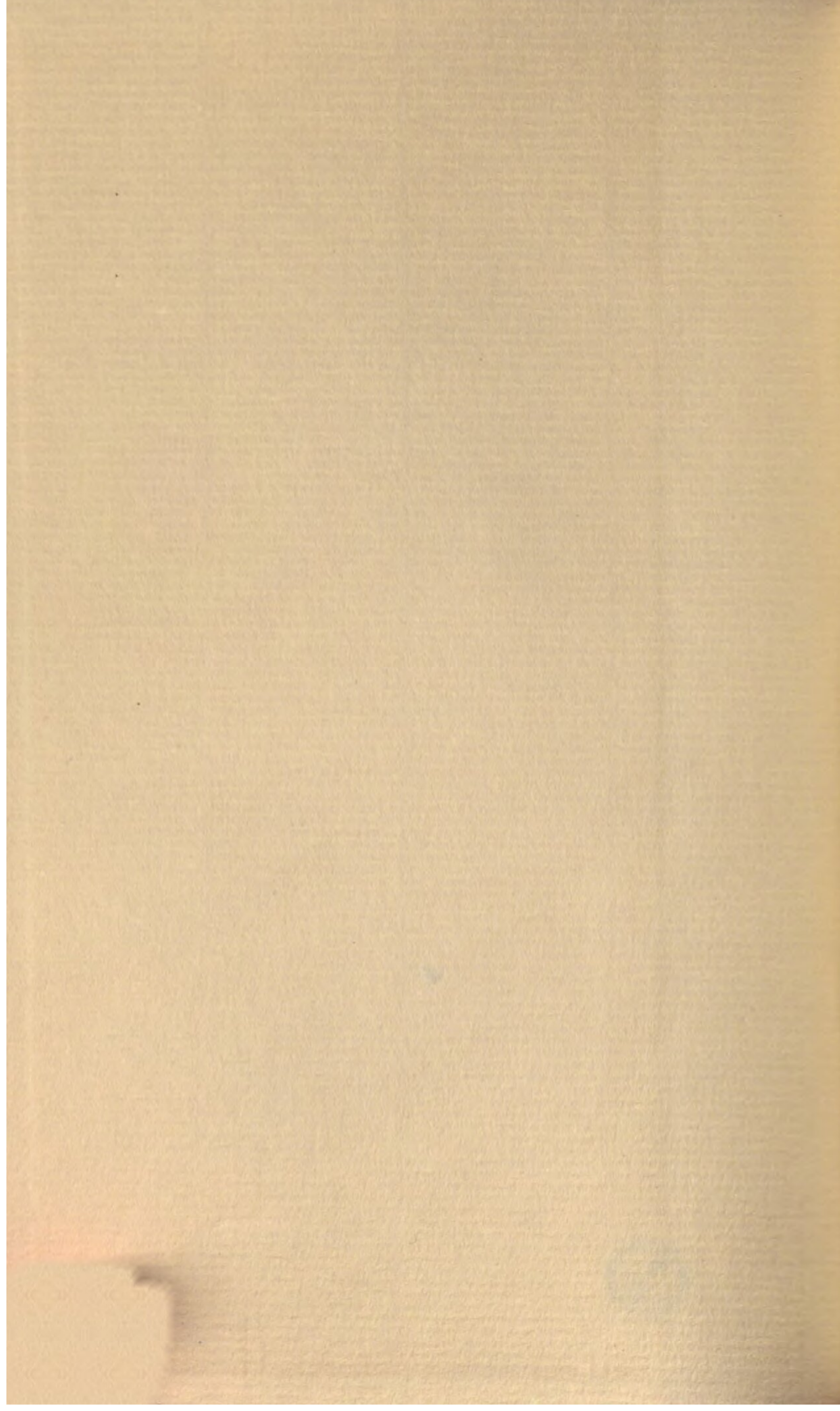
Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

er Greiner
chbinderel
nchen 15

Narežnyj, Vasilij,

Romany i pověsti

Bd.: 5

Sanktpeterburg 1836

P.o.russ. 83-5

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610151-0